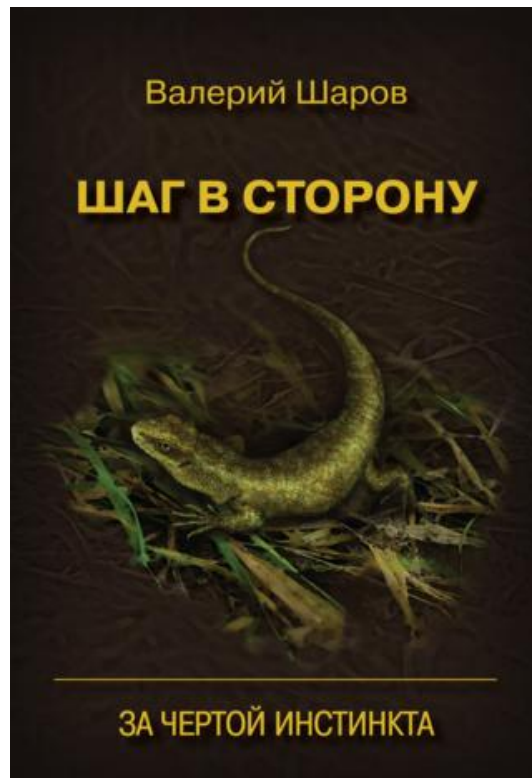

Валерий Шаров

Шаг в сторону. За чертой инстинкта

© Шаров В. Ю., 2012

© Дюкова М. В., рисунки, 2012

© Ланских Д. И., обложка, 2012

© Издательство «РТСофт», 2012

Вместо предисловия

Это случилось в начале семидесятых годов двадцатого века в живописной российской глубинке. Яркое летнее солнце топило воздух и землю, отчего в середине дня не то что люди, но звери и птицы затаились в тени до вечерней прохлады. Тишину поспевающей на колхозном поле пшеницы не нарушал даже ленивый тёплый ветерок – только неутомимые кузнечики словно плели над разомлевшей от зноя землёй паутину своего незамысловатого стрекотания.

В этой сладостной расслабляющей истоме вдруг загорелся стоящий у края поля колхозный трактор. Поначалу робко и беззаботно, под стать разленившейся природе и не посягая на монотонное звучание невидимого оркестра, а вскоре – высоко и широко, поднимаясь огненным голосом до стрекотания беззаботных насекомых и перекрывая его. То ли нестерпимая жара воспламенила что-то в небрежно оставленной машине, то ли бросил кто-то незатушенный окурок, или ещё что-то непредвиденное стряслось, но это не главное в понимании последующих событий, тем более что истинную причину пожара так и не удалось потом установить. Главное – огонь полностью охватил трактор и принялся уже за поспевающую пшеницу, вплотную подходящую к посёлку, а рядом оказались два живущих в этом посёлке человека. Судьба неотвратимо привела их в ту точку пространства, времени и обстоятельств, где нужно было незамедлительно делать выбор. Очень жёсткий выбор, поскольку пламя набрало уже хорошую силу и само в такую жару и сушь отступить не могло. Эти единственные оказавшиеся поблизости люди, никогда ранее в такую ситуацию не попадавшие, могли либо броситься тушить пожар, либо уйти подальше и не проявлять никакого героизма. Но один из этих людей, восемнадцатилетний Толя Мерзлов, кинулся в пламя, отчаянно начал его тушить и... погиб в итоге в неравной борьбе с разбушевавшейся стихией. Другой же свидетель пожара на колхозном поле шагнул в сторону. И остался жив.

Понятно, после такого начала хочется больше узнать о шагнувшем в огонь человеке и о том, как и почему совершил он подобный поступок. Об этом событии под Рязанью было написано несколько подробных статей в главной в то время молодёжной газете страны «Комсомольская правда», после которых в редакцию посыпались письма. Нужно ли оценивать его поступок как героический, оправданная ли это смерть? Какие личные качества и духовные ценности заставили парня шагнуть в огонь? Кто в подобной ситуации поступил бы так же, а кто осознанно не стал бы рисковать своей жизнью ради колхозного имущества? Разговор об Анатолии Мерзлове, погибшем в том огне, и о людях, которые проявляют в необычных ситуациях качества, свойственные человеку как разумному существу с высокими духовными ценностями, будет во второй книге моей трилогии.

А в этой речи пойдёт о людях, которые в критических обстоятельствах, что называется, «пасуют», уходят в сторону. Делают шаг в сторону не только от чреватых опасностью для их здоровья и жизни внешних обстоятельств, но и от того, что мы понимаем как проявление высоты человеческого духа. То есть о таком поведении людей в необычных ситуациях, которое в определённой мере обозначил шаг того, другого человека в сторону от пожара на колхозном поле с пшеницей – подальше от огня. Подальше от пусть морально высоко

оцениваемого обществом, но чреватого опасностью героизма. Спасение собственной шкуры и бездействие в ситуациях, когда нужно и должно помочь нуждающимся в этой помощи. Или, наоборот, бессмысленный риск собственной, а порой даже чужой жизнью ради материальных ценностей. Установление власти над другими людьми, упоение ею и жажда лёгкой наживы, чрезмерные страдания от возникающих личных проблем и неоправданное перекладывание их на окружающих.

Люди есть люди. Схожие воспитанием и условиями быта, физическими данными и принадлежностью к одной идеологии или религии. Похожие даже поведением в обычных ситуациях, они в непривычных для них, экстремальных обстоятельствах вдруг выдают такое, что их близкие и хорошие знакомые хватаются за голову и восклицают: «Не может быть!» Потому что, кроме биологических, инстинктивных опор, являющихся главными в поведении животных, которое от этого становится весьма предсказуемым, поведение человека определяется огромным набором психических и социальных мотивов. Таких как семейные и общественные ценности, религиозные и идеологические взгляды, совесть и долг, интеллектуальный уровень, карьера, понятие смысла жизни. И многое другое, что, подобно скрывающимся в земле корням дерева, уходит ещё в необъятную и важную для поведения человека сферу его психики – бессознательное. И если в обычных ситуациях человек как бы играет прочно усвоенную социальную роль, то чрезвычайные условия, заставляющие действовать, обнажают его внутреннюю суть. Порой не очень понятную и приятную окружающим, да и ему самому. Поведение людей здесь куда более разнообразно и менее предсказуемо.

Задумав рассказать о поведении человека в необычных ситуациях, я меньше всего задавался целью оценить с позиции «хорошо-плохо» действия того или иного своего героя, которые все без исключения реальны. Как реальны и условия, в которых они действуют. По этическим соображениям изменены или опущены лишь некоторые имена. Я также далек от мысли наставлять кого-то, как вести себя в той или иной ситуации, хотя заинтересованный читатель и мыслящий человек всегда сможет сделать вывод из ошибок, поражений или побед других людей. Просто мне захотелось узнать, каковы тут пределы... непредсказуемости, что ли, и разнообразия человеческого поведения в необычных обстоятельствах. Ну и, быть может, если сильно повезёт, то попытаться понять, почему в одной и той же ситуации один человек ведёт себя так, а другой – совершенно иначе. И вот, приоткрыв уголок занавеса над грандиозным и непостижимым до конца действием под названием «ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ» и подсмотрев там нечто, поразившее меня, я спешу поделиться увиденным.

Глава 1. Кошелёк или жизнь?

Невозможно сказать, когда и кем был впервые поставлен перед человеком этот вопрос. Но достоверно известно, что в оные времена звучал он на дорогах не так уж редко. По-разному решали путники непростую проблему: кто-то без

раздумий отдавал грабителям всё, что имел, кто-то выхватывал шпагу и в неравной схватке терял и то и другое или повергал наглых «романтиков с большой дороги» в позорное бегство. А иные сами пускались наутек, спасая порой и кошелёк, и собственную шкуру. Да, небезопасно было путешествовать... Кажется смешным серьёзно сопоставлять жизнь и имущество в наше время – век неудержимого роста благополучия людей и появления всё новых и новых духовных ценностей. Но меня заставил это сделать случай, невольным свидетелем которого я стал.

Январским субботним утром 1987 года на станции московского метро «Войковская» остановился поезд, идущий в центр, и пассажиры стали заполнять вагоны. «Осторожно, двери закрываются», – прозвучала уже из динамиков знакомая предупредительная фраза, но спускавшиеся по лестнице на перрон люди всё вскакивали и вскакивали в последний вагон. Признаюсь, я веду себя точно так же, особенно когда спешу, нисколько не задумываясь о последствиях такого нарушения правил. Более того, и в закрывающиеся двери нередко впрыгиваю. И не испытываю при этом ни сомнения, ни страха. А если зажмёт дверьми руку или ногу, то приоткрыть их, как правило, не составляет чрезмерного труда. Что нередко со мной бывало. Да многие так делают.

И напрасно!

Тем утром я никуда шибко не спешил. Поэтому решил не суетиться и вместо судорожного проскальзывания в сходящиеся двери, наоборот, шагнул назад. В тот же момент заметил метнувшуюся мимо меня в вагон женщину. Она явно не успевала, но в последний миг сделала несвойственное для подземки движение – такое делают пловцы при отрыве от стартовой тумбы. Но за закрывшиеся двери, как мне показалось, успели проникнуть только её руки с небольшой матерчатой сумкой. По логике двери после этого должны были бы открыться – с помощью машиниста, пассажиров в вагоне или самой попавшейся – и впустить человека внутрь. Или освободить его. Произошло, однако, иное. Поезд тронулся. Все подробности последовавшей за этим жуткой сцены, которая длилась не более минуты, отпечатались в моём сознании, как на киноплёнке.

Женщина сначала сделала несколько шагов вслед за движущимся составом. При этом она смотрела в сторону головного вагона, вероятно ожидая оттуда спасительных действий. Но их не было. Поезд пошёл быстрее. Несчастливая женщина уже бежала за ним, что-то крича...

Простите, а где же была дежурная по станции? Почему не сработал этот первый уровень безопасности и среди многочисленных пассажиров на платформе не оказалось человека в красной шапочке, который поднятием отправного диска

даёт машинисту сигнал «Всё в порядке – можно трогаться»? Позднее в разговоре с дежурной я услышал следующее: «Да разве за всем усмотришь?! Ведь я одна на станции, даже помощника теперь нет. А должна и за поездами следить, и за порядком на платформе. И штаты в моём ведении, и работа в кассах. Там за сигнализацией проследи, там свет выключи, здесь включи. У идущего в тоннель рабочего документы проверь. Ну как тут за всем поспеть?»

А поезд стремительно уходил со станции. Его несчастная жертва уже с неестественной для её возраста и комплекции скоростью неслась по платформе, едва успевая перебирать ногами. Её истошные крики мешались с криками очевидцев происходящего и тонули в грохоте разгоняющегося состава...

Но другая ступень страховки? Почему в кабине машиниста не знали о зажатом в дверях человеке? Я и мысли не допускаю, что знали, но ничего не делали для спасения, – уверен, не знали! Потом, в инструкторской машинистов на этой станции услышал я от специалистов, что, действительно, существует сигнализация, оповещающая машиниста состава о незакрытии или неполном закрытии дверей. Поезд не должен трогаться, если в дверях оказался человек или застряла чья-то рука, нога (кто не слышал грозного окрика машиниста по селектору «Не держите двери!»?!), но для этого ширина зазора несомкнувшихся створок дверей не должна превышать одного-двух сантиметров.

Между тем часть состава уже скрылась в тоннеле. Бедную женщину, не выдержавшую безумной гонки и, видимо споткнувшуюся, теперь просто волокло по платформе. Ещё мгновение – и её затащит в тоннель, ударит о заграждение или швырнёт на рельсы. Она и не пыталась встать. Возможно, ужас или страх парализовали её волю и лишили способности действовать. Не исключено, что человек уже и вовсе был без сознания. Со смешанным чувством ужаса и собственного бессилия смотрел я вслед стремительно удаляющемуся последнему вагону. Кажется, кричал. Или даже непонятно почему свистел, отчаянно махал рукой, не осознавая в тот драматичный момент: если машинист не видит «привязанного» к поезду человека, то мои знаки не видит и подавно...

Выходит, отказал и третий уровень безопасности – визуальный! То ли машинист не посмотрел перед отправлением в большое обзорное зеркало на платформе, перед которым останавливается головной вагон, то ли загородил ему кто-то обзор. А через маленькое зеркало возле окна машиниста всего происходящего возле состава не увидишь.

И всё же сработало что-то! Когда казалось, что трагедия уже неминуема, поезд вдруг резко, со скрежетом затормозил. Видимо, кто-то в вагоне успел подать машинисту тревожный сигнал. Или сам он глянул в маленькое зеркальце слева

и... воображаю его чувства в этот момент! Экстренное торможение за секунды остановило почти разогнавшийся состав. Когда он наконец замер и открылись двери, большая часть вагонов была не видна – они скрылись в тоннеле. Стало как-то потрясающе тихо. Тут же бросились к лежащей женщине, подняли её, отвели подальше от края платформы. На шпалах, метрах в восьми от последнего вагона, как немое напоминание того, чем всё это могло закончиться, осталась лежать её испачканная и помятая меховая шапка. К великому счастью, всё закончилось благополучно. Если не считать кровоточащей ссадины на руке пострадавшей, синяков на локтях да её разбитых очков.

И, как часто бывает после сильного потрясения, которое не успеваешь осознать в стремительные мгновения происходящего, теперь, когда всё уже было позади, меня вдруг забила дрожь, затряслись руки. А в сознании замельтешили, перебивая друг друга, вряд ли уместные сейчас вопросы: «Как могло такое произойти? Кто ответит за случившееся?»

Придя наконец в относительно нормальное состояние, я подошёл к ещё трясущейся и сильно побелевшей женщине. Как и обступившие её люди, постарался как-то успокоить, сказав несколько соответствующих ситуации слов.

– У вас что же, дверью защемило руку? – скорее просто автоматически, нежели специально, задал ей вопрос.

– Нет, – ответила женщина, – туда попала сумка...

– ?

– А в сумке деньги и документы, – поспешила развеять моё нарождающееся и, конечно же, прописавшееся на лице недоумение её попутчица.

Ошарашенный таким поворотом дела, я замолчал. Удивлённо смотрел на стоящую передо мной – без шапки и очков, в испачканном пальто, с кровоточащими ссадинами, минуту назад выбравшуюся с того света... И не понимал. И не хотел верить услышанному. А она растерянно мяла в руках злополучную сумку и, похоже, сама начинала осознавать дикую несуразность происшедшего с ней. Затем попыталась восстановить картину случившегося:

– Я не могу точно сказать, что же попало в двери: то ли рука, то ли пальцы. Когда это случилось, думала, вот сейчас двери откроются. А поезд вдруг поехал. Я прошла, потом пробежала за ним несколько шагов. И тут налетел страшный поток воздуха... Я упала от него. Слетели очки, шапка... Не понимала вообще, что со мной происходит. Протащило по платформе метров

десять. Потом он остановился... Сумку, по-моему, мне кто-то после этого принёс.

– Но как же вы упали, если, как говорите, ваша рука или пальцы были зажаты в дверях?

На это она уже ничего вразумительного ответить не смогла.

– Это моя или халатность, или невменяемость – не знаю, – съехала с начатой мною темы.

– У меня в двери, наверное, нога попала... – произнесла ещё как-то весьма неуверенно.

Но, видимо вспомнив, как бежала по платформе, замолкла. А передо мной с потрясающей очевидностью начинала вставать истинная картина этого нелепого происшествия. Тут подошёл милиционер, пострадавшая попала под его опеку, и, растерянный, отправился я своей дорогой. Не спросив даже, что за документы и какие деньги были в сумке, которую не выпускала женщина из своих рук даже перед угрозой гибели. Да неужто решится кто-то назвать такие деньги или даже документы, ради которых можно забыть обо всём, в том числе и о собственной жизни?!

Пожалуй, не стоило марать бумагу и надолго обременять сознание этим курьёзным случаем, будь он уникальным. Чего не случается? Ну потерял человек контроль над ситуацией, не сообразил вовремя, что к чему. Однако происшествие не шло у меня из головы, будоражило и лишало покоя. И тогда любопытства ради обратился я в службу движения Московского метрополитена и, так же движимый чистым любопытством, стал просматривать пухлую папку со сведениями о несчастных случаях на одной из его линий. И вот после непродолжительной работы наткнулся на запись, поразившую меня подобно удару тока.

«...31 июля 1984 года в 20 часов 21 минуту на станции «Автозаводская» в шестом вагоне у гражданки Кулешовой Клавдии Михайловны 1914 года рождения зажалось дверью сумку, где были 273 рубля и продукты. Державшись за ручки сумки, женщина бежала по платформе за поездом. Потеряв равновесие, упала и метров десять её протащило по платформе. Её успела отдернуть от двери другая пассажирка. Поезд не останавливался. Причина происшествия – личная неосторожность... Последствия – отделалась лишь лёгкими ссадинами на ноге».

Бог мой, да это же один к одному виденный мною случай! Только помимо года ещё и станция другая. Однако не описанием инцидента, как две капли воды похожего на наблюдаемый мною, поражали сухие строчки из рапорта дежурной. Нет! А тем, что здесь с точностью до рубля была названа сумма. Цена жизни. Так вот ради чего можно потерять голову и напрочь забыть о смерти!

Впрочем, может, я слишком строго сужу семидесятилетнюю пенсионерку, у которой не то что три с лишним сотни – каждый рубль на счету? Да и первую женщину тоже – вряд ли в её сумке было намного больше денег. К тому же страшного-то ничего не произошло, хотя было, как говорится, на грани... Но вот ещё одно происшествие из летописи службы движения Московского метрополитена. За несколько лет до увиденного мною и так поразившего меня случая на той же самой станции произошла куда более трагичная история.

Ранним июньским утром из поезда вышел молодой, спортивного вида парень. Когда двери сомкнулись, он вспомнил, что забыл на сиденье грампластинку. Ни секунды не раздумывая, бросился к раскрытому окну уже тронувшегося поезда. Крепко зацепился за металлическую раму, подтянулся. Попытался влезть внутрь, но сей спелеологический финт у него не вышел. Состав между тем уже набрал приличную скорость и исчезал в тоннеле. Болтавшегося на окне

человека с силой ударило о заграждение и бросило в темноту. Поезд затормозил. С многочисленными серьёзнейшими травмами и без чувств вынесли парня на платформу. Когда пришёл в сознание, то первыми его словами были: «Где моя пластинка?»

– О чём вы говорите?! – попытался вразумить его кто-то из находящихся рядом.

– Сейчас приедет скорая помощь, и вас отвезут в больницу.

– Да вы что! Я заплатил за неё пятьдесят рублей...

Вот цена его жизни. Правда, он не умер. Но стал инвалидом.

Можно, конечно, предположить, что тут во всём виновато... метро, а точнее – пребывание людей под землёй. Дескать, условия хоть и довольно обширного, но всё-таки замкнутого подземного пространства так подспудно воздействуют на психику человека, что она начинает вытворять чёрт знает что и подводит своего хозяина под монастырь. Однако это предположение начисто опровергает трагикомический случай, происшедший за тысячи километров от Москвы и какого бы то ни было подземелья метро – на океанских просторах возле полуострова Камчатка. Случай, чудом не закончившийся трагедией.

Средний рыболовный траулер СРТ-17 дальневосточного объединения «Дальрыба», успешно в течение полутора месяцев отработавший в восточной части Охотского моря, возвращался во Владивосток. До родного порта оставалось чуть более двух суток хода. Трюмы траулера были полны красной рыбы, стоял конец сентября, и, хотя температура воздуха напоминала уже о приближающейся к этим краям зиме, обычно суровое Охотское море было на удивление спокойно – балла четыре, не более. Разве это волнение для эсэртэшки, привыкшей не то что празднично идти по морю, а выбирать сети и в куда более грозные волны?!

Настроение у экипажа было преотличное, а у весёлой компании, собравшейся в каюте радиста по случаю его вовремя подоспевшего дня рождения, – прекрасное вдвойне. Уже успели пропустить по три стакана – за именинника, за кормильца-море и за удачную ловлю, – и все собравшиеся никак не могли нахвалить повариху Настю Короткову, умудрившуюся сделать из изрядно надоевшей всем за полтора месяца горбуши нечто такое, что шло за водкой, не вызывая привычного уже чувства отвращения. Но всё-таки многодневная «красная» диета брала своё. И потому, разливая по гранёным стаканам

очередную порцию заботливо припасённой именинником для такого случая «Столичной», старпом Михеич мечтательно затынул:

– Эх, братцы, кабы под такой напиток да по такому поводу не будничную «горбушку», которой наша Настюшка сумела придать самый что ни есть праздничный антураж, а что-нибудь более деликатесное скушать... Тем паче что и тост грядёт особый – за тех, кто на берегу.

Все поняли, в чей адрес из присутствующих была выпущена ленивая и беззлобная эта стрела – в адрес Сергея Николаевича Усманова, буквально в последнюю минуту появившегося на судне и записанного в судовую роль метеорологом, но так до конца никому и не понятному, ибо этой самой метеорологией он, мягко говоря, занимался мало. Впрочем, люди, прошедшие суровую школу «Дальрыбы», мало интересовались, зачем и почему появляются вдруг на борту работники, которые не всегда тут нужны или не соответствуют записанной должности. Раз начальство там, во Владике, решило, а капитан тут подписал, то это больше никого касаться не должно.

Оно и не касалось. Каждый делал своё чётко определённое дело, а если что и думал о пребывании в море непривычного для эсэртэшки метеоролога, то в компании более двух ничего об этом не говорил. Точно так же никто ни слова не сказал о бурной деятельности Сергея Николаевича во время подхода их судна к крабообрабатывающей плавбазе, которую посетили они по каким-то капитанским делам. За полтора часа стояния у борта этой громадины метеоролог проявил необычайную активность, итогом которой стали два ящика великолепного камчатского краба – он умудрился выменять их у истосковавшихся по «газу» работяг с плавбазы всего за две бутылки спирта.

Этот краб, закатанный, как и положено левому товару в банки из-под икры минтая, в считанные секунды перекочевал с борта на борт и находился теперь в холодильнике у артельщика, ведающего на судне всем провиантом. Ждал своего часа по прибытии в порт. То ли в оплату пойдёт кому-то в конторе за устроенный рейс, то ли поддержит бюджет семьи Усмановых. А может, просто дети его очень любят этот морской продукт и съедят его сами, ни с кем не делаясь. Так или иначе, но почти все о двух этих двадцатикилограммовых ящиках знали, однако вряд ли кто-нибудь когда-нибудь и что-нибудь о них метеорологу сказал бы. Так бы, наверное, после рейса забыли и о метеорологе, и о его столь удачно выменянном крабе. Мужик-то он, в общем, был нормальный, что и подтверждало его присутствие на дне рождения радиста. Но вот тут, после трёх первых стаканов, крабы эти, почти уже уплывшие в небытие, вдруг всплыли посредством замысловатой тирады старпома. Все мгновенно поняли, о

чём идёт речь, хотя предмет назван не был. И, поняв также, о ком идёт речь, никто не удостоил Усманова даже коротким взглядом. Просто в весёлой и непринуждённой атмосфере гуляющей каюты вдруг разлился довольно редкий в этих краях аромат напряжения и ожидания.

Первым на него среагировал сам метеоролог. То ли чувствуя свою подспудную вину перед этими морскими работягами за то, что он внаглую появился здесь и задарма ел казённый хлеб, то ли безотносительно к его нахождению в море проснулось вдруг у Сергея Николаевича компанейское чувство или желание широкого жеста, но он вдруг решительно отстранился от томно прильнувшей к нему хвалёной поварихи Насти и весело воскликнул:

– А как насчёт краба? У меня тут есть кое-что на этот счёт!

И, увидев восторг на окружающих его лицах, уже вставая, бросил артельщику:

– Коля, дай ключи.

– погоди, Настюша, сейчас вернусь, – это – потревоженной и недовольной его вставанием женщине.

И, наконец, – в адрес всей компании:

– Ребята, разливайте, но не пейте без меня. Я – мухой.

Усманов зажал в кулак взятые у артельщика ключи от кладовой-холодильника и под одобрительные возгласы покинул прокуренную каюту. При первом же шаге по коридору его здорово мотануло влево, и он понял, что дело тут вовсе не в сильной болтанке.

– Вот чёрт, уже окосел, – весело подумал Сергей Николаевич, крепко ухватившись за поручень и концентрируясь на предстоящем пути до первой двери, – а всего-то граммов двести принял. Надо умерить темпы, не то ночью будет плохо.

Артельная находилась на нижней палубе. Чтобы попасть в неё, нужно было пройти небольшой коридорчик по средней палубе и после двери спуститься по короткой, но крутой лесенке вниз. Так что дорога туда и обратно и впрямь должна была занять не более пяти минут. Но будто назло торопившемуся Усманову кто-то основательно задраил коридорную дверь, и после нескольких неудачных попыток открыть её он понял, что придётся идти в обход – ведь не звать же ребят, чтобы помогли открыть дверь, засмеют, черти.

Чертыхаясь и кляня почём зря неизвестного блюстителя судовых правил, Сергей Николаевич пошёл в обход: вновь по узкому коридорчику мимо гуляющей каюты, затем по лесенке вверх на основную открытую палубу и далее, через две лесенки вниз – к двери артельной. Проходя по верхней палубе и всякий раз крепко хватаясь за поручни при каждом даже слабом крене судна, он успел отметить неизменную красоту морского заката. Осеннее солнце уже коснулось линии горизонта, и казалось, свинцовые волны заботливо умывают медный диск отходящего ко сну светила.

В артельной, подойдя к своим ящикам, он быстро вскрыл верхний и начал вытаскивать оттуда маленькие баночки с крабами. Затем вспомнил, что не взял с собой никакой сумки и попытался рассовать банки по карманам. Туда влезло штук пять. Столько же он взял в руки и уже хотел идти, как вдруг представил своё появление с этими жалкими десятью баночками перед оравой жаждущих обещанного деликатесного закуса. Немного подумал и, решив, что его появление с целым ящиком крабов будет куда больше соответствовать уже продекларированному широкому жесту, стал засовывать их обратно.

Сергей Николаевич не лишён был свойственного многим людям желания производить эффект. Тем более что в каюте, помимо выпивки и приятной компании, его ждала симпатичная и явно проявившая к нему определённый интерес, женщина.

– Только бы не свалиться, только бы не свалиться, – думал он, с трудом преодолевая с тяжёлой и очень неудобной ношей сначала одну, а затем другую крутые лестницы до верхней палубы.

После первой пришлось даже остановиться, чтобы перевести дух и поудобнее взять выскальзывающий из рук картонный ящик. Наконец ступени кончились, и Усманов, тяжело дышащий, но уже пьяный предстоящим восторгом своего скорого появления с таким количеством деликатеса перед восхищённой публикой засеменил по палубе. Самое тяжёлое было позади. Оставался только короткий горизонтальный путь по свежему воздуху и десяток ступенек вниз на среднюю палубу.

Судно размеренно качало, и ему пришлось двигаться намного медленнее, чем хотелось, чтобы со своей неудобной ношей попадать в такт с равномерным подъёмом и опусканием опоры. Он двигался по правому борту и уже подошёл к открытой двери на среднюю палубу, где его ждала последняя лесенка, когда этот борт встретил довольно мощную волну. От её удара судно быстро и сильно накренилось влево. Уже расслабленного близким завершением путешествия Сергея Николаевича вместе с ящиком сильно потянуло в ту же сторону, и,

чтобы не загреметь в развёрстую темноту хода вниз, он интуитивно отклонился в противоположном направлении. Отклонился вместе с ящиком крабов на онемевших от их тяжести руках. Вслед за этим судно естественным образом столь же сильно наклонилось вправо. Усманова так же властно, как секунду назад влево, потянуло вправо. В сторону моря.

Не будь в его руках тяжёлого груза, он давно уже схватился бы либо за поручни, идущие по стенке палубной надстройки, либо за достаточно высокое внешнее ограждение. А с занятыми руками, да ещё с таким весом на них, ему приходилось маневрировать только телом. Чувствуя уходящую опору справа, он попытался сделать аналогичное отклонение влево, но его собственных сил уже не хватало для преодоления растущей инерции ящика. По какому-то исключительно роковому стечению обстоятельств он оказался прямо напротив калиточки во внешнем ограждении, которая открывается при подходе судна к высокому причалу, и – совершенно уже невозможное дело! – она оказалась незапертой. Так что ворота в морскую пучину для метеоролога вместе с его крабами оказались натурально распахнутыми настезь.

Бессильно кренясь в эти ворота по вине злополучного ящика, по-прежнему не выпуская его из рук, он ещё мог предотвратить падение с борта. Для этого ему надо было всего-то оттолкнуть от себя в сторону моря тянущий его туда тяжёлый груз и по третьему закону Ньютона самому мотануться в противоположном направлении. То есть от моря. Тогда он и собственное падение остановил бы, и руки освободил для так и ждущих его вокруг поручней и всевозможных конструкций, за которые можно было схватиться.

Однако Сергей Николаевич поступил иначе: последним усилием развернувшись лицом к палубе, он резко бросил ящик в тёмный люк лестницы. Отчего сам с удвоенной силой, спиной вниз, на манер профессионального аквалангиста, полетел в море. Последнее, что он увидел в воздухе, пытаясь принять вертикальное положение перед входом в воду, – это наполовину скрывшийся за горизонтом кроваво-красный овал покидающего землю солнца. Сдавленный его крик, потушенный ударом о воду, никто не услышал. А вот грохот обрушившегося на лестницу ящика и высыпавшихся из него банок с крабами долетел до каюты, где эти самые крабы ожидали с особым энтузиазмом. Кстати, артельщик Коля уже и без того обеспокоился долгим отсутствием выпившего человека и собирался идти на его поиски.

Сильный шум в коридоре заставил половину компании выбежать из каюты. Тут увидели раскатившиеся по полу банки, поднялись наверх. Не найдя нигде Усманова и обнаружив раскрытую калитку, всё поняли и подняли тревогу.

Через десять минут подошли к нему, барахтающемуся в ледяной воде, и вскоре наполовину онемевшего от холода уже растирали спиртом. Сначала снаружи, а затем и изнутри. Как ни странно, крабовладелец не подхватил даже воспаления лёгких, хотя утверждают, что в такой воде – её температура была не более шести градусов – человек выдерживает всего минут восемь. Своего нелепого поведения со спасением ящика с крабами и собственной отправкой в ледяную пучину Усманов так толком объяснить и не смог.

Пришлось мне как-то в бытность работы во Всероссийском обществе слепых просматривать любопытную американскую брошюрку «Руководство по самообороне для слепых». Оказывается, не так уж обречен незрячий человек, если кто-то угрожает его жизни. И автор брошюры приводил множество способов самозащиты: от адаптированных приёмов карате до умелого использования трости и современной электроники. Но знаете, какой способ сохранения жизни стоял под номером один? Ни за что не догадаетесь!

Слушайте: «Если на вас напали с целью ограбления, то самое лучшее, что следует сделать, чтобы сохранить жизнь, – это тут же отдать всё имеющееся у вас ценное, ничего не утаивая...»

Конечно, это не намёк: дескать, о чём тут рассуждать – жизнь всегда дороже любых денег и ценностей. Нередко ведь не ради денег вступает человек в борьбу с грабителем. Он защищает свою честь, какие-то моральные принципы. И даже пострадавший, заслуживает он в этом случае уважения и восхищения. Однако – о, время! – старый, как мир, вопрос «Кошелёк или жизнь?» ставит ныне не грабитель с большой дороги, а современная техника, созданная для облегчения нашего существования. Естественно, лишённая алчности и морали, эмоций и интересов. От чьих посягательств защищать тут свою честь? Казалось бы, да бог с ней – десяткой, сотней, тысячей рублей! Здоровье, жизнь дороже. Но человек не всегда решает так. Вот что ещё поражает: мы требуем от учёных, врачей, общества в целом всё большей и большей заботы о нашем благополучии. Справедливо возмущаемся, негодуем, когда что-то тут не по-нашему. И совершенно не думаем о собственной ответственности перед своим здоровьем, жизнью.

Можно понять самопожертвование ради жизни другого человека, причём не всегда кого-то из родных или близких. Самопожертвования ради коллективного имущества – такие случаи известны, и их немало. Оно объяснимо с точки зрения морали. Это подвиг! Но забывать о жизни ради авоськи с тремя сотнями, ради пластинки за пятьдесят рублей, спускаться на рельсы метро ради оброненной связки ключей, лезть пальцами в решётки эскалатора, дабы собрать рассыпавшиеся шоколадные конфеты... это что-то за пределами разума! И куда исчезает чувство самосохранения, свойственное всему живому? Ведь в случае опасности для жизни ящерица оставляет в зубах или руках схватившего свой хвост, но сохраняет жизнь. Собака отдаёт более сильному сопернику самый лакомый кусок. Да и многим людям присуще это чувство самосохранения. Вспомним хотя бы штангиста, идущего на рекордный вес и молниеносно сбрасывающего тяжёлый снаряд, который начинает его давить.

А вот интеллигентная женщина, инженер из НИИ не отпускает сумку с деньгами и только чудом не погибает. Пожилой мужчина с высшим образованием ценой падения в ледяную морскую воду спасает ящик крабов, который обошёлся ему в пару бутылок спирта. Молодой парень, для которого заработать полсотни – сущий пустяк, – из-за этой смехотворной суммы становится калекой на всю жизнь. Кстати, родители его потом пытались получить с метрополитена пенсию для сына – «за причинённые телесные повреждения, приведшие к инвалидности». Абсурд! Какая компенсация, если человек сам виноват? Сам сделал выбор. Отчего именно такой выбор?

Конечно, в какой-то мере виновато общество, не сумевшее воспитать в своих гражданах элементарного чувства ценности собственной жизни. Но какие

можно предъявлять претензии советскому обществу, которое не только не учило ценить жизнь, но главной опорой собственного существования сделало уничтожение миллионов ни в чём не повинных людей ради практически недостижимой, мифической социальной идеи?!

Впрочем, оставим в покое идеологию. Куда более интересен другой, технократический аспект абсурдного поведения перед лицом смертельной опасности. Он касается соблюдения элементарных правил пользования современной техникой. Взять хотя бы тот же метрополитен, правила пользования которым *запрещают* даже приближаться к движущемуся составу. А ещё – «задерживать закрытие и открытие дверей на остановках», «спускаться на пути» и так далее. Всегда ли мы их выполняем? Увы...

В третьем тысячелетии достижения науки и техники стали для большинства людей такой же обыденностью, как, скажем, вода. Но как можно утонуть и в живительной воде, так и они могут обернуться причиной гибели. С вхождением в нашу жизнь современной науки и техники мы стали жить не только в дополнительном комфорте, но и в мире тысяч правил и даже табу, связанных с использованием этой самой современной техникой, химическими препаратами и тому подобным. То – закономерная плата за удобства, которые несёт прогресс. Существование в мире, насыщенном механизмами и другими изобретениями человечества, требует от нас предельной собранности и организованности. Но что мы видим?

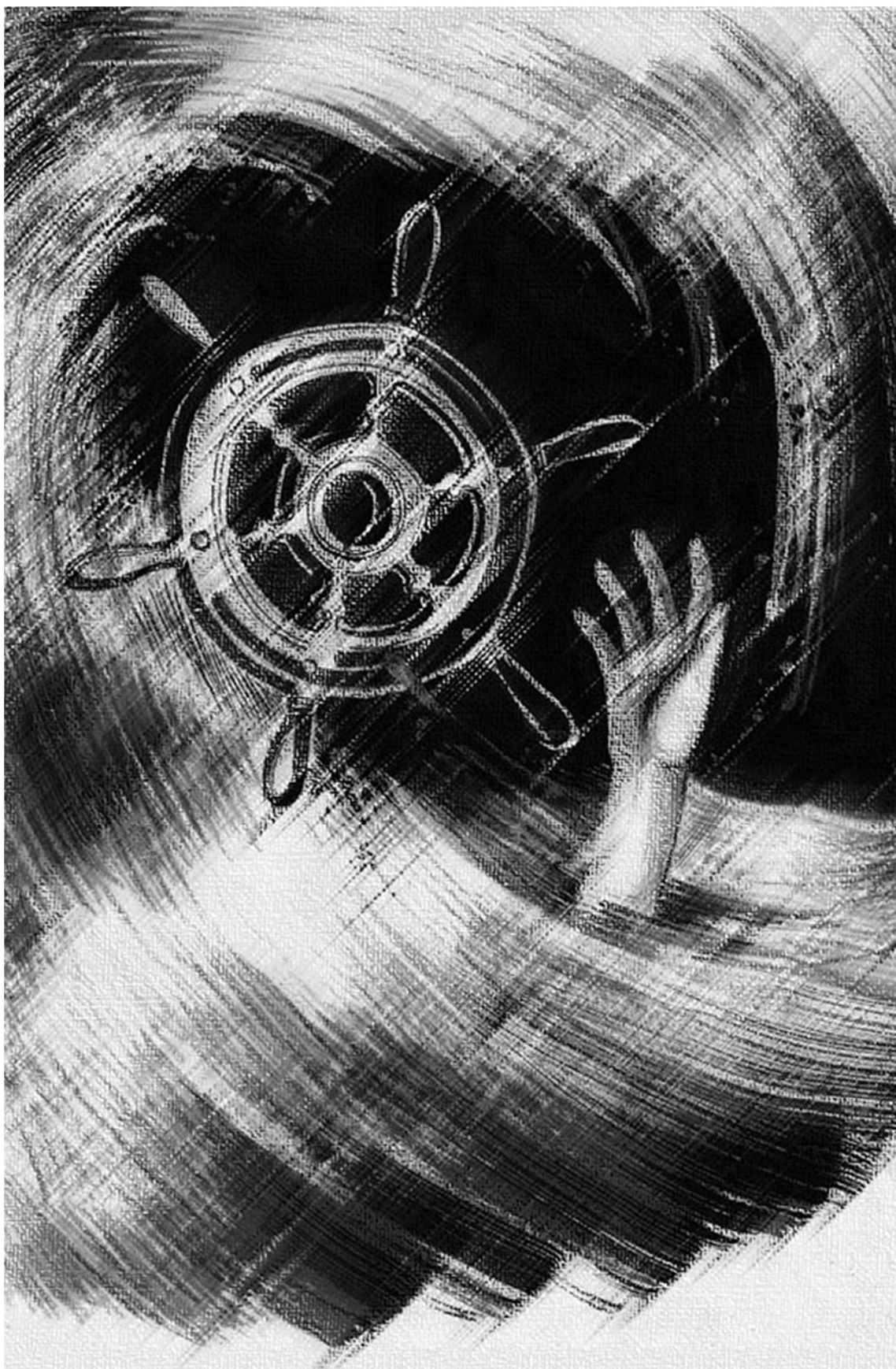
Там впрыгнул на подножку отошедшего автобуса, тут перебежал улицу на красный свет светофора. Зазевался у работающего станка, сунул руку внутрь невыключенного телевизора, выпил из колбы в химической лаборатории, шагнул в закрывающиеся двери метро. Парадокс! Совершаем открытия, делаем изобретения и всяческие усовершенствования для облегчения жизни – и сами же поступаем так, что заставляем неодушевлённые машины ставить нас перед сложнейшим нравственным выбором. И что более удивительно, случается, делаем этот выбор не в свою пользу. Машины не изменятся – другим должен становиться человек. Тогда его существование в действительно удобном и комфортном мире техники станет безопасным для жизни. И бесценное сокровище, даденное нам природой только один раз, не будет бездумно и безумно бросаться на чаши одних весов вместе с презренными материальными ценностями. Даже в предельно экстремальных ситуациях.

Комические и трагические, вызывающие улыбку, удивление или недоумение, описанные выше случаи всё же не выходят за рамки риска одной жизнью – жизнью того, кто попал в необычный переплёт. И если тут происходит что-то

ужасное, то ему всегда имеется объяснение: дескать, человек сам себя наказал. Однако действительность порой бросает в такие ситуации, когда от действий или бездействия одних людей зависят жизни десятков и сотен других.

Глава 2. «Нахимова» обещали пропустить...»

На излёте лета 1986 года около черноморского российского порта Новороссийск разыгралась трагедия, равной которой по количеству жертв не было за всю историю российского торгового и пассажирского судоходства. Не найдётся ей

равных и по нелепости, по нелогичности всего происшедшего на спокойной водной глади в относительной близости от берега.

Огромный шестипалубный пассажирский лайнер «Адмирал Нахимов» Черноморского морского пароходства совершал круиз с пассажирами на борту по Чёрному морю. 31 августа вечером он покинул Новороссийск и взял курс на Сочи. Через некоторое время диспетчер порта сообщил по радио капитану «Нахимова», что к Новороссийску приближается сухогруз «Пётр Васёв», так же, как и «Нахимов», приписанный к Одессе. И призвал к осторожности, тем более что расхождение судов должно было произойти в ночное время. Аналогичное предупреждение получил и капитан грузового теплохода. Ему было предложено дать возможность пройти пассажирскому теплоходу первому. Дело в том, что в соответствии с параграфом 15 Международных правил предупреждения столкновения судов (МППСС) «Нахимов» (как и любой другой пароход), обнаруживший встречное судно справа, должен был уступить ему дорогу: застопорить машины или уйти вправо, чтобы разойтись левыми бортами. Знали об этом и диспетчер, и капитаны. Но ведь было 31 августа, месяц кончался, надо было подводить итоги по экономии судового топлива. А торможение и последующий разгон огромного судна – это немалые дополнительные его траты. Да и с каких это пор круизный лайнер должен уступать дорогу какому-то «грузовику»?! Вообще-то, подобное лихачество на море запрещается, но все ведь люди, и диспетчер порта тоже это понимал. Не спорили и на сухогрузе: «Ясно, пропустить. Пропустим». Капитан «Васёва» Виктор Ткаченко уткнулся в новенький японский монитор системы автоматизированной радиолокационной прокладки курса (САРП), на котором длинная сигара «Нахимова» приближалась к ним на пересекающихся курсах. Он тоже понимал, что «грузовику», даже в нарушение правил МППСС, традиционно принято быть вторичным по отношению к «пассажиру». На «Васёве» были уверены, что им хватит и расстояния в несколько миль, и запаса хода, и скорости, чтобы разойтись с круизным лайнером, но теперь уже правыми бортами.

Дальнейшие действия обоих капитанов никакому логическому объяснению не поддаются. Суда некоторое время переговаривались между собой по радио, договаривались о порядке расхождения. После чего капитан «Нахимова» Вадим Марков вовсе покинул мостик и спустился в каюту, оставив на вахте своего второго помощника Александра Чудновского. «Васёв» продолжал двигаться, не снижая довольно большой скорости. Когда столкновение стало очевидным, капитан сухогруза сбавил ход и даже попытался остановить судно. Однако огромная масса гружённого канадским зерном теплохода – свыше 50 тысяч тонн – не позволила быстро погасить скорость. Суда неотвратно сближались.

Вахтенный помощник «Нахимова» не сумел правильно спрогнозировать ситуацию, и, когда принял решение отвернуть с курса, было уже поздно.

Удар сухогруза пришёлся в самое уязвимое место пассажирского судна – в переборку между машинным и котельным отделениями. Взрыва не произошло, поскольку устройство котлов «Нахимова» его исключало. Но огромная пробоина в правом борту лайнера привела к тому, что судно тут же начало тонуть и через восемь минут ушло на глубину 47 метров, унеся жизни 423 человек. И вновь не последнюю роль сыграла здесь техника, вернее недопустимое обращение с ней людей. С точки зрения действий человека в экстремальной ситуации интересно проследить поведение главных виновников трагедии – именно в этих ролях и фигурировали они позднее на судебном процессе – двух капитанов.

«Адмирал Нахимов» покинул порт около 10 часов вечера. Развернулся на Новороссийские створы, о чём было доложено по радио портнадзору и на пост регулирования движения судов (ПРДС), и около часа шёл по створам со скоростью 7–8 узлов. После прохождения Пенайской банки капитан «Нахимова» В. Марков передал управление А. Чудновскому, который проработал на судне пятнадцать лет и которому капитан, похоже, доверял. А. Чудновский вёл переговоры с диспетчером, который сообщил, что из Босфора идёт балкер «Пётр Васёв», что он на подходе и ему дано указание пропустить «Адмирала Нахимова». Марков объяснил вахтенному помощнику обстановку, указал на судно справа. Поинтересовался, есть ли вопросы и, не услышав оных, покинул мостик. Зашёл в радиорубку узнать, переданы ли телеграммы для последующих портов и нет ли чего-либо для них. Ничего не было. Капитан ушёл в свою каюту. Посмотрел в иллюминатор: судна справа, о котором он предупредил Чудновского, не увидел. Помыл руки и сел читать книгу Стивена Кинга «Воспламеняющая взглядом». Об экстрасенсах. От захватывающего чтения его вскоре оторвали три коротких гудка. На морском языке это сигнал о заднем ходе. Минуты полторы думал, чей он. Решил, что может быть только «Васёва». Осознав это, тут же бросился на мостик, надевая на ходу рубашку и брюки. И, уже выскакивая на правое крыло мостика, увидел большое судно, надвигающееся на «Нахимова» справа.

Таким образом, все главные события сближения двух судов прошли фактически в отсутствие этого капитана – его роль на мостике выполнял вахтенный помощник, и до столкновения именно он был единственным человеком на «пассажире», который понимал, что происходит, и мог что-то сделать для предотвращения страшного финала. Он и принял на себя тяжелейший пресс довольно продолжительной неординарной ситуации. По оценке рулевого

парохода «Нахимов» матроса Е. Смирнова – он стоял на мостике рядом с А. Чудновским все роковые минуты, – вахтенный помощник в тот день вёл себя нервно. Как только началось сближение, он приказал рулевому взять курс пять градусов влево. Затем минуты через три – ещё пять градусов влево. И стал вызывать по радиотелефону «Васёва». Оттуда ответили не сразу – только после пяти-семи попыток:

– Сухогруз «Пётр Васёв». Слушаю вас!

– Я пароход «Адмирал Нахимов». Следую в Сочи. Какие действия относительно нас собираетесь предпринять?

Наступила большая пауза. Вахтенный помощник «Нахимова» Чудновский занервничал, забегал по мостику и приказал рулевому взять ещё на десять градусов левее. Тут сухогруз ответил:

– Хорошо. Мы вас пропускаем.

Через пять минут Чудновский уточнил по УКВ:

– Вы нас действительно пропускаете?

Ответ после очередной долгой паузы:

– Да, мы вас пропускаем.

И всё же вахтенный помощник «Нахимова» в третий раз запросил «Васёва», и оттуда подтвердили:

– Можете идти своим ходом.

Наверное, для очевидцев и участников событий это страшное сближение казалось нелепым и жутким сном, когда все понимали, что наблюдаемого кошмара не может быть, не должно быть, но он происходил на их глазах и изменить в происходящем никто ничего не мог. Рулевой «Нахимова» должен был неотрывно следить за курсом, но боковым зрением он всё же отчетливо видел, как справа на них надвигаются огни «Васёва». Чудновский, видимо теперь отчётливо понимая, к чему идёт дело, схватился за трубку радиотелефона:

– Пётр Васёв», застопорите немедленно ход!

– Стопорим!

Чудновский, до которого уже дошёл весь смысл происходящего, орал в трубку:

– Немедленно дайте задний ход!!!

Очень быстро раздались сигналы, подтверждающие это действие, – три коротких гудка. Они-то и встревожили капитана Маркова, оторвали от захватывающей книги об экстрасенсах. Те полторы минуты, которые он размышлял о природе сигналов, уже ничего не могли изменить. Разве что мощный взрыв разметал бы на мелкие кусочки нацелившийся на «пассажира» сухогруз и нечему бы стало таранить беззащитный пароход. Но это лишь фантазии. А в действительности нос «Васёва» неотвратно и жутко надвигался на «Нахимова». Вот как описывает произошедшее в тот момент свидетель, курсант-практикант ОВМИУ Н. Вышаренко:

– Я стоял на правом крыле мостика «Нахимова» и видел, как стремительно приближался бак (передняя часть судна. – Авт.) «Васёва». Я подумал, что будет сильный удар, и потому заранее схватился за тумбу телеграфа... Форштевень сухогруза высек сноп искр и плавно, мягко вошёл в борт «Нахимова». Мы все устояли на ногах. Тут на крыло мостика прибежал вахтенный помощник Чудновский, перегнулся через леер и стал смотреть, что случилось. Подошёл капитан Марков и обругал Чудновского. Тот в истерике закричал: «Но он же обещал нас пропустить!!!»

Оставаясь полностью вне главных событий, предшествующих страшному столкновению, и появившись на мостике чуть ли не в момент этого самого столкновения (подобно герою знаменитой пьесы, но только в отличие от него попал он не с корабля на бал, а именно с бала – на корабль), капитан «Нахимова» В. Марков был, естественно, жутко ошарашен происходящим. Пожалуй, только этим можно объяснить ту странность, что, прежде чем дать какую-либо вразумительную команду, он матерно обругал своего вахтенного помощника. И только после такой разрядки приступил к капитанским обязанностям. Отдал приказ матросу Е. Смирнову:

– Руль лево на борт!

– Руль лево на борт, – мгновенно отреагировал матрос и тут же доложил: – Судно не слушает руля!

Капитан успел ещё послать людей осмотреть пробоину и доложить о результатах столкновения. Ушедшие вниз старпом А. Маглыш, старший механик И. Дехтярёв, главный механик Г. Еркин и матрос Н. Фахретдинов уже не вернулись – они погибли вместе с пароходом. Как погиб и второй помощник

А. Чудновский, которого капитан после столкновения отправил собрать все необходимые документы, – его тело водолазы обнаружили потом в каюте.

Рассчитывая выбросить судно на прибрежную мель для его спасения, капитан «Нахимова» В. Марков ещё раз повторил команду «Лево на борт!», но только лишний раз убедился, что огромная махина уже никого и ничего не слушается. Вдобавок наступило полное обесточивание.

– Почему вы не объявили общесудовую тревогу? – поинтересовался позднее, на суде прокурор. – Это сразу активизировало бы действия экипажа по спасению пассажиров.

– Судно было обесточено, – оправдывался Марков. – Я объявил голосом шлюпочную тревогу.

Однако навигатор «Адмирала Нахимова» Н. Никитин подтвердил на суде, что и основной, и аварийный свет горели не менее минуты после столкновения.

– Да, могли бы успеть дать аварийную тревогу, – сделал убийственный для своего капитана вывод этот свидетель.

В постановлении о привлечении В. Маркова в качестве обвиняемого его просчёты были определены так: «...зная о следовании пересекающим курсом т/х «П. Васёв», не определил лично порядок расхождения с ним, не организовал должное наблюдение за судном, позволяющее полностью оценить ситуацию и опасность столкновения, допустил опасное сближение парохода «Адмирал Нахимов» с теплоходом «Пётр Васёв»... Не принял всех возможных мер по спасению пассажиров и экипажа. Не потребовал от вахтенного помощника Чудновского и не объявил сам всеми имеющимися у него средствами – тифон, паровая сирена – ни общесудовую, ни шлюпочную тревогу».

В отличие от В. Маркова, пропустившего основные, определившие столкновения события, капитан «Васёва» В. Ткаченко появился на мостике своего судна в 22 часа 47 минут, за 26 минут до катастрофы. Срок более чем достаточный для предотвращения столкновения. Его третий помощник П. Зюбук, находящийся в это время на мостике, доложил своему капитану, что «Нахимов» вышел из новороссийского порта. Ткаченко включил систему автоматической радиолокационной прокладки, оставил выбранный курс движения 36 градусов, «чтобы не уменьшать дистанцию расхождения двух судов», и, поручив помощнику следить за пеленгами на «Нахимов», сам стал наблюдать его через САРП. Прибор выдал кратчайшее расстояние до соседа в две мили (около четырёх километров), а вскоре показал уменьшение его до одной мили.

Из показаний В. Ткаченко: «Я решил, что пароход остановился, чтобы спустить лоцмана. Но «Нахимов» отвернул вправо, то есть к нам, и лёг на курс 160 градусов. Вектор относительного движения «Васёва» проходил по корме «Нахимова». Теперь после его отворота вектор переместился вправо и подтянулся к центру парохода. Моя вина... Я должен был изменить ход. Но я считал, что поскольку вектор относительного движения проходит по корме, то мы нормально разойдёмся... Пеленги изменялись, увеличивались... Кроме прокладки я брал поворотные расстояния, готовился к крутому повороту на новороссийские створы... Я считал, что «Нахимов» следует по створам, и подумал, что пароход уменьшает скорость. Я запросил через Зюбука: «Куда идёте и ваша скорость?» Я не знал, куда идёт «Нахимов» – в Одессу или на Кавказ. Диспетчер не сообщил. Это важно было знать. Если в Одессу, значит, он будет поворачивать вправо – на нас. Если на Кавказ – мы расходимся чисто. Я стоял в двери правого крыла и следил за «Нахимовым». Он ответил:

– У нас курс 160 градусов.

– А какой будет?

– Будет 160.

Я пошёл в штурманскую рубку. Вижу – 160, значит, на Кавказ».

Судя по всему, уже в этот момент – момент довольно-таки близкого нахождения двух громадин – необходимо было что-то срочно предпринимать, дабы на 100 процентов исключить даже самую возможность дальнейшего сближения.

Например, резко поменять курс или стопорить машину. Но капитан сухогруза продолжал основываться на теоретических благоприятных вариантах расхождения и доверяться не здравому смыслу, а показаниям прибора. Находясь

на мостике «Васёва», Ткаченко неотрывно смотрел в тубус САРПа – системы, которая позволяет на экране «проиграть» варианты расхождения судов.

Замечательная, умная машина, но, как выяснилось, не настолько умная, чтобы заменить в экстремальной ситуации человека. Третий помощник П. Зюбук к этому времени уже не раз напоминал капитану, что пора отворачивать, – на их курсе появился ярко, словно праздничная ёлка, освещённый пассажирский лайнер. Но, припавший к тубусу САРПа Ткаченко, лишь отмахивался:

– Не паникуйте, штурман, машина показывает красивое расхождение!

Ах, знал бы капитан сухогруза, что за «красивое расхождение» уготовано им «Нахимову»?! Сам бы, наверное, бросился в воду и собственными руками остановил винт своего судна. Увы, никому не дано видеть будущее. Однако точно прогнозировать ситуацию и принимать адекватные меры профессионал такого уровня, да ещё когда от него зависят жизни сотен людей, просто обязан! Ткаченко же, похоже, до самой последней минуты не понимал, что за ситуация складывается на море и чем она может закончиться для пассажиров «Нахимова». Не по своей инициативе, а под давлением настоятельных требований вахтенного помощника «Нахимова» начал он стопорить ход. Поставил наконец ручку телеграфа на «средний-вперед» и позвонил в машинное отделение: «Двигатель придётся останавливать пусковым воздухом и давать реверс». Но подобно плохому игроку в шахматы капитан «Васёва» всякий раз опаздывал на ход или два, совершенно не поспевая за стремительно меняющейся ситуацией на своей шахматной доске – море. Преступно опаздывал.

– Почему вы сразу не дали задний ход? – последовал на этом месте рассказа капитана вопрос из зала суда.

– Чтобы не было лишней суеты в машинном отделении. Резкое изменение хода нервирует механика... Чтобы чётче отработали. После «средний-вперёд» я дал «стоп». Затем «малый-назад», «средний-назад», «полный-назад», «руль право на борт!». Я понимал, что наше одновальное судно при работе винта назад руля слушать не будет, но я надеялся, что перекладка увеличит сопротивление подводной части судна. Всё-таки площадь пера руля 27 квадратных метров... Но уже ничто не могло нас задержать.

– А якоря? Почему вы сразу не отдали оба якоря? Это бы резко затормозило судно, – последовал новый вопрос из зала кого-то из специалистов.

– Я полагал, что под нами большие глубины... Да, конечно, если бы даже сорвало якоря на ходу, это бы нас задержало... боцман уже пошёл на бак... Но отдавать якоря брашпилем очень долго, мы бы не успели.

По мнению морского эксперта, успели бы, если бы отдали якорь-цепь на свободный ход. Просто боялись потерять якоря, не иначе. Только этим можно объяснить подобный просчёт.

Ткаченко: «Двигатель удалось запустить на задний ход только с четвёртого раза. По моим подсчётам, мы потеряли на этом 40–50 секунд. Если бы двигатель удалось пустить раньше, мы бы не столкнулись. «Нахимов» проходил в секунду шесть метров. Семь-десять секунд, и мы бы разминулись...»

– Вы объявили общесудовую тревогу до столкновения или после? – это вопрос прокурора.

– После.

– А по правилам вы должны были объявить её сразу, как только ситуация обострилась. Тогда бы и ваши мотористы действовали более собранно. Ведь в машине никто не знал об опасном сближении. Почему вы вторично не позвонили в машинное отделение и не поторопили механика?

– Я не хотел его нервировать. И, кроме того, я наблюдал за «Нахимовым» и искал ответ на вопрос: что я ещё могу сделать? Как только винт заработал назад, я дал три гудка (сигнал о заднем ходе). Оставалась минута.

И вот тут уже ничего нельзя было сделать. Все предыдущие манёвры или бездействие сконструировали грядущую действительность так, что две многотысячетонные, страшно инертные махины обязательно должны были встретиться в одной точке. Очевидцы могли только наблюдать с недоумением или ужасом в глазах, как пароходы, продолжая следовать почти перпендикулярными курсами, неотвратно сходились на огромной водной глади Цемесской бухты, где, кроме них, практически никого не было. Удар «Петра Васёва» пришёлся ближе к корме «Нахимова» в два его отделения: дизель-генераторное и машинное. Бульб (нижняя часть носа. – Авт.) сухогруза вошёл в корпус пассажирского судна и примерно через три минуты, прилично развернувшись, вышел из него. По оценке экспертов и на основании расшифрованной курсограммы, размер пробоины составил около 85 квадратных метров. Через эту огромную дыру в борту оба отделения были затоплены в течение нескольких секунд, и судно обесточилось. После расцепления судов пароход «Адмирал Нахимов» из-за поступления огромных масс забортной воды

начал резко крениться на правый борт и через 8 минут, имея крен свыше 60 градусов, ушёл на дно.

Впоследствии оба капитана были признаны Верховным судом СССР виновными и с учётом особой тяжести совершённого преступления и исключительно тяжких последствий приговорены к пятнадцати годам лишения свободы каждый. Были такие, кто желал и требовал применить к ним высшую меру наказания – расстрел, но объективное и в соответствии с законом проведённое расследование происшедшего не обнаружило в действиях капитанов «расстрельной» статьи о преднамеренном убийстве. Здесь не место рассказывать, как необычно сложилась их дальнейшая судьба после досрочного отбывания наказания, но место – попытаться дать социально-психологическую оценку их поведения в минуты до и после страшного столкновения двух судов, которые вместе с жизнями сотен находившихся на них людей были доверены им в силу их морской профессии. Тем более что трагическое столкновение в Цемесской бухте двух огромных судов в ситуации на море, при которой подобное ни при каких обстоятельствах не должно было бы случиться, породило массу толков о сверхъестественных, запредельных для разума и объяснения человеком причинах случившегося. Какое сверхъестественное, какие запредельности разума?!

Очень многое прояснилось, когда начали всплывать некоторые, что называется, человеческие подробности отдельных событий того вечера. Ну, например, изначальное отступление диспетчером порта от общепринятых морскими нормами правил расхождения судов, в результате которого одному судну по совершенно неприемлемым причинам было отдано предпочтение в прохождении относительно другого. Следовали бы жёстким Международным правилам предупреждения столкновения судов, возможно, до столкновения дело не дошло бы. Не следовали... В практике вождения на море существует негласное правило: при пересечении курсов идущих навстречу друг другу судов капитан не должен уходить с мостика. А капитан «Нахимова» ушёл! И не только ради книги об экстрасенсах. Но, видимо, ещё и потому, что на вахту заступил не самый лучший его друг – второй помощник, парторг А. Чудновский. По версии тогдашнего старшего следователя Генпрокуратуры СССР по особо важным делам Бориса Уварова, капитан специально оставил не очень опытного в судовождении А. Чудновского разбираться в сложившемся сложном положении в акватории, дабы унижить его в глазах подчинённых. И, как следствие, парторг – второй помощник начал совершать в экстремальной, видимо и впрямь незнакомой ему обстановке действия, которые ещё более усугубили складывающуюся опасную ситуацию на море: неоправданно и часто менять курс «Нахимова» в ожидании ответа о действиях в отношении его с

«Васёва». По мнению того же следователя Уварова, если бы Чудновский не вертел штурвал, а шёл прежним курсом 160 градусов, теплоход успевал бы уйти от столкновения. В крайнем случае мог удариться под острым углом без столь трагических последствий. Наоборот, находящийся на своём месте в роковые минуты капитан сухогруза В. Ткаченко слишком доверился иностранной технике. Его третий помощник П. Зюбук следил за ситуацией не по японскому САРПу, а собственными глазами – он уже видел в непосредственной близости от них громаду «Нахимова» и дергал Ткаченко за рукав: машина в манёвренном режиме, а пеленг «Нахимова» не меняется, если срочно что-то не предпринять, можно «пойти на бордаж». В ответ услышал невозмутимое: «Не бойсь, тут японская техника».

Потом говорили, что у капитана сухогруза был так называемый специалистами «радиолокационный гипноз», когда экрану веришь больше, чем собственным глазам. Так попустительское отношение к установленным простым правилам одних, человеческие амбиции других и психические особенности третьих действующих лиц этой трагедии неотвратимым образом вмешались в судьбы и жизни многих, многих людей.

Катастрофический удар сухогруза в незащитный борт пассажирского судна на исходе последних суток лета 1986 года, который предопределили действия одного и бездействие другого капитана, поставил ничего не подозревающих людей на борту «Адмирала Нахимова» в сверхэкстремальную ситуацию. В совершенно незнакомую большинству из них ситуацию, где в борьбе за жизнь нужно было полагаться на случай, удачу и собственные силы. Чтобы хоть как-то представить, что происходило на «Нахимове» после этого удара и с чем пришлось столкнуться людям, которые оказались на нём (кто в качестве пассажиров, а кто – экипажа), обратимся только к двум рассказам участников трагедии.

Людмила Богданова, пассажирка:

«Я и ещё две подруги из нашей тургруппы стояли на площадке перед коктейль-холлом. Мы собирались на шоколадный коктейль. А пока курили и смотрели сверху на палубу, где шёл концерт для ветеранов. Представляли танцы народов СССР, и кто-то лихо отплясывал лезгинку. Мне надо было разменять 50 рублей, и я открыла косметичку, чтобы достать купюру... Вдруг – толчок. Погас свет. Сразу же смолк эстрадный оркестр, оборвав мелодию. Наступила темнота и тишина. Стало жутко. Но тут зажётся аварийный свет, и все внизу зашевелились, засуетились... Второй толчок... Кто-то закричал, кто-то упал...

Я, трусиха, уцепилась за перила. Увидела рядом руководителя нашей группы: «Вячеслав Николаевич, мы, наверное, уже гибнем?»

– Люда, спокойно, спокойно... – ответил он.

Откуда-то прибежали матросы в оранжевых жилетах... У меня теперь оранжевый цвет жуть вызывает. Мы им кричим: «Что случилось?»

– Ничего! – отвечают. – Всем на левый борт!

Я успела сделать два шага, как палуба поехала из-под ног. Я, когда боюсь, хватаюсь за что попало – намертво хватаюсь. Вцепилась в поручень трапа. Это и спасло, потому что пароход с чудовищным грохотом стал валиться на правый бок. Всё, что могло лететь, летело: скамейки, бочки, люди... Я висела, а подо мной высота была как из-под купола цирка. А в руке у меня косметичка зажата. Так с ней и ушла под воду. Вместе с пароходом. Я плавать не умею, а отцепиться боялась. Воздух в груди стал кончаться, я полезла вверх – руками ступеньки перебираю, но бьюсь головой о какое-то железо. Всё же доползла до края. А там – пробкой вверх. Меня выбросило. Потеряла очки. Руками по воде бью, тону. Но, наверное, бог послал мне две доски. Они всплыли рядом, с гвоздями. Я ухватилась за них. А рядом, метрах в пяти, спасательный плотик. Мне кричат с него: «Плыви сюда! Доски брось, а то гвоздями пропорешь!» А я и этих пяти метров проплыть не могу, доски выпустить страшно. Наверное, волной меня поднесло. Мест на плотике уже не было. Я держалась за опоясывающую его верёвку. Вокруг ещё человек десять. Держусь, не выпуская косметичку. Пальцы не разгибаются. Рядом женщина меня успокаивает: «Девушка, держитесь! Раз выплыли, нас спасут»...

Прошло ещё несколько часов. Я болтаюсь у плотика. Сил больше нет. Чувствую, всё, сейчас уйду ко дну. Лучше сейчас, чего зря мучиться. Мужчина, рядом держался, кричит на плотик: «Эй, девушке плохо!» Меня вытащили, и тут я потеряла сознание... Потом подошёл какой-то катер. Нас подняли на борт. Кто на ногах не стоит, кого тошнит – краски в воде наглотались... Промёрзли. Моряки снимали с себя одежду – до тельняшек – нам отдавали».

Сержант транспортной милиции Владимир Ясиненко добровольцем работал на ликвидации аварии Чернобыльской атомной электростанции. После этого получил назначение на «Нахимов». И натурально попал из огня да в полымя. Его воспоминания о происшедшем: «Я стоял в уголке на корме и смотрел на танцующих, когда сильный удар тряхнул судно. Многие не смогли удержаться на ногах. Я кинулся к борту посмотреть, не упал ли кто в воду, и в этот миг погас свет. Слеп на несколько мгновений в наступившей темноте.

Почувствовал резкий запах мазута. Скомандовал «Потушить сигареты!» – и почувствовал, как кренится палуба. Где-то рядом кричали. Я подскочил к каюте, откуда звали на помощь, рванул ручку, но стены, деформированные ударом, накрепко зажали дверь. Скользя по убегающему из-под ног полу, кинулся искать лом. Нашёл его, но, когда вернулся, из каюты хлестала вода... Пароход уже был обесточен, но мне удалось пробраться в свою каюту, включил тревожную сигнализацию. Поднялся наверх. «Надевайте спасательные жилеты!» – кричал всем, кто растерянно метался. Пожалел, что забыл вытащить свой нагрудник из каюты. Но было поздно. Пароход кренился всё больше. С места срывались и падали в воду скамейки, спасательные плоты, бочки... На шлюпочной палубе уже нечего было думать о спуске на воду шлюпок. На глаза попался спасательный круг. Взял было его, но тут услышал женский плач. Пассажирка не умела плавать. Я успел только набросить на неё круг. «Держитесь крепче!» – крикнул, и волна подхватила меня, закрутила, бросила... Очнулся метров за пятьдесят от судна. Ухватился за конец бревна. Неподалёку заметил два связанных пустых спасательных плота. Отвязал один, оттолкнул к барахтавшимся в месиве из воды и мазута людям. На второй поднялся сам, вытащил из воды ребёнка с отцом... Вместе начали собирать людей. Оглянувшись, увидел прямо перед собой картину, о которой помнить буду всю жизнь. Ярко освещённый лучом прожектора с берега пароход стремительно погружался в воду. На корме оставалась ещё кучка людей, они кричали, плакали, обнимались... Через несколько секунд всё пропало... Я приказал искать на плотях ракетницы и свистки, связываться верёвками, держаться вместе. Через час, когда моряки-пограничники подняли нас на катер, помогал им втаскивать пассажиров...»

Таких, как этот двадцатитрёхлетний молодой человек, умело спасавшийся сам и делавший всё для спасения или поддержания духа окружающих людей, было на «Нахимове» немало. И среди обслуживающего персонала парохода, и среди пассажиров, и среди команды. Многие из них погибли, до конца выполняя свой служебный и человеческий долг. Честь им и слава. Но оказались среди терпящих бедствие и совсем иные.

Одна из пассажирок, молодая девушка, после ухода парохода под воду, целая и невредимая, оказалась на поверхности. Она хорошо умела плавать и стала самостоятельно отгребать от места трагедии. Увидела такого же спасающегося, плывущего мужчину. Повернула к нему – вдвоём всё-таки не так страшно. А тот, как сумасшедший, начал на неё орать, отталкивая ногой: «Не подплывай, не подплывай! Пошла вон отсюда!»

Легко, конечно, уютно устроившись на диване после сытного ужина, судить и рядить о подобных далеко не изысканных манерах, да ещё – мужчины по отношению к женщине. Но чрезвычайные ситуации, тем более в которых люди оказываются между жизнью и смертью, сильно меняют человека. Чтобы понять это, наверное, надо самому побывать в той или иной роли.

Подобная «удача» выпала на долю Тани Новиковой, которая за две недели до катастрофы вышла замуж и вместе с мужем отправилась по туристической путёвке в Одессу на «Нахимове». Когда пароход уже начал крениться, они успели выбраться на левый открытый борт. Без спасательных жилетов, но зато в дурых югославских куртках, на которые очень надеялись как на спасательные средства. Виктор, муж Татьяны, отслуживший срочную службу в армии матросом на Северном флоте, прекрасно понимал, к чему всё идет, и тщательно инструктировал жену: «Если нас разнесёт в воде, держись подальше от парохода и людей. Утопающие хватают мёртвой хваткой. Не то что куртка – жилет не удержит...» Дальше – рассказ самой Тани: «Скатившись с левого борта, как с горки, сильно обдираясь о наросшие на него ракушки, я сразу ушла под воду. Но тут же вынырнула. Головой пробилась сквозь копошащиеся тела. А люди всё сыпались. «Нахимов шёл по инерции, оставляя за собой след из людей, вязнувших в краске и мазуте... За меня хватались. Привлекал белый верх куртки. Думали, что это пенопласт. В общем, потянули меня на дно. Погрузилась так, что в ушах закололо. Всё же я вырвалась, всплыла... Виктора нигде не было. Так я его больше и не увидела. Поплыла в сторону от людей. Куда – и сама не знаю. Стала замерзать. Подплыла к какой-то женщине в нагруднике.

– Можно я за вас подержусь? – спросила её.

А она как заорёт: «Пошла прочь!»

Я отплыла от неё подальше. Вдруг услышала в темноте детский голос: «Помогите! Я боюсь!» Поплыла на голос и вскоре увидела среди волн девочку в нагруднике. Подплыла к ней. Стали держаться вместе. Нас относило в море. Не знаю, сколько я уже была в воде – час, два, три... Казалось, вечность. Очень хотелось жить...»

За очень короткое время этой молодой женщине, потерявшей в катастрофе любимого человека, которому она была женой всего-то две недели, довелось сыграть, нет – прожить! – совершенно противоположные роли. Сначала, спасая свою жизнь, отбивалась от хватающихся за неё людей. Затем в обострившейся ситуации попыталась найти помощь у такого же, как она, спасающегося человека, но получила жёсткий, оскорбительный отказ. И в конце концов сама

откликнулась на зов о помощи и подплыла к нуждающейся в поддержке девочке. Уникальный моральный опыт!

Где она, нравственная грань, по разные стороны которой легко можно разнести те или иные поступки? Когда на опрокидывающемся набок судне опытный человек говорит тебе о необходимости сторониться тонущих людей, способных в борьбе за жизнь утянуть на дно и тебя, и себя, это вроде бы не режет слух. Воспринимается как естественное руководство к действию. И когда ты на последних глотках воздуха под водой судорожно отбиваешься от хватающихся за тебя рук таких же несчастных, как ты, и, освободившись наконец, спасаешь свою жизнь, мораль отлетает куда-то очень далеко. Однако, стоит только тебе оказаться в роли погибающего и получить словесный отпор, а то и удар ногой от такого же, как и ты, несчастного, появляется негодование. Трудно провести эту грань. Зависит она от очень многих факторов, и, думаю, даже наша последняя героиня была бы поставлена в тупик подобным вопросом.

Но гибель «Нахимова» явила на свет образцы поведения, которые любой человек воспринял бы как недостойные. Когда Людмилу Богданову – её рассказ был описан выше, – измученную борьбой с морем, втащили на спасательный плотик, переполненный людьми, она потеряла сознание. И, с трудом придя в

себя, вдруг услышала такие слова: «Ну, вот и ещё одна... Могла бы и там помереть». Она открыла глаза, увидела сказавшего это и ничего не стала говорить в ответ. Она просто запомнила на всю жизнь лицо этого человека. А вот фамилию другого, который в животном страхе за собственную шкуру забыл не только свой профессиональный долг, но и потерял человеческий облик, предали гласности. Пассажирский помощник капитана В. Маркова Просвирин во время катастрофы начисто забыл о своих прямых обязанностях по спасению туристов, одним из первых заняв место в спущенном на воду спасательном плотике. Мало того, он ещё и не пускал туда тонущих женщин. Потом, на берегу, члены экипажа «Нахимова» на открытом партийном собрании проголосовали за исключение Просвирова из рядов КПСС – за трусость и шкурничество, проявленные во время кораблекрушения. Так существующее в то время советское общество весьма сурово оценило это моральное преступление.

Тут мы оставим в покое несчастного «Адмирала Нахимова», нашедшего последний приют на дне Чёрного моря, как и души унесённых им с собой людей. Оставим тяжёлые воспоминания оставшихся в живых, но потерявших в той трагедии кого-то из близких. Оставим и тех, кто в жуткой схватке с непредвиденной смертельной опасностью смалодушничал или даже преступил какие-то нравственные законы, – быть может, они и по сей день клянут себя за те роковые минуты и этот конфликт с совестью стал для них страшнее любого формального наказания. А перенесёмся мы в особый мир, созданный за семьдесят лет существования Советского государства на одной шестой части суши. Удивительный, фантазмагорический мир советских партийных работников.

Глава 3. Маленькие задачки для больших людей

Чтобы понять эту поразительную сферу человеческого бытия, расскажу перво-наперво одну байку. Ой, простите, вовсе даже не байку, а реальную историю, невольным очевидцем и отчасти участником которой я стал. Вот ведь до чего доходит: отношение к ней как к вымыслу многих слушателей порой и меня самого заставляет воспринимать рассказ как байку. Но всё здесь, клянусь, чистая правда.

Как-то в середине восьмидесятых годов – в самый разгар так называемой перестройки в Советском Союзе – журналистская работа закинула меня из

Москвы на далёкую Камчатку. Нужно было за короткий срок командировки добраться до двух отдалённых районов этого дальневосточного полуострова. Сделать это без помощи областного комитета партии, фактического хозяина Камчатки, было делом весьма затруднительным. Авиабилеты, заказ гостиниц, доброе расположение всевозможных местных маленьких начальников – всё это обеспечивалось в несколько минут соответствующими звонками отсюда.

И вот сижу я в просторном кабинете одного из секретарей обкома – второго или третьего человека в системе партийной власти всего огромного полуострова – и после рассказа о целях своей поездки и быстрого решения им всех организационных проблем внимательно выслушиваю подробное повествование начальника о трудностях и успехах Камчатской области. Это было обязательным правилом хорошего тона – журналисту из центральной газеты ознакомиться с положением дел в области, а не просто заходить к большому человеку для решения своих вопросов. Вот, значит, сижу я себе с очень внимательным видом. Слушаю. Кое-что заночу в блокнот. Мой собеседник, всё более и более воодушевляясь своим неформальным докладом о положении дел в курируемых им областях жизни полуострова, встаёт из-за своего стола и подходит к географической карте Камчатки. Что-то показывает на ней, продолжая говорить о деятельности партии по процветанию далёкого от Москвы полуострова, как вдруг открывается дверь, и в кабинет заглядывает заведующий отделом науки обкома, чиновник рангом пониже. Подчинённый моего собеседника – у него я уже успел побывать.

– Чего тебе? – немного недовольно, но в то же время весьма ответственно вопрошает секретарь.

– Виктор Семёныч, тут из Москвы специалист приехал, сексолог, с лекциями для населения. Ну, в школах, на предприятиях выступает... Я с ним поговорил – знающий человек. Предлагает и у нас в обкоме лекцию прочитать. Как насчёт этого?

Секретарь обкома задумался на несколько секунд. Видимо, чтобы квалифицированно перенестись из сферы строительства социальных объектов и уловов лосося, где он чувствовал себя рыбой, этим самым лососем в воде, в редко посещаемую им научно-медицинскую область.

– А чего тут думать? Раз учителям да строителям об этом рассказывают, то можно и партийным работникам послушать. Дело нужное, модное. Давай, организовывай. Только про объявление не забудь.

И тут же снова повернулся ко мне и, сосредоточившись на остановленном разговоре, продолжил прерванный монолог у карты области...

– Понимаете, Виктор Семёныч, – снова прорезался не покинувший кабинета глава отдела науки, – у него два варианта лекции есть: для мужчин и для женщин. Какую у нас-то готовить?

Секретарь обкома недовольно и недоумённо посмотрел на своего партийного коллегу, судя по всему снова теряя концы только что пойманной мысли, прерванной первым включением подчинённого в его разговор с журналистом.

– Ну, у сексолога у этого, – рассыпался в объяснениях заведомом науки, – у него есть варианты лекции для мужчин и для женщин. Нам на какой вариант его ориентировать?

– Какие мужчины? Какие женщины? – уже по-серьёзному вскипел снова выпавший из темы разговора и потерявший терпение начальник. – У нас нужно для партийных работников! Для партийных работников!!!

Занятную эту историю, навевающую и смех, и грусть, я вспомнил только для того, чтобы легче было представить тот загадочный и фантазмагорический мир, который создали себе в Советском Союзе эти занятные люди. Мир, который понемногу начинает уже забываться в неотвратимом потоке времени и перемен в нашей стране и в который мы перенесёмся в этой главе. В нём с удовольствием и не без всевозможной пользы для себя жили тысячи, а возможно, и десятки тысяч представителей управляющего сословия. А десятки миллионов других людей вынуждены были ежедневно соприкасаться с ним, отчего думали порой, что сходят с ума. Некоторые и вправду теряли рассудок. Но зато когда создатели и пользователи этого мира вдруг попадали в нормальную человеческую обстановку, то их поведение теряло всякую человеческую логику.

Через три года после провозглашения тогдашним Генеральным секретарём ЦК КПСС М. Горбачёвым решительной перестройки общества в Советском Союзе кое в чём действительно можно было заметить отступления от многолетнего тоталитарного режима. Но всё равно Коммунистическая партия огромной страны оставалась фактическим хозяином во всём, естественно и в самой этой перестройке. Особенно это ощущалось в отдалённых от Москвы районах. Я тогда только-только начал работать во Владивостоке в качестве собственного корреспондента «Литературной газеты» по Дальнему Востоку. И вот где-то в начале мая 1988 года у меня в квартире раздался телефонный звонок. Это был мой старый знакомый, собкор Гостелерадио на Сахалине Володя Мезенцев. Мы с ним примерно в одно время уезжали из Москвы на собкоровскую работу и договорились ещё тогда держать друг друга в курсе событий в своих регионах. Зная, что географическим полем моей журналистской деятельности является весь Дальний Восток, он поведал о необычном конфликте, разгоревшемся в Южно-Сахалинске из-за... плаката, выставленного горкомом партии на центральной улице островной столицы. Надпись на нем безобидно и вполне в духе времени гласила: «Дадим бюрократу в руки лопату!»

– Понимаешь, старик, – взхлёб начал свой рассказ эмоциональный Володя, – обком партии со свойственным ему «юмором» принял это заявление на свой счёт. И за нормальным призывом поработать этим старым орудием пролетариата увидел только первую часть стихотворного лозунга, целиком адресовав его себе. Они тут же – под предлогом низкого художественного уровня этого весёлого творения площадного искусства – послали наряд милиции убрать крамолу. А члены горкома грудью встали на защиту своего детища...

Я никогда не был членом Коммунистической партии и, как всякий нормальный и мыслящий человек, прекрасно понимал, что рано или поздно безраздельному господству этого чудовищного монстра в СССР должен прийти конец. И старался делать для этого всё от меня зависящее. Поэтому считал своим моральным и профессиональным долгом обращение к любой теме, связанной с бездарной деятельностью партии. Похоже, на таких же позициях стоял и мой коллега с телевидения. Вместе с тем мы хорошо осознавали, что не всё так просто и однозначно в заварившейся на Сахалине партийной склоке, поэтому решили провести её тщательное совместное исследование, а затем подробно написать об этом в моей газете. Билет до Южно-Сахалинска уже лежал у меня в кармане, как вдруг в день вылета снова позвонил Мезенцев. Он был непривычно для него взволнован и загадочен.

– Валера, наша работа пока отменяется. Тут всё сильно изменилось. Меня срочно вызывают в Москву, а здесь, похоже, собирают на меня в КГБ компрометирующий материал. Тебе не следует одному этим заниматься, пока я не вернусь из столицы. Я сразу выйду на связь.

Сильно озадачил и заинтриговал меня коллега, но билет пришлось сдать. Буквально через пару дней раздался новый звонок из областного центра Сахалина, и другой знакомый журналист возбуждённо выпалил:

– Дружище, тут такое происходит! С ума можно сойти... Вчера состоялся стихийный народный митинг, через неделю назначен второй... Власти в растерянности... В общем, это надо видеть...

В Южно-Сахалинск я прилетел утром 25 мая, в самый разгар событий, и сразу же ощутил необычную обстановку.

«Обком... Митинг... Выступление по радио... Прокуратура... Первый секретарь...» – эти и подобные им слова то и дело звучали вокруг.

По дороге из аэропорта в гостиницу мелькнул передо мной огромный красочный плакат про «бюрократа и лопату», ради которого я поначалу и собирался лететь за полторы тысячи вёрст. И более я о нём не вспоминал. История о том, как с горкомом поссорился обком, просто растворилась в бушующем океане совершенно иных страстей. Разговоры в автобусе, ресторане или гостинице непринуждённо скользили по тёплой погоде, рыбе в кляре и тому подобному, но неизменно возвращались к одному: состоявшемуся 21 мая в Южно-Сахалинске митингу и всему, что за ним последовало. Позже – да и тогда, во время пребывания на Сахалине, – приходилось мне слышать самое разное о том, что же здесь случилось. От «форменных безобразий», «волнений» до «справедливого выступления народа» и «истинной демократии». Очевидцы событий присваивали Сахалину, бывшей царской каторге, самые невероятные названия: «Остров свободы», «Цитадель народовластия», «Мятежный остров» и так далее. Но все они не полностью отражали суть происшедшего – попытку народа во весь голос заявить о том, как он хочет жить, и полное непонимание партийной властью естественного хода событий, жалкую растерянность перед ним.

Начало бурным событиям положило выступление 19 мая по местному радио моего старого знакомого, корреспондента Гостелерадио по Сахалинской области Володи Мезенцева, в котором он предложил всем желающим собраться в ближайшую субботу на площади перед зданием драмтеатра имени Чехова. И высказаться для всесоюзной радиопередачи «Прожектор перестройки».

Поговорить о происходящем в стране и области, об отношении к выбору делегатов на объявленную партией 19-ю партконференцию и «вообще, о времени и о себе». Но в прямом эфире журналиста была ещё одна «незапланированная», то есть не просмотренная редактором идущей в прямой эфир передачи часть. В ней речь шла о личной нескромности и нарушении норм социальной справедливости первого секретаря Сахалинского обкома КПСС Петра Третьякова, устроившего незаконное выделение жилья своим родственникам. Именно эта прямоэфирная импровизация и стала причиной немедленного отзыва В. Мезенцева в Москву. Однако дело было сделано.

В назначенный день и час к драмтеатру стал собираться народ. Набралось несколько сотен. Большинство пришло, видимо, из чистого любопытства. Посмотреть, а что же будет? Люди ходили по площади, будто бы прогуливаясь и не имея никакого отношения к призыву по радио. Кто с портфелем, кто с доской под мышкой, кто с дрелью – видимо, для отвода глаз. Сам митинг возник совершенно стихийно. Кто-то вытащил из драмтеатра табуретку, влез на неё и воскликнул: «Товарищи, Мезенцева в городе уже нет, но проблемы-то остаются!» И тут все, вроде бы отсутствующе прогуливавшиеся вокруг, бросились к импровизированной трибуне, и зазвучали гневные речи. Об ужасных условиях существования людей на Сахалине. О забытом про народ местном руководстве, живущем хорошо устроенной для себя, но оторванной от народа жизнью. О несправедливых выборах делегатов на очередную Всесоюзную партконференцию.

Произожди подобное несколькими десятилетиями раньше – если бы оно вообще было возможно, – все собравшиеся были бы немедленно арестованы и получили бы немалые сроки заключения. Произожди оно раньше несколькими годами – пошумели бы и просто разошлись, довольные тем, что удалось громко высказать наболевшее. Но к этому времени народ, видимо, вполне созрел для организованной борьбы за свои права. После бурных дебатов, в которых, кстати, пытались участвовать (правда, совершенно без успеха) и представители городских властей, митинг неожиданно принял чёткую и конструктивную резолюцию. Ну прямо как на привычных в СССР всевозможных собраниях, где все пункты будущей резолюции тоже обсуждаются и готовятся, но только до самого собрания. В этой же совершенно стихийной резолюции констатировалась поспешность и недемократичность прошедших в области выборов делегатов на партконференцию и говорилось о необходимости проведения перевыборов, выражалось недоверие всему Сахалинскому обкому КПСС и лично его первому секретарю П. Третьякову. Упоминалось в ней и о других больных для Сахалина проблемах. Тут же избрали рабочую группу из восьми человек, которой поручили довести принятую резолюцию до ЦК КПСС

(что было сделано телеграммой в этот же день), провести необходимую работу по её реализации и организовать через неделю новый митинг общественности.

Дело приняло совершенно неожиданный оборот. Особенно для местной партийной власти, привыкшей к рабскому повиновению «масс», – так они унизительно привыкли называть народ. Всё пошло по совершенно непроторённой дорожке, тем более что состав делегации от области на 19-ю партконференцию уже утвердили на пленуме обкома КПСС. Что было делать несчастным партийцам?

Ну, прежде всего партийные боссы спокойно доотдыхали майский уик-энд на своих загородных дачах и в пансионатах. А первое, что сделали в понедельник в областном и городском бюро КПСС, – это внимательно просмотрели «объективки» на каждого из членов выбранной митингом рабочей группы. Известный приём, прекрасно отработанный за долгие десятилетия Советской власти: найти хоть какую-то зацепку в биографии «клиента», а дальнейшее – дело техники органов милиции или КГБ.

Тут их ждал первый удар – всё в «объективках» было в полном ажуре. Не преступниками-рецидивистами или махровыми антисоветчиками оказались члены рабочей группы, а вполне достойными и уважаемыми людьми. Более того, эти восемь человек, практически незнакомые друг с другом до митинга, по странной иронии судьбы в какой-то мере явили собой социально-политический срез всего советского общества. Того, что у нас привыкли называть одним ёмким, но ни о чём не говорящим словом «народ». В ней оказались электрик и научный сотрудник, кузнец и слесарь, два врача и два инженера. При этом трое из них были членами КПСС, один кандидатом в ряды КПСС, а ещё секретарь цеховой комсомольской организации, член райкома партии и председатель совета трудового коллектива крупного предприятия. В общем, хоть картину общества пиши с этих трёх женщин и пяти мужчин. Только не для того избрал их митинг.

Итак, компромат отсутствовал. А неприятная для властей группа уже действовала. Я, конечно, далёк от идеи немедленной передачи пусть даже тоталитарной власти в руки только-только созданной общественной группы – хотя, кто знает, кто знает... – но элементарно попытаться поискать в ней союзника в своей руководящей работе можно было. И нужно было. Пусть даже не из соображений ума, а из хитрости. Но и это качество, похоже, полностью атрофировалось у сильно отдалённых от Москвы местных партийных руководителей. Всё происходящее в подчинённой им островной области беспокоило их поначалу не очень сильно. Тем более когда из очных разговоров

с каждым членом этой «рабочей группы» выяснилось, что у неё нет никакого идейного вдохновителя. Тогда решено было разом снять все неприятные проблемы, собрав привычный в таких случаях покорный партийно-хозяйственный актив, состоящий из руководителей предприятий, организаций и приближённых к партийному руководству лиц, где предложили всем высказать своё отношение к происходящему. Такая вот сильная оказалась у них вера в созидающую силу мнений и решений!

Однако и «мнения» не получилось. Подавляющее большинство выступавших коммунистов в целом одобрили решения прошедшего митинга и поддержали проведение нового. Тут в партийном руководстве наступила реакция, похожая на шок. Даже обязательной в таких случаях резолюции на партхозактиве не приняли. На протяжении последующих стремительно уплотнившихся суток и часов почти без перерыва шли экстренные заседания, совещания и обсуждения сложившейся ситуации в местном руководстве, но никаких существенных изменений в происходящее в городе они не вносили. Неготовность партийной власти к подобного рода событиям отчётливо проявилась в её отношении к «рабочей группе». От ленивого замечания и явного осуждения с навешиванием ярлыков типа «экстремисты», «реставраторы капитализма» – это когда были уверены, что можно шапками закидать, – до явно опоздавшего по времени, но всё-таки сулящего хоть какие-то выходы из кризиса поиска диалога, компромисса и тесной совместной работы накануне второго митинга.

Впрочем, последнее, скорее всего, объяснялось срочным прибытием на Сахалин аж четырёх сотрудников ЦК КПСС, которые быстренько наставили своих меньших братьев по партии на правильный путь, что, по их мнению, должно было и социальный взрыв на острове предотвратить, и заколебавшуюся было власть в руках партийного руководства сохранить. Они порекомендовали первому секретарю Сахалинского обкома повиниться во всеуслышание и пойти ещё на ряд жертв, ранее для местных партийцев немислимых. Что экстренно вернувшийся из Москвы Пётр Иванович Третьяков незамедлительно и сделал на очередном расширенном партхозактиве. В этом выступлении, полностью переданном по местному телевидению, он признал не только недостаточную гласность и демократичность проведённой недавно выборной кампании, но и многие факты социальной несправедливости в области. Жители Сахалина также узнали из этого выступления о решении передать горисполкому целый ряд «обкомовских объектов» и публичное признание первого секретаря обкома в его «личной нескромности при выделении жилья родным».

Фантастическое заявление! Такого на советском Сахалине ещё не знали. Казалось бы, чего же больше и куда дальше? Наконец-то партийное

руководство задумалось о народе и готово поступиться даже своими материальными интересами. Казалось бы, можно и успокоиться людям, приняв от раскаявшихся партийцев их жертвоприношения. Но вот что заметил по этому поводу один из телезрителей в своём письме сразу после телетрансляции партхозактива: «До этого только слышал о каких-то непривычных для нас действиях со стороны «группы» трудящихся, называющих себя «рабочей». Хочу сказать, что эта группа уже сделала больше всех известных мне уполномоченных и прочих формирований, которые организационными методами добивались каких-то результатов в улучшении культурно-бытовых условий жизни всех людей нашего города. Оцените сами – группа только появилась, и члены её высказали своё мнение, и что же? Рядовое население и наши дети одним махом получают гостиницу, поликлинику, детский профилакторий и многое другое! Это уступка со стороны наших властей. А ведь до сих пор разговора об этом не было, хотя о пользовании ограниченным кругом товарищей рядом объектов постоянно говорили в низах. Не знаю, чего это «рабочей группе» стоило или будет стоить, но то, чего они добились, уже оправдывает их деятельность. За что им огромное спасибо от «всех категорий населения», за исключением, быть может, незначительного меньшинства, выступавших на партхозактиве против инициаторов. Впечатление от некоторых выступлений на этом партхозактиве может сложиться такое, будто «рабочая группа» всё делает неправильно и даже незаконно. А результат между тем оказывается таким неожиданно полезным. Так, я уверен, что если и были нарушения в распределении жилья или использовании в личных целях государственного автотранспорта, то теперь этих случаев будет куда меньше. Обидно только, что происходит это из-за страха перед гласностью, а не по совести, как должно быть...»

Эти слова бесхитростного рядового сахалинца, пожалуй, точнее всего отразили ситуацию. Именно страх заставлял властителей жизни идти на всевозможные уступки и компромиссы. Страх перед тем, что робкое и осторожное поначалу народное недовольство, перерастёт в мощную стихию, способную в мгновение ока лишить так называемых «слуг народа» не только годами создаваемых бытовых и материальных привилегий, но и вообще сметёт всю эту паразитическую надстройку на теле общества. Страх у одних и отсутствие ума у других заставляли этих людей совершать поступки, не только не сглаживающие острые углы, но порой ещё больше усугубляющие ситуацию. Так, во многих выступлениях участников упомянутого выше партхозактива сквозили нескрываемая неприязнь и даже злоба по отношению к «возмутительной рабочей группе». Вдобавок ко всему, помимо навешивания весьма ярких ярлыков на её знамена, прозвучали и вовсе оскорбительные слова, типа «неуправляемая толпа», когда речь зашла об «ужасах» предстоящего митинга.

В итоге тысячи сахалинцев сделали свой правильный вывод: принятые меры – элементарная кость, подачка, брошенная народу. Главное же – стиль, методы работы и особенно образ мышления партийного руководства совершенно не изменились и вряд ли начнут меняться. А значит, надо идти на митинг и добиваться своего. В штаб «рабочей группы», организованный в квартире одной из её участниц и круглосуточно работающий для организации назначенного митинга, беспрерывно звонили жители города, области и даже соседних краёв и областей. Звонили, чтобы выразить свою поддержку, благодарность или предложить посильную помощь. Такое вот было отношение людей к тем, кто по воле народа взвалил на себя непривычную и нелёгкую ношу.

Но всего этого не знали да, пожалуй, и не хотели знать большинство из тех, кто продолжал заседать по другую сторону баррикад. Тут видели в народе лишь некую обезличенную массу, которая способна бог знает на что и пойдёт за тем, кто лучше её обработает. Поэтому, наверное, когда в финале партхозактива возникли весьма сумбурные дебаты и невнятные, порой противоречащие друг другу предложения, принято было очередное «спасительное» решение – «идти в народ, в парторганизации и работать в них». Сказано – сделано. На следующий день десятки, сотни партийных активистов двинулись в массы. И немало удивились, когда узнали, что во многих первичных парторганизациях иначе, нежели в обкоме, смотрят на происходящее. Даже там, где тем или иным способом удавалось принять нужную резолюцию о непереизбрании уже выбранных делегатов на Всесоюзную партконференцию и отказе от митинга, – даже там рядовые коммунисты, проголосовав «за», расходились и говорили: «А на митинг всё равно пойдём...»

Таков был суровый урок «хождения в народ» власти, далеко оторвавшейся от этого самого народа. Отчасти он пошёл впрок. В городе срочно открыли свой штаб для контактов с населением, где принимали с 9 до 21 часа всех желающих с жалобами и предложениями. Как будто само партийное руководство,

узурпировавшее всю власть в стране, не являлось изначально подобным штабом для населения?! Являться-то оно им являлось, да только давным-давно об этом забыло. Но вот и здесь, по сути, главной задачей альтернативного партийного штаба стало снятие растущего напряжения в 160-тысячном городе и по возможности – отмена надвигающегося митинга, пугающего партийных работников не меньше чумы.

Правда, вскоре стало ясно, что все эти усилия уже напрасны – они не только не ослабляют напряжённости, но, наоборот, разжигают дополнительные страсти. Южно-Сахалинск гудел растревоженным ульем, жил в незнакомой ему доселе эйфории ожидания чего-то необычного и очень значительного. По самым скромным подсчётам, на митинг 28 мая собирались выйти не менее 30 тысяч человек. «Никто не знает, куда всё это может пойти и под какими лозунгами будут выступать собравшиеся», – как под гипнозом, продолжали повторять партийцы-руководители на нестихающих заседаниях, бюро, активах и прочих сборах. Хотя все они прекрасно знали, против кого будет направлен гнев народа, доведённого до предела десятилетиями скотского с ним обращения. Против них самих. Этого и боялись больше всего. Но не смели сказать об этом вслух.

События нарастали непредсказуемо и неотвратимо. Примерно за двое суток до намеченного митинга в штабе рабочей группы живо обсуждался вопрос о технике его проведения. Возник серьёзный вопрос: «Как организовать такое массовое мероприятие – ведь ни у кого нет подобного опыта?» Именно в этот момент в гудящую квартиру «рабочей группы» явились неожиданные гости. Начальник УВД области и председатель городского исполкома. Растерянное партийное руководство хоть и тряслось от страха, но вести разговор напрямую с уполномоченными народа не стало. То ли боялось, то ли не умело, а может, считало это ниже собственного достоинства. Послало к ним парламентариев. Впрочем, тоже членов партии и наверняка членов обкома КПСС. Приехали они, встревоженные, по их словам, возможными трагическими последствиями сбора в субботу такого количества людей. И, как выяснилось, с единственной целью – отменить митинг во что бы то ни стало. Никакие доводы со стороны «рабочей группы» о необходимости властей быть готовыми во времена гласности к подобным мероприятиям и приводящиеся примеры проходящих в городе и более массовых мероприятий взволнованными гостями не принимались. «Рабочей группе» готовы были предоставить радио и телевидение для изложения своих требований и любого разговора с народом, но неизменным условием при этом оставалась отмена митинга.

Несведущему человеку может показаться, что речь здесь идёт о каких-то военных действиях, поскольку то и дело мелькают военные слова: «штаб... парламентёры... переговоры» и т. п. Конечно же, это не так. Никаких намёков на враждебное отношение «рабочей группы» к партруководству не было и в помине. С самого начала своего существования она искала тесного контакта, сотрудничества с руководством области и города, пыталась повернуть его лицом к народу, волю которого и выражала. Просьбы допустить их до того же телевидения народные уполномоченные излагали чуть ли не каждый день, но неизменно их или не замечали, или отказывали в этом. Не их вина, что долгожданный разговор на равных начался лишь накануне митинга, который стал уже неким символом и вышел за рамки обычной манифестации. И вновь, как бывает при ведении шахматной партии плохим шахматистом, партийное руководство в своих действиях запаздывало на один-два хода. Когда решалось на какие-то жертвы, они уже не давали преимущества, а порой и спасения. И потому бездарно проигрывало.

Всю ночь в штабе «рабочей группы» шли споры, как поступить, и утром из него пришло следующее сообщение: «Не можем пойти на отмену митинга, поскольку считаем себя ответственными за выполнение резолюции прошлого собрания... Такой шаг был бы предательством по отношению к тысячам людей, поверившим нам и решившим идти на митинг». Желаемого компромисса с «рабочей группой» властям удалось достичь лишь вечером, за ночь до намеченного митинга. Да и то лишь после того, как четверых её коммунистов официально, по повестке с подпиской, пригласили на экстренный пленум обкома КПСС. Здесь была принесена очередная весьма серьёзная жертва со стороны партийного руководства – принято заявление первого секретаря Сахалинского обкома КПСС П. Третьякова об освобождении его с этого поста.

Надо сказать, и эта процедура отставки провинившегося «первого» лишней раз продемонстрировала лицемерие, пещерность мышления и полную оторванность от жизни привилегированного руководящего партийного сословия. Сначала глава партийного десанта из Москвы – замзавотделом организационно-партийной работы ЦК КПСС К. Могильниченко объяснил собравшимся, что на 90 процентов недоработка в перестройке на Сахалине – это вина первого секретаря. Дескать, и в личном, бытовом плане у него серьёзные недостатки, и после 10 лет работы в области первым секретарём не было с его стороны попыток изменить стиль работы. В общем, жизнь сегодня опередила П. Третьякова и надо ему принимать ответственное решение. При этом высокий для далёкого Сахалина чиновник из ЦК КПСС как-то напрочь забыл, что всего год назад сам вручал «отставшему от жизни» Третьякову орден Ленина за выдающиеся заслуги во всём. Затем несчастный первый секретарь упрасивал

собравшихся принять его заявление об отставке, а в зале вскакивали непрозревшие партийные соратники и кричали, что, мол, «дорогого Петра Ивановича» в обиду не дадут и «нечего тут идти на поводу какой-то неизвестно откуда взявшейся группы». Одновременно они тоже как-то забывали, что у дверей обкома стоят толпы людей, ждущих от власти чего-то весьма решительного. Но явно не забывал об этом и потому снова вставал с места гонец из ЦК и мягко убеждал слишком горячих поклонников первого секретаря в необходимости его ухода в интересах общего дела. А потом сам жалкий Пётр Иванович умолял членов обкома принять его отставку: «Поймите меня, я болен. Правда, болен. Прошу поверить... Сделайте это в интересах дела».

Сделали. За что партийным решением обязали коммунистов «рабочей группы» немедленно выступить в прямом телевизионном и радиоэфире совместно с представителями партийного и советского руководства. Так, ближе к полуночи, за несколько часов до назначенного митинга были наконец во всеуслышание разъяснены позиции, рассказано о пленуме и его итогах, о принятых руководством мерах по требованию первого митинга и прозвучали слова об отмене второго.

Правда, митинг, из-за которого было сломано столько копий, всё же состоялся – разве можно в одно мгновение остановить сильно раскрученный маховик?! Не такой угрожающе многочисленный – всего около пяти тысяч человек, – но нормально организованный и достаточно эмоциональный. Много разного говорили на нём в течение трёх с лишним часов неприкрытой гласности: опять о недемократичности выборов делегатов на партконференцию, о положении в городе и области, обо всём наболевшем. Выступали и члены «рабочей группы», и руководители области, и все желающие. Один горячий человек призвал даже к «свержению партии», но его просто осмеяли, а сам он потом долго бродил по футбольному полю стадиона, на котором проходил митинг, очень удивлённый и опешивший от того, что его никто не спешит арестовывать. В общем, все находились под воздействием эйфории долгожданного диалога – откровенного, порой обидного и беспощадного разговора народа с теми, у кого в руках оказалось право управлять жизнью этого народа. И подавляющее большинство, похоже, было вполне довольным таким исходом дела. И искренне радовалось установлению утраченной было полностью обратной связи между простыми людьми и партийным руководством.

Так закончились эти необычные события мая 1988 года в городе Южно-Сахалинске, когда растерянные местные партийные работники чуть не отдали власть в руки народа. Но кто бы им это позволил?! Потому и выброшен был на Сахалин такой многочисленный десант из Москвы, потому и пошла власть на

такие непривычные для неё жертвы, как отказ от части материальных благ и отставка первого секретаря обкома. Впереди у великой страны были дни октября 93-го и месяцы 94–96-х, когда пришедшие на демократической волне к власти в России забавные и чудные партийные руководители, переодевшись демократами, сначала расстреляют из танков в центре Москвы законно избранный парламент, а затем зальют горем и кровью маленькую Чечню, пожелавшую жить независимо от непонятной и страшной своей посткоммунистической эволюцией России.

Но это всё будет. Будет через долгие годы, а в мае 1988 года на далёком острове Сахалин второй демократический митинг принял резолюцию, разработанную на этот раз «рабочей группой» совместно с горкомом партии и горисполкомом. Она гласила: «Целиком и полностью одобрить курс ЦК КПСС на перестройку, отметив, что перестройка в самой Сахалинской области не начиналась». А эти семь дней, потрясшие дальневосточный остров не хуже тайфуна или землетрясения, которые здесь нередки, и заставившие многих прозреть, отразились и в выступлении главного партийца страны того времени, Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачёва. Правда, понять что либо из его слов было совершенно невозможно. Или иначе: сказано об этом было так, чтобы народ ничего не узнал о происшедшем.

– Вот на днях были дебаты на Сахалине, – деловито поделился М. Горбачёв на одной из пресс-конференций в июне 1988 года, – которые закончились тем, что собрался пленум областного комитета партии и обсуждал мнения трудящихся, коммунистов. Пленум признал справедливыми их замечания и требования, признал необходимым укрепить партийное руководство области, принял решения, нужные для того, чтобы процесс демократизации набирал силу на Сахалине...

Поди пойми, что там произошло на самом деле. В его округлом высказывании совершенно исчезли как смело и громко прозвучавший голос простого народа, так и бездарное поведение в непривычной обстановке безликой руководящей партийной массы, где всякий раз чрезвычайно трудно – чаще всего просто невозможно – найти конкретного человека, ответственного за тот или иной поступок или преступление. Она, эта аморфная масса, обладала удивительным свойством действовать коллективно, пряча одну фигуру за другой и избегая личной ответственности за особо важные поступки и преступления. Правда, следует отметить, события на Сахалине стали некоторым исключением из этого правила. Здесь под воздействием неослабевающего возмущения народа партийный монолит вынужден был пожертвовать фигурой престарелого первого секретаря обкома. Подобно тому, как поступает со своим хвостом

ящерица – расстаётся с ним, когда хищник хватается жертву и остаётся в итоге с этим самым хвостом в лапах или во рту. Ящерица же убегает под шумок, а потом благополучно отрачивает новый хвост. Вот и здесь партийцы страны пожертвовали местной руководящей головой, которая для них-то являлась не более чем хвостом, дабы не отдать в руки этого самого народа главную часть своего идеологического тела – инициативу проведения хоть каких-то изменений в СССР и сохранения любой ценой своей руководящей роли в управлении государством, что полностью подтвердило обтекаемое высказывание о тех событиях Горбачёва. Но даже в этой сравнительно небольшой жертве со стороны партии – снятии со своего поста местного первого секретаря обкома – Генеральный секретарь ЦК КПСС народу не признался!

Скажу честно, мне куда интереснее было наблюдать не фундаментальные действия всей безликой руководящей партийной массы, касающиеся вопросов власти в огромной стране, как это было в сахалинских событиях, а поведение отдельных представителей этого сословия в предельно обострённых для них индивидуальных условиях. Когда можно внимательно исследовать мотивы и детали тех или иных действий. Но особенно это захватывает, если ты сам моделируешь ситуацию или активно участвуешь в ней.

Как-то весной 1985 года во Владивосток пожаловала очень важная партийная персона – Л. Бирюкова. Член ЦК КПСС и, кажется, даже кандидат в члены политбюро ЦК КПСС. Всего на один день, поскольку оказалась тут проездом в дружественную, если не сказать более – родственную в смысле служения коммунистическим идеям и низведения до муравьиного уровня собственного народа Северную Корею. Ну понятно, местные приморские партийные власти из кожи вон повылезали, чтобы как можно достойнее принять такую высокую птицу. Решили устроить ей экзотическую экскурсию на огромный рыбозавод на воде – плавбазу. Ведь одно из главных направлений Приморского края в народном хозяйстве – рыбодобывающее и перерабатывающее. Но чтобы не тащить московского гостя на далёкий рейд, где обычно стоят большие суда, и не подвергать его опасностям путешествия по воде, решили подогнать эту громадину к морскому причалу, расположенному в центре города. Соответственно подновили с парадной стороны облупившиеся стены морского вокзала во Владивостоке, подмели всё хорошенько. Но вот незадача, заняв несвойственное ей место у цивилизованного пассажирского причала, морская машина стала недоступна для удобного причального трапа – задранный к краю её высоченного борта, он скорее напоминал площадку приземления трамплина. Недолго подумав, крайкомовские работники решили вопрос просто: срезали

часть этого борта так, чтобы по трапу можно было удобно взойти на плавбазу, – и никаких проблем!

Возмущённые подобным идиотизмом, портовые рабочие пришли ко мне в корпункт «Литературной газеты» с письмом, где были подробно изложены все детали этой бесхитростной операции и поимённо названы её крайкомовские участники. Я быстро переправил их письмо в газету, и через несколько дней коротенькая заметка под названием «Гостеприимство по-приморски» была напечатана в «Литературной газете». Она имела огромный резонанс по всей стране. Реакция в Приморском крайкоме партии на эту публикацию, конечно же связанная с моим собкоровским именем, и некоторые последующие события – это отдельный рассказ. Сейчас речь о другом.

В той заметке был упомянут один из секретарей крайкома, который отвечал за рыбную промышленность. Он лично приезжал на морской вокзал во время подготовки его к посещению Л. Бирюковой и, естественно, был назван в письме рабочих. Один из моих местных друзей, знавший весь край и людей в нём гораздо лучше меня, мягко сожалел, что имя этого человека, по его мнению, одного из самых порядочных в партийной элите края, было упомянуто в скандальной публикации. Но я лично его не знал, и мне на это было совершенно наплевать. Тем более что не я писал ту заметку, а значит, не я нёс моральную ответственность за вынесение на суд общественности действий упомянутых в ней героев. Однако судьбой суждено было свести меня с одним из этих партийных людей. Да при каких обстоятельствах!

Осенью 1988 года столица Южной Кореи Сеул готовилась принять очередные летние XXIV Олимпийские игры. Проводящиеся после двух бойкотируемых Олимпиад в Москве и Лос-Анджелесе, они впервые должны были собрать чуть ли не все страны мира. Южная Корея, тогда ещё активно развивающаяся страна третьего мира, жаждала открыться планете во всём своём великолепии и произвести на мир неизгладимое впечатление. Честолюбивые корейцы вложили в подготовку и проведение Олимпиады всё, что могли, и по всем статьям она должна была стать небывалым, фантастическим событием. Забегая вперёд, скажу, что им это удалось в полной мере.

Думаю, каждый поймёт мои мечты попасть на Олимпийские игры в Сеуле. Тем более что в прошлом я был профессиональным спортсменом, но никогда раньше на Олимпиадах не бывал: спортивного моего уровня для этого не хватило, а в качестве журналиста – кто же меня, беспартийного, на них послал бы?! К тому же Сеул находится всего в пятистах километрах от Владивостока, и я уже считал своим естественным правом и долгом побывать чуть ли не в одной

из областей своего Дальнего Востока, чтобы передавать с мирового спортивного форума нетленные репортажи о событии планетарного масштаба в родную «Литературную газету». Итак, я бредил этой Олимпиадой и готов был отдать полжизни за поездку туда.

– Зачем отдавать полжизни? – спокойно среагировал на мои бредовые замыслы приятель, дальневосточный писатель Борис Мисюк, – попросим Жору Пикуса, моего одноклассника, а нынче вице-президента Дальневосточного морского пароходства. Он тебя оформит каким-нибудь механиком по паспорту моряка на судно, которое идёт в Корею во время Олимпиады. Ты же такую авторитетную центральную газету представляешь, а тут местные журналисты то и дело подобным образом то в Японию, то в Австралию, то в Сингапур ходят. А уж тебе сам бог велел! Поставишь бутылку коньяка, выпьем вместе с Жорой – делов-то...

Верно, из Владивостока готовилось к рейсу в олимпийскую Корею огромное пассажирское судно «Михаил Шолохов». Вместе с главным объектом – секретной антидопинговой лабораторией оно везло туда часть советской спортивной делегации, чиновников из Госкомспорта и должно было на протяжении всех Игр стоять в порту Инчхон недалеко от Сеула. Попасть в такую поездку – об этом мне можно было только мечтать! Но при знакомстве с Г. Пикусом и объяснении ему проблемы вопрос о моём месте на «Шолохове» и впрямь решился в несколько секунд. Однако надо было иметь разрешение на выезд в капиталистическую страну, которое в те времена санкционировали партийные органы. Я честно попытался получить его через «Литературку» в ЦК КПСС, как и все официально направляющиеся в Сеул журналисты. Но мои беспартийные документы застряли в бездонных недрах этого всемогущего тогда заведения, и мне намекнули в отделе кадров редакции, что столь долгая задержка и молчание последнего означают только одно – меня не пропускают.

– Ладно, не расстраивайся, – успокоил мой добрый гений из Дальневосточного пароходства Г. Пикус, – оформим допуск в нашем крайкоме.

И вот за два дня до отхода судна, когда я уже приготовил всё необходимое для полуторамесячного путешествия, пришла катастрофическая весть из пароходства. Мои документы не утвердили и в Приморском крайкоме партии. Отчего, почему – никто не мог сказать. Удалось лишь выяснить, что возглавляет выездную комиссию тот самый секретарь крайкома, курирующий рыбную промышленность, имя которого было упомянуто в той, наделавшей скандал заметке о визите во Владивосток члена политбюро ЦК КПСС Л. Бирюковой.

– Ну всё, это конец, – подумал я тогда. – Уж он-то точно меня не пропустит. Неужели хана всем планам и почти уже свершившейся мечте?!

Вдобавок ко всему эта комиссия собиралась два раза в неделю, и очередное её заседание должно было быть по плану только через четыре дня – то есть уже после отхода «Шолохова» в Корею. Нетрудно понять моё отчаяние. Впору было топиться. Но в какое-то мгновение в моей больной голове вдруг мелькнула некая комбинация – вроде бы, совершенно дикая, рискованная по своим возможным последствиям, – однако единственная, могущая спасти несчастного журналиста. Или уничтожить его. Комбинация, где главным действующим лицом должен был вновь стать косвенно пострадавший от меня человек из Приморского крайкома партии.

– Нет-нет, – сам себя отрезвлял я, – такое невозможно, этот номер не пройдет с ним. Лучше сразу похоронить всё задуманное...

А у самого в голове уже стремительно связывались фрагменты осенившей меня идеи. Так... он – секретарь крайкома, попавший в критическую статью центральной газеты... А я – хоть и не автор той заметки, но непосредственный виновник её передачи в Москву – об этом здесь знают все... Теперь я от редакции собрался на Олимпиаду, но мои документы не подписывают в местном крайкоме партии... И кто не подписывает?.. Да тот самый партийный чиновник, попавший под огонь критики нашей газеты, и не подписывает. Так это же... это же получается... Ё-моё! Расправа за критику получается... Расправа за критику, даже если таковой и нет у него в мыслях. Вот оно, нашёл!!!

Да простит меня Всевышний и секретарь Приморского крайкома КПСС Владимир Павлович Чубай, к которому пошёл я с этой интригой и который и впрямь оказался неплохим мужиком! Но что мне, загнанному в тупик и совершенно убитому таким поворотом событий, было делать?! Ведь я собирался на Олимпиаду не только из-за своего личного горячего желания увидеть крупнейший спортивный праздник планеты, а должен был работать там для редакции своей газеты, а значит, и для огромного количества её читателей!

Через пару часов я сидел у него в кабинете.

– С чем пожаловали, Валерий Юрьевич, какие такие вопросы возникли к крайкому партии у уважаемой и любимой всеми «Литературной газеты»? – начал он игриво-покровительственно нашу встречу. – Не стесняйтесь, выкладывайте, а мы поможем, чем можем.

– Видите ли, Владимир Павлович, моя газета послала меня на Олимпийские игры, которые скоро пройдут в Южной Корее, с заданием описать их именно через первый визит со времён корейской войны в эту страну пассажирского судна, идущего туда из Владивостока. Потому по договоренности с пароходством меня берут туда по паспорту моряка... – начал я свою легенду, ожидая от собеседника всего, чего угодно, но пока он лишь отстранённо слушал. – Пароход отплывает через два дня, но моя виза по какой-то причине застряла здесь, в крайкоме. Я ничего не могу сделать, а в редакции узнали каким-то образом, что именно от вас зависит её получение. Понимаете, я сам в ужасе от того, что сложилась такая ситуация, и уже не рад, что затеял эту поездку с Дальневосточным пароходством. Потому что в газете напрямую связывают задержку мне визы с той, наделавшей столько шума публикацией о встрече во Владивостоке Л. Бирюковой, где было упомянуто ваше имя. Дескать, это месть журналисту за критику... Я-то прекрасно понимаю, что вы тут совершенно ни при чём, но редакции моей этого не объяснить. Там взбешены тем, что важнейшее редакционное задание оказалось под угрозой срыва...

Кажется, тут до местного партийного секретаря начало доходить сказанное мною – во всяком случае, пальцы его правой руки нервно забарабанили по столу и взгляд явно показал определённое сосредоточение в голове.

...И должен вам сказать (а это уже только между нами), что теперь там все ужасно завелись, явно жаждут крови. Время-то на дворе, сами понимаете какое, демократия, перестройка, и, похоже, они готовы хоть завтра всё это вынести на газетную страницу, – врал, безбожно врал я, всё более распаясь от осенившей меня весьма правдоподобной легенды, в которую и сам уже начинал верить. – Вы же знаете любовь редакций к возвращениям к своим публикациям, тем более таким скандальным. Так что теперь ситуация вышла из-под моего контроля! И даже если я вдруг сообщу им, что передумал ехать, то мне, во-первых, будет взбучка за срыв ответственного международного редакционного задания, а во-вторых, они не поверят мне и решат, что я по какой-то неизвестной им причине прикрываю вашу предполагаемую расправу... Жуткая, нелепая ситуация, Владимир Павлович, в которой мы оба с вами оказались. И вот я пришёл к вам, чтобы о ней рассказать и не просить ни о чём – боже, упаси! – а просто посоветоваться, что нам с вами вместе теперь делать?

Я не знаю, усомнился ли мой собеседник хотя бы в одной детали рассказа, в который я и сам уже верил от начала до конца (да так верил, что мне по-настоящему стало жалко несчастного секретаря), но лицо его по мере развития повествования менялось от отсутствующе улыбчивого до внимательно слушающего и даже напряжённо испуганного. Он-то, видимо, поначалу думал,

что я явился слёзно просить его об одолжении. А тут такое, что впору ему самому меня о чём-то просить. Ни слова не говоря в ответ на мой взволнованный и умеренно сбивчивый рассказ, он поднял телефонную трубку и сухо, не называя имени собеседника на том конце провода, произнес: «Зайдите ко мне немедленно!»

И только после этого обратился ко мне успокаивающим жестом протянутой руки: «Сейчас». Не помню, успели ли мы что-либо сказать друг другу, но очень быстро в кабинет вошла пожилая дама из разряда типичных райкомовских крыс, с которыми никакие вопросы в личном порядке решать невозможно.

– Почему Шарову не оформлен допуск в заграничное плавание?

– Вы же знаете, Владимир Павлович... – дама шагнула ближе к хозяину кабинета и последующие слова говорила ему чуть ли не на ухо, недоумённо и озадаченно поглядывая на меня. Видимо, в этот момент прозвучала истинная причина задержки моих документов, о которой я не знаю до сих пор, но по всему происходящему я так и не понял, был ли в этом виноват сам В. Чубай.

– Ничего знать не хочу, – оборвал он её на полуслове и снова поднял телефонную трубку. – Катков, зайди!

Через несколько секунд в кабинет вошёл немного знакомый мне инструктор промышленного отдела.

– Значит так, – обратился секретарь крайкома к своим подчинённым без каких бы то ни было предварительных объяснений. – Мы – комиссия по выдаче допусков в заграничное плавание. Вы (к пожилой даме) – её секретарь, вы (к инструктору) – член комиссии, а я – председатель. Оформляем Шарова для выезда в Корею. Чтобы сегодня всё было готово. Ясно?

Оба чиновника согласно кивнули и живо покинули кабинет.

– Ну, всё улажено, – как-то душевнее, нежели в начале моего визита, улыбнулся секретарь, – надеюсь, теперь у «Литературки» не будет претензий и вы успешно выполните ответственное редакционное задание...

– Деньги-то вам хоть какие-нибудь редакция на поездку даёт? – уже совсем потечески поинтересовался он. – А то ведь скромного валютного довольствия члена экипажа судна не хватит даже на пиво и кофе в корейских ресторанах.

Никакой валюты «Литературка» мне не давала, но меня это не волновало. Совершенно ошалевший от блестяще сработанной задумки – настолько

ошалевший, что, кажется, даже забыл поблагодарить В. Чубая, – покинул я высокий кабинет и... через два дня на белоснежном океанском лайнере «Михаил Шолохов» отплывал из Владивостока в Южную Корею. На вождельные XXIV Олимпийские игры в Сеуле 1988 года!

Особый мир существования, созданный для себя руководящим партийным сословием в Советском Союзе, конечно же, не имел жёстких территориальных очертаний. Он более охватывал материальную сферу бытия: распределение жилья, продуктов, медицинских услуг, хороших должностей, загранпоездки и прочее, – хоть и приятную, но всё-таки прозу жизни. Разумеется, главным его делом было формирование, толкование и претворение в жизнь такого бездонного понятия, как коммунистическая идеология, которое, однако, в итоге тоже сводилось к перечисленному выше. Это ведь только в классическом учении основоположников марксизма-ленинизма звучат громкие слова о справедливо устроенном для народа коммунистическом обществе, да в первые месяцы советской власти руководители нашей страны пытались хоть как-то соответствовать в своих действиях этому принципу. Но потом всё очень быстро и необратимо съехало к тому, что лучше всех зажили партийные боссы, а народ был низведён до положения послушного во всём рабочего скота, который должен неустанно трудиться во имя светлого будущего (неизвестно когда грядущего) и которому лишь иногда перепали какие-то поправки. Что особенно удивительно, и это ни в коей мере нельзя отрицать, устроенное таким образом общество имело и известные успехи: в науке и культуре, в создании военной и космической техники, в индустриализации страны. Невозможно переоценить роль СССР в победе над фашизмом. Правда, тут же возникает вопрос о цене этих успехов, выраженной в человеческих жертвах и низком экономическом уровне жизни советских людей, а произошедшая в 1986 году ядерная катастрофа в Чернобыле, затронувшая многие страны, будто подвела главный итог существования первого в мире коммунистического государства и показала его место в современном мире. Именно после Чернобыля начались в нём разброд и шатания: перестройка, гласность, демократия, а в конечном итоге – полный развал.

Впрочем, я, кажется, слишком увлёкся общими моральными оценками устройства ставшего уже историей советского общества и отошёл от главной темы главы – поведения советских партийных руководителей в необычных для них ситуациях. Их мир, объединённый одной идеологией и единым неизменным стремлением жить лучше, и лучше, и лучше... своего народа, имел строгую субординацию, зоны действия. Так, приди к партийному чиновнику, подобному моему секретарю крайкома, с похожим спектаклем на тему мести за критику в газете кто-либо из местных журналистов, чёрта с два получил бы он желанную

зарубежную визу. Вылетел бы из кабинета с пол-оборота. Да пожалуй, ещё – и с работы. Потому что все местные газеты подчинялись региональным партийным комитетам, и секретарю крайкома ничего не стоило просто снять трубку телефона и в минуту решить проблему с главным редактором этого издания. А вот центральная союзная газета, да ещё такая в то время авторитетная и весьма независимая, как моя «Литературка», да ещё в такое сложное для руководителей перестроечное время, была вне сферы его непосредственного влияния. Публикация в ней могла отразиться если не на его карьере, то на репутации – это точно. Я же со своей стороны вряд ли мог прийти с такой сказкой в ЦК КПСС.

Привыкший легко решать все возникающие вокруг него проблемы с использованием годами отработанных местных субординационных отношений, мой секретарь, очевидно, оказался в совершенно непривычной для него обстановке, когда обстоятельства вынесли его на огромный всесоюзный уровень общественной жизни. Конечно, поверив (тем более не поверив) в созданную мной весьма правдоподобную легенду, он мог попытаться позвонить руководству моей газеты или решить эту проблему через любого из своих друзей в ЦК КПСС, которые у него наверняка были. Но определённо, одна только гипотетическая перспектива быть замешанным в ещё один скандальный газетный материал заставила его использовать своё влияние в распределении этого вида материального блага не в целях получения каких-то дивидендов для себя – моральных или материальных, – а исключительно для огораживания своей особы от возможных неприятностей. Потому всё так легко и быстро устроилось – партийный чиновник не мне помогал, а себя спасал. Тем более что это ему абсолютно ничего не стоило – даже отдалённой аналогии с поведением описанной выше рептилии, отдающей в случае опасности свой хвост, здесь провести невозможно. Описанное выше поведение, хоть и непривычно для подобного рода людей, но всё-таки вписывается в общие рамки фантазмагорического мира, сконструированного за годы советской власти «в одной отдельно взятой стране». Настоящие же сдвиги начинались, когда партийные чиновники попадали за границу и обстоятельства сталкивали их привычный мир с этой самой системой.

По заведённой в Советском Союзе традиции вместе с делегацией, направляющейся за границу с вполне определённой деловой целью, обязательно оказывался один, а то и целая свора партийных деятелей. Они ехали чаще всего руководителями, а иногда – рядовыми участниками делегаций, но, как правило, не за свой счёт. Это у них были, очевидно, такие поощрения за плодотворную и

напряжённую работу на партийном фронте. Помимо личного обогащения любыми способами они параллельно осуществляли идеологический догляд за всей делегацией. Понятное дело, наш огромный океанский лайнер, идущий на сеульскую Олимпиаду, имел целый набор таких партийцев, среди которых особо выделялся секретарь по идеологии Приморского крайкома партии Виктор Павлович Чернышёв. Подозреваю, что именно его вмешательство помешало мне первоначально получить визу в Корею в крайкоме, но не об этом сейчас разговор. Невысокого роста, коренастый и очень надутый своей высокой идеологической значимостью, он с видимым удовольствием играл первую политическую скрипку в момент торжественных проводов парохода во Владивостокском порту. Однако по мере приближения к малоизвестной нам чуждой капиталистической стране как-то сдувался, сдувался и отходил на второй план в общественной жизни разношёрстного пароходского коллектива. А в дни пребывания в Корее и вовсе редко попадался мне на глаза, постоянно участвуя в каких-то приёмах, поездках и прочих халявах, с которых неизменно возвращался с кучей подарков.

И вот как-то на «Шолохове» сообщили, что через несколько дней состоится экскурсия, которую устраивает для нас директор культурного центра Игр. Я не придавал этому особого значения, поскольку постоянно был занят мучительными проблемами выбора мест соревнований, на которые надо было обязательно попасть. Однако кто-то внёс моё имя в список участников поездки. А когда подошло время ехать, вдруг ощутил такую жуткую перенасыщенность соревнованиями и околоспортивными событиями, что понял: если полностью не переключусь хотя бы на один день, то рискую получить нервный срыв. В автобусе оказался и этот самый знакомый мне секретарь Приморского крайкома по идеологии.

– Вы побываете сегодня в национальной корейской деревне, где познакомитесь со многими нашими древними традициями и пообедаете в местном ресторанчике, – начала своё знакомство с нами очаровательная девушка-гид. – Затем будет посещение краеведческого музея. Вам вручат национальные корейские одежды. И после ужина в ресторане самого высокого в Азии 63-этажного здания страховой компании Те Хон нас ждёт большой концерт для гостей Олимпийских игр в культурном центре.

Дело было ранним утром, мягкое движение автобуса начало возвращать отлетевший было с недавним подъёмом сон, и слова о национальной одежде, подготовленной где-то для нас, лишь вскользь коснулись моего сознания. Если что и вызвали они в памяти, то коротенькую мысль о безумной страсти корейцев к деланию подарков. Вот, пожалуй, и всё. Но одежда заняла особое

место в этой экскурсии. Ближе к вечеру, проскочив несколько кварталов с банками и изысканными отелями, наш автобус подкатил к магазину шикарной одежды. У дверей нас встречал сам глава фирмы со странным для одежды, но очень веселым и звонким названием «Нон-Но». Господин Джон Су Ким с каждым из тридцати советских экскурсантов поздоровался за руку и пригласил войти в его магазин. Одновременно многочисленные помощники и помощницы владельца приветствовали гостей традиционными улыбками и поклонами, а также вручили всем по маленькой бумажке с непонятными корейскими иероглифами. Пока осматривали первые попавшиеся на глаза действительно модные модели одежды, как-то незаметно для всех пролетело замечание переводчика, что каждый из гостей может выбрать из каталога или находящихся на вешалках моделей себе одежду по вкусу – это подарок, который по отметке цены в выданном чеке потом оплатит фирма.

Тут кто-то вспомнил про утреннее обещание национальных одежд, но эти шикарные костюмы, сорочки, галстуки и обувь трудно было отнести к традиционным национальным нарядам. К тому же на каждом товаре висела цена. И какая! К примеру, один пиджак стоил столько же, сколько старший механик теплохода «Михаил Шолохов» получал за сорок суток пребывания за пределами страны. В подобные подарки никто не мог поверить. Но все разбрелись по магазину и принялись осматривать, ощупывать, а некоторые смельчаки – даже примерять красивую одежду. Служащие и сам президент компании находились тут же. Помогают надевать, поправляют складочки, сдувают пыль, что-то говорят по-корейски, кланяются и улыбаются, улыбаются.

И вот гости ходят таким образом, восхищённо поглядывают на одежду, вопрошающе – на служащих и недоуменно – друг на друга. Среди них и знакомый мой приморский партиец Виктор Павлович Чернышёв с несколько надменным, но в то же время и испуганным видом – всё-таки среди разврата капиталистического мира оказался. Смотрю, президент фирмы тоже что-то начал беспокоиться. Видимо, решил, если русские гости ничего не берут, значит, выставленное им не нравится. Ну а каталоги почти никто и не смотрит. Тогда он делает незаметный знак, и несколько служащих убегают в подсобные помещения. Буквально через полминуты они появляются оттуда с ворохом очередных, ещё более интересных моделей. И уже сам президент берёт некоторые из них и начинает раздавать находящимся поблизости гостям. Один из красивейших пиджаков попадает к идеологу из Советского Союза, и он принимается напяливать его на свои крепкие партийные плечи. Тут же у одного из служащих фирмы появился в руках фотоаппарат, и он, не спуская с лица доброжелательной улыбки, фотографирует направо и налево, ослепляя вспышкой и без того ослеплённых непривычным шиком советских людей.

Смотрю, секретарь мой как-то судорожно задёргался, быстренько выскочил из пиджака, бросил его ближайшему клерку и, отскакивая от меняющего плёнку фотографа, громко зашипел:

– Ничего не трогать! Это провокация!

Не все, конечно, но многие из наших отложили одежду и стали просто ходить по магазину. Видимо, поверили идеологу, что тут и впрямь провокация. А хозяева уже не на шутку встревожились: то дорогие гости из Советского Союза хоть ходили, щупали и мерили. Но тут после слов одного из них будто оторопь всех взяла. Может, им и эти модели не нравятся? И переводчица, как назло, ушла в соседний детский и женский отдел магазина, на другой стороне улицы. В этот момент ко мне подходит немного успокоившийся – все-таки от капиталистического пиджака освобожденный и, кажется, в кадр с ним не попал, – но сильно ещё взволнованный и озадаченный происходящим вокруг секретарь по идеологии. Зная, что я говорю по-английски, он с делано равнодушным видом, забыв на время некоторую идеологическую неприязнь к беспартийному собору центральной газеты, просит:

– Слушай, ты... это... выясни у ихнего президента, что всё это значит? Что тут вообще происходит? Чего они такое затеяли? Покупать – не покупать нам эти шмотки, что за цены на них такие сумасшедшие? Ни черта у них тут разобрать невозможно...

Большого труда стоило мне найти для руководителя фирмы достойное объяснение внезапной перемены поведения гостей. Не мог же я всю эту белиберду про провокацию ему пересказывать – пожалуй, удар мог хватить добрейшего господина Джон Су Кима. В конце концов с помощью английского, которым мы с ним владели примерно одинаково, я донёс до президента следующее корректное объяснение:

– Видите ли, советским товарищам чрезвычайно понравились ваши товары. Они готовы хоть весь магазин забрать. Но они не могут понять, кому надо платить деньги за отобранные одежды...

Бог мой, что тут стряслось с президентом! Он-то решил сделать людям из далёкой дружественной страны скромные подарки от чистого сердца – ну, костюм или брюки с ботинками, сорочка с галстуком, – чтобы в Советском Союзе тоже узнали о большой и известной не только в Корее фирме. И в будущем, когда, возможно, она выйдет и на обширный советский рынок, быть может, этот дружеский жест сослужит ей неплохую службу... А они подумали, что он просто хочет вытащить деньги из дорогих гостей! Как он разволновался от того, что его неправильно поняли, как забегал по своему магазину вместе со всеми помощниками и помощницами! Того не передать. И как неподдельно радовался, когда разобравшиеся в ситуации хмурые поначалу русские улыбались, унося с собой объёмные свертки в фирменных упаковках фирмы «Нон-Но»!

С гордым видом и пустыми руками покидал магазин секретарь по идеологии Приморского крайкома КПСС Виктор Павлович Чернышёв. Всё в нём выражало лёгкое пренебрежение и даже, возможно, презрение к идеологически падшим соотечественникам, соблазненным на халявные капиталистические тряпки. Признаюсь, я немного даже зауважал этого человека за пусть тупую, но последовательную позицию в принципиальном материальном вопросе. Но я сильно недооценил работника идеологического фронта Коммунистической партии Советского Союза. Позже выяснилось, что он вовсе не отказался от чуждых его идеологии капиталистических шмоток – просто передал свой чек кому-то из женщин нашей группы и попросил их взять на него что-то для своей жены в соответствующем отделе магазина. И не раз ещё проявлял он непостижимые способности своего партийного ума в непривычных для него ситуациях. Так, в один из тёплых сентябрьских дней прямо у ворот таможни, через которые выходили и возвращались на судно все его обитатели, обосновались представители корейской христианской церкви. Весьма приятные и общительные люди. Они совершенно ненавязчиво предлагали всем желающим советским гостям небольшие пластиковые сумочки, в которых помимо различной религиозной литературы на русском языке – в том числе и Библии с Ветхим и Новым Заветами – находились всевозможные приятные сувениры. Брелки, авторучки, зажигалки и прочие беззаботные мелочи. Безбидно и дружелюбно агитировали таким образом за свою веру. Их деятельность не могла пройти мимо наших руководителей всяких рангов, коих на «Шолохове» было великое множество. Этой волнующей идеологической проблеме даже посвятили одно из заседаний местного «олимпийского штаба». На них ежедневно рассматривались все рабочие вопросы деятельности прибывшего на пароходе советского десанта: обсуждались возникшие вопросы, принимались решения. И вот на одном из таких заседаний...

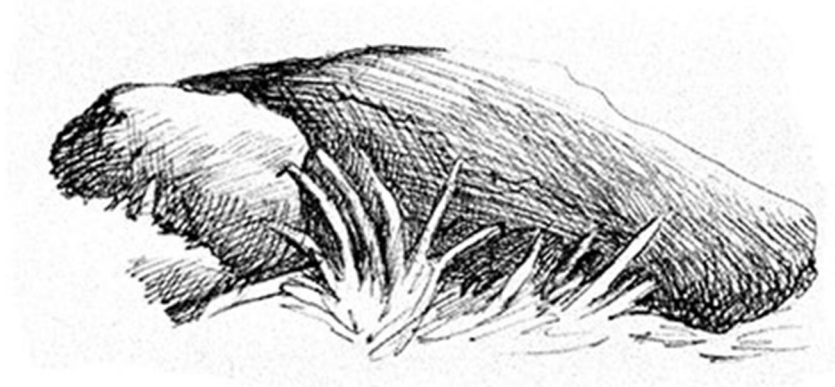
– Мы всерьёз обеспокоены непрекращающейся работой прямо у нас под боком местной секты, – доложил председательствующий, – они постепенно наводняют пароход религиозной литературой. И этому не видно конца.

– Наши вахтенные по возможности проверяют сумки всех входящих членов экипажа и стараются предотвратить проносы ими Библий, – вступил в разговор капитан «Шолохова», – но всех остальных они не имеют права досматривать. Между прочим, дошло уже до того, что представители этой секты обратились ко мне официально с предложением передать на пароход все имеющиеся у них наборы, что-то около восьмисот штук, чтобы разом обеспечить ими всех желающих.

В последовавшем за этим бурном обсуждении ситуации трудно было вычленить что-либо особенно вразумительное, поскольку говорило по несколько человек сразу. Вдруг молчавший поначалу небезызвестный уже боец идеологического фронта Виктор Павлович Чернышёв воскликнул:

– Так может, и согласиться на это? Взять всё сразу. И единым махом решить проблему. Ведь они после этого уйдут отсюда. А мы потом всю религиозную литературу разом и уничтожим!

Я не знаю, воплотили ли в жизнь его гениальное предложение, но корейские христиане так и пробыли у нашего судна до конца его стоянки в этой стране. А сам секретарь по идеологии увозил из Кореи вместе с несколькими сумками прочих подарков несколько экземпляров красочно оформленных религиозных наборчиков с христианской Библией. Чем ещё раз блестяще подтвердил лживость и лицемерие как самой советской коммунистической идеологии, так и большинства тех, кто претворял её в жизнь.

Глава 4. Наедине с безысходностью

Как-то ещё в пятилетнем возрасте, посещая среднюю группу детского садика, мой младший сын Алёша вдруг стал приносить оттуда различные игрушки: солдатики и машинки, которые мы ему не покупали.

– Откуда у тебя эти игрушки? – поинтересовался я.

– Мне их дают поиграть ребята в садике.

– А почему они их тебе дают? Вы что же, меняетесь игрушками: ты им даёшь одни, а они тебе взамен – свои? Или ты отбираешь у них?

– Нет, – искренне и невозмутимо признался ребёнок, – просто они дают их мне, и всё...

Я постарался вывести на откровенный разговор старшего сына, Максима – уж он-то более, чем кто-либо, мог быть в курсе немногих пока ещё личных дел своего брата. И он разъяснил:

– Понимаешь, папа, просто Алёша у них командир. И поэтому они дают ему свои игрушки...

Вот так всё просто! Ничего более вразумительного я услышать не смог. Ни черта не понимая в этих объяснениях, но заподозрив во всём этом что-то неладное, я на всякий случай попросил сына отдать все чужие игрушки хозяевам и больше ничего домой не приносить.

Другой случай произошёл четыре года спустя. Однажды около полудня в дверь нашей квартиры раздался неожиданный звонок. Я никого не ждал, а дети должны были прийти из школы значительно позже. Озадаченный звонком, я открыл дверь. На пороге стояли оба сына, причем младший, первоклассник Алёша, – как-то в отдалении, скрываясь за старшим Максимом.

– Что случилось? – начал я с естественного в такой ситуации вопроса.

– Пап, Алёша сильно ушиб руку. Он не может писать, и учительница отпустила его домой. А мне разрешили его проводить, – объяснил ситуацию старший брат-пятиклассник.

Я сразу заподозрил здесь некоторое преувеличение опасности, связанное с возможностью для Максима (не очень большого любителя школьных занятий) пропустить урок-другой, но всё-таки искренне порадовался его явно неподдельному волнению, самому факту сопровождения пострадавшего брата в отчий дом и обратился к младшему сыну. Тем более что свою правую руку Алёша совсем не рисованно держал левой, как держат посторонний, неживой предмет. Она сильно распухла, и по первому взгляду понять, что с ней, было совершенно невозможно. Как всегда происходит в таких случаях, я перепугался, близко к сердцу принял страдания ребенка и был сильно раздосадован возможными перспективами его долгого лечения, пропуска занятий и тому подобным.

– Как это произошло? Только давай честно, ничего не скрывая...

Чтобы определить, идти ли к врачу на рентгеновский снимок или обходиться домашним лечением, надо было знать все подробности происшедшего.

– Я упал на перемене... Мы бегали по коридору, я поскользнулся – и рука попала между деревянными решётками стенки игровой комнаты, – сжав зубы и явно удерживая слёзы, лаконично объяснил Алёша.

– А как быстро ты бежал? Упал только на эту руку или другой успел за что-то схватиться, опереться? Не терял ли сознание и какие ощущения были в руке после падения?..

По его невразумительным объяснениям трудно было выяснить интересующие меня детали, и я обратился к самой руке. Хотя нажатия на неё и вызывали замирания, болезненные гримасы на лице ребёнка, но вскоре он уже мог шевелить отёкшими пальцами, а затем и чуть двигать самой распухшей и посиневшей кистью. Из чего я сделал радостный вывод, что перелома нет. Старшего отправил обратно в школу, а младшего – в ванную. Остужать руку холодной водой, чтобы уменьшить возможный отек и облегчить боль. Позже, всякий раз видя забинтованную руку сына и его безуспешные попытки писать ею, я не уставал возмущаться его поведением в школе, приведшим к таким последствиям:

– Ну как же можно так бегать на перемене, чтобы в результате падать чуть ли не до перелома рук? Что это за игры такие? Неужели не хватает занятий физкультурой?

На что Алексей только притуплял взор и ничего не возражал. А в один из таких моментов старший, Максим, не выдержав, видимо, повторяющегося отцовского занудства, вдруг вступился за брата:

– Ну не пили его так, папа. Знаешь, он ведь не сам упал. Его толкнули большие ребята...

Дело неожиданно принимало совершенно иной оборот, перечёркивающий и суть происшедшего, и мои претензии к сыну. Я осторожно начал выяснять подробности: где – только с младшим, где – со старшим, а когда – ненавязчиво включая в разговор их обоих. Вырисовывалась следующая картина.

На время перемен ребят из старших классов назначают дежурить на разных этажах – следить за порядком в школе. Несколько человек обязательно

находятся на этаже первоклашек. Уж не знаю, какие инструкции по этой важной общественной работе получают они от своих учителей, но порученное им дело исполняют весьма оригинально: ловят не в меру развеселившихся малышей и в качестве наказания за преступление заставляют их... приседать чуть ли не до упаду. Причём делают это, насколько я понял, не только назначенные дежурные, но и подключающиеся к ним желающие бесплатно поразвлечься. Если же пойманный с поличным первоклассник заупрямится, то его могут наградить подзатыльником, надрать уши или потаскать за волосы. Причём степень виновности или невинности, похоже, определялась самими наказывающими. Эдакие забытые уже у нас в стране «двойки» или «тройки», которые во времена репрессий прямо на месте выносили врагам народа смертные приговоры.

– Лёша отказался приседать, и его за это старший мальчик толкнул. Да так сильно, что он полетел на стенку. Ну а дальше ты всё знаешь, – закончил своё объяснение Максим.

Я мигом представил себе своего младшего сына, в общем-то довольно покладистого и послушного мальчика, но могущего в какие-то известные только ему моменты становиться упрямее гранитной скалы, – я представил его в этой унижительной ситуации, когда кто-то решил заставить его потехи ради сделать что-то ему неприятное. Представил этих старшекласников, начинающих садистов, испытывающих удовольствие от власти над слабыми, от унижения их. Представил, как трудно было моему Лёше стоять перед верзилой, требующим от младшего повиновения на потеху себе и окружающим, и принимать такое нелёгкое решение. Ведь он вроде бы что-то предосудительное совершил – ну, может быть, не в меру быстро пронёсся по коридору или даже бросил в товарища бумажкой или ластиком (хотя что это за проступок – нормальное детское поведение), – но за это ему должны сделать замечание либо в крайнем случае обратить на это внимание классной учительницы. А тут за такой пустяк на тебя наваливается некто, куда тебя сильнее, облечённый вдобавок какой-то властью, и требует совершить унижительные действия. Откажешься – неизвестно ещё какой неприятностью и физической болью это для тебя кончится. А согласишься – присядешь десять-двадцать раз – ну что, от тебя сильно убудет? Побежал спокойно дальше, и тебя какое-то время никто не будет трогать. Многие, как я выяснил, так и поступают. Но вот мой сын решил эту проблему иначе.

И я посмотрел на своего ребенка совсем другими глазами. Я заужавал его. Загордился им. И сказал ему:

– Молодец, сынок! Ты поступил правильно. Хотя я понимаю, что тебе было страшно не подчиниться и очень больно после, когда ты поплатился за свой отказ болью в ушибленной руке, но ты сделал очень верный выбор. Запомни эту историю – она тебе не раз ещё поможет в жизни...

А потом вдруг по нашей стране прокатилась целая волна страшных событий, происшедших одно за другим в доблестной советской (а потом и в российской) армии, – жестоких расстрелов молодыми солдатами своих товарищей по службе, в основном старослужащих. Причём не одного-двух, а целыми караулами, и всякий раз число жертв измерялось чуть ли не десятками. Похожее, конечно, случалось и раньше, но тогда такие ЧП тщательно скрывались и редко просачивались какие-либо подробности. И я сразу вспомнил происшедшее с моим ребёнком, не имеющее вроде бы никакого отношения к этим армейским кошмарам. И задумался, увидев в них нечто большее, чем просто вызывающий настороженность родителей поступок в детском саду или факт мужественного поведения моего мальчика в экстремальной для него обстановке в школе.

Чтобы хоть немного понять, что представляла из себя советско-российская армия, расскажу одну только печальную историю, случившуюся в начале 1996 года в одной из частей краснознамённого Тихоокеанского флота в Приморском крае.

Герой этого повествования прослужил в новой части только три дня. Именно столько времени отпустили старослужащие молодому пополнению, чтобы те смогли оглядеться на новом месте. «Отпустили» в том смысле, что в течение этого времени их никто не трогал. Этакая трогательная заботы о молодых ребятах – дескать, присматривайтесь пока, привыкайте. И десять новичков спокойно и много трудились без наслышанных до призыва издевательств со стороны дедов. Разгружали уголь, кололи дрова, работали на кухне. Однако старшие товарищи неустанно напоминали о том, что скоро «шара эта кончится» и молодые начнут по-настоящему «порхать».

Андрей выделялся среди новобранцев тонким, почти женским голосом и несколько заторможенной реакцией, в разговорах предпочитал молчать. Возможно, эта природная особенность оказалась для него трагической. В обычной жизни до этого никому не бывает дела, а вот в таких закрытых системах, как армейская или тюремная, где все проявляют друг к другу повышенный интерес, обладателей подобных качеств считают чужаками и они получают прозвища типа «мутный». То есть непонятный человек, готовый ко всему и способный на самые неожиданные поступки. На службе такой может оружие потерять, за борт свалиться, а то и вовсе покинуть пост или сбежать из части.

«Старики» своё слово сдержали и по истечении контрольных трёх суток начали с этого самого «мутного». Двое из них пришли в тот вечер из увольнения пьяные и начали проверку молодёжи: как те заучили свои клички, сроки службы и привычки всех дедов этого подразделения. Андрей со сна и из-за своей природной медлительности не смог ответить с ходу. За это ему сразу же попробовали «проломить фанеру» – несколько раз сильно врезали кулаком в грудь, норовя попасть в солнечное сплетение, чтобы вызвать особо сильную боль и муки. А «мутный» вдруг не стерпел и, полностью подтверждая свою кличку, схватил ремень – начал отмахиваться от наседающих «стариков». Причём весьма удачно зацепил одного, а сам занял глухую оборону в углу помещения. Неудачливые «экзаменаторы» – пьяные-пьяные, да смекнули, что к чему, – позвали на подмогу дружка посильнее. Но только тот тоже получил тяжёлой пряхой по виску.

– Ну ладно, «мутный». Сегодня можешь идти спать. Завтра с тобой разберёмся – с этими многообещающими заверениями подуставшие «старички» оставили парня в покое.

Утром вся часть тихо гудела. Молодым было обещано, что всем им «пришёл полный...». Весть о том, что молодой посмел поднять руку на «стариков»,

передавалась шёпотом от одного к другому. Не знаю, о чём думал мужественный парень, решившийся защитить себя и свою честь после отражения первых атак, – теперь об этом не узнать никогда. Быть может, так и не сомкнув глаз в ту ночь и прекрасно понимая за такой короткий трёхдневный срок службы, что слово своё «старика» сдержат, надеялся на помощь своих друзей по несчастью? Но утром он увидел, что те не только отступились от него, как от прокажённого, но и сами осуждали его за необдуманные действия, ставящие по угрозу мести дедов всех молодых ребят.

– Подожди, ответишь, – злобно цедили они сквозь зубы и с ухмылкой, сторонясь обречённого парня.

Андрей не пришёл на очередное построение, которое состоялось через три часа после подъёма. А вскоре его нашли в туалете, в петле. Откачать уже не смогли. И, наверное, навсегда останется загадкой то, как ушёл он, восемнадцати лет от роду, из этой прекрасной жизни. То ли был засунут в петлю озверевшими от его твердости и решительности «стариками» после всевозможных издевательств (вплоть до изнасилования), то ли сам накинул её себе на шею, не выдержав морального пресса и безысходности, навалившейся на него в одночасье...

Я не служил в армии – только проходил двухмесячные военные сборы вместе со своими однокурсниками по университету после завершения обучения на военной кафедре. Уверен, такие воинские игры – курорт по сравнению с тяготами настоящей армейской службы. Но никогда не забуду я тягостного ощущения подневольности, подчинённости тем людям, которых ты авторитетами никак не считаешь. И их торжествующую бездарную власть над тобой. Меня всегда это жутко задевало, и я не скрывал своих взглядов. Да и вообще, старался вести себя по возможности независимо, всячески подчёркивая эту независимость. Но не такова наша армия даже в студенческих воинских лагерях – жалкой карикатуре на настоящую. Это, видимо, содержится в воздухе, питающем её, входит в кровь тех, кто уже прикоснулся к этому страшному яду.

Вчерашний мой сокурсник и даже соратник по некоторым общественным факультетским делам, а в чуть более далёком прошлом – демобилизованный из рядов Советской армии сержант был назначен командиром нашего взвода. С первых же дней я ощутил его злобное отношение к моему свободолюбию и прямо-таки благоговейную любовь к установленным в армии дурацким порой порядкам и обычаям, которые он ревностно внедрял в жизнь нашего студенческого подразделения. Антагонизм наш доходил до такой степени, что я, случалось, терял контроль над собой, негодование буквально переполняло меня

и я готов был броситься на него с кулаками. Но я же оставался подчинённым, обязанным по уставу выполнять любые приказы командира?!

Относительное спокойствие и некоторый спад напряжённости я обрёл только тогда, когда после одной из учебных стрельб в кармане у меня завелись три боевых патрона от автомата Калашникова, который я чуть ли не ежедневно получал перед выходом на полевые занятия. Бездушный свинец, постоянно покоящийся в кармане моей гимнастерки, придавал неожиданные силы терпеть моральные тяготы и грел руку всякий раз, когда у меня возникала очередная напряжённая ситуация с командиром. Я не знаю, догадывался ли он об имевшейся у меня теперь защите или я сам чувствовал себя более уверенно, но до реального загона этих патронов в пустой обычно магазин моего оружия – для предполагаемой где-то в глубине сознательного-бессознательного отправки их по заранее намеченному адресу – даже близко не доходило.

Почему три, а не один или два? Не знаю. Так получилось, что припас я именно три патрона. Наверное, один – основной, для цели. Второй – контрольный, туда же. А третий... третий, видимо, для себя... Потом, по прошествии какого-то времени после тех сборов я вспоминал об этом со смехом, а порой – даже с

удивлением. Уверен, расскажи я потом о своих странных средствах моральной самообороны тому человеку (кстати, отношения наши со временем снова стали вполне приятельскими) – мы оба от души посмеялись бы над теми событиями и моим поведением. Но тогда... Тогда мне было не до смеха. Эта странная система самозащиты была построена вполне всерьёз и, случись что-то экстремальное, готова была сработать безотказно.

«Человек с ружьём» – человек с любимым оружием в руках психологически сильно отличается от себя же самого без оногo. Тем более когда речь идёт о каких-то критических для него, экстраординарных ситуациях. Потому что обладание орудием убийства – да ещё таким совершенным, как современное огнестрельное оружие, – в мгновение ока может превратить его из жалкого, не поставленного ни во что и угнетаемого существа во всемогущего судью и палача, вершителя жизней и судеб других людей. А на разделе этих крайних состояний всего-то – короткое движение одним пальцем! Но как многое должно произойти, перевернуться в мире этого человека, чтобы он на это почти незаметное движение решился! Как много он должен настрадаться! Потому что после такого поступка не только уходят его комплексы и рушатся страхи, но ломаются судьбы и кончаются жизни. Наступает вечность.

Происходящее в отдаленных гарнизонах, богом забытых погранзаставах очень походит на бред, на фильмы ужасов. Однако бред и ужасы эти, увы, нередко являются реальностью. Представим себе далёкий армейский гарнизон в Бурятии. В помещении клуба зимой – 30 градусов мороза, так что тут не до кино, не до концертов, а единственная общедоступная форма досуга – выпивка. Причём до такого состояния, что каждый месяц кого-то отвозят в психбольницу Улан-Удэ с белой горячкой. Интересно, что у каждого горячка эта разная. У одного вдруг из электрических розеток начинают лезть черти. Другого какая-то нечисть в степи «опутывает проволокой», и он в этой степи так и стоит «опутанный», раскинув руки и без движений. А к третьему после отъезда жены начал являться... белый медведь – так он, бедолага, не зверя пугался, а того, что его холодильник пустой и нечем кормить гостя! В голой степи, посреди которой 15 блочных пятиэтажек и недействующий клуб, народ тупеет и дуреет очень быстро. А выпивки – технического спирта, который постоянно остаётся у авиаторов после полётов, – хоть залейся. Когда нечем заняться, кроме этого традиционного русского времяпрепровождения, то обязательно возникнет что-то заполняющее эту нишу. Вот и в этом гарнизоне среди старших офицеров авиабазы возникло тайное общество экстрасенсов. Они на полном серьёзе начали входить в контакты с нематериальной субстанцией, духами, и активно с ними общаться. Одну вполне нормальную женщину объявили... ведьмой. Да так это разошлось, что, когда она пришла к одному полковнику устраиваться

кастеляншей в гостиницу, этот верзила под 130 килограммов весом с дикими воплями от неё убежал.

Она ему:

– Товарищ полковник, в чём дело?

А он, кстати активист этого самого общества, как завопит:

– Пошла прочь, ты – ведьма!..

Ещё два активных экстрасенса работали в штабе дивизии. Один уже законченный псих, со справкой. А другой – техник по самолётам пока ещё нормальный. Оба регулярно выходили на связь с духами. Не вовлечённое в тайное общество начальство сначала только посмеивалось над ними. Когда один из начальников зачем-то вызвал этого техника к себе, тот, войдя, прежде всего перекрестил все углы в его кабинете – изгонял нечисть. Опять посмеялись – каждый по-своему с ума сходит. А потом, когда безуспешно пытались «распутать» того, «опутанного» нечистью в степи и ради смеха позвали этого техника, он в два счёта его освободил. Попрыгал, пошаманил вокруг, и пострадавший человек спокойно пошёл домой.

Так что все смеялись над происходящим, мол, с ума сходите, только службу несите. Но вот как-то по вечеру в эту часть прибыл командир дивизии. С проверкой жилищных условий в казармах. Входит в них, а там всего 4 градуса тепла. Кругом – полный бардак. Забили тревогу и кинулись за командиром базы. Проходит полчаса – его нет. Хотя у него персональная машина, первым должен перед начальством предстать.

Обратились к коменданту:

– Где?

А тот отвечает, как ни в чём не бывало:

– Знаете, у вас в штабе служит капитан, техник. Они из одной компании. Позвоните – он должен знать.

Позвонили, вопрошают:

– Где?

Он спокойно и отвечает начальству:

– Там...

– Где это «там»?

– Да там, наверху. В иных духовных сферах. Вышел ненадолго в другое измерение.

Тут уже комдив взбесился:

– Значит так. Одна нога здесь, другая – там, в иных сферах. Скажи ему, что у него на базе тревога. Чтобы немедленно был здесь.

Только таким образом и смогли командира базы вернуть. Понятно, описанные заскоки – привилегия офицерского состава. Но можно тогда представить, что в таком случае творится в солдатской среде! Вот рассказ одного из отслуживших в подобном месте солдат об атмосфере службы.

«После учебки, где никакой дедовщины нет и в помине, потому что там всего один дед на 60 молодых, мы – это человек 50 москвичей и подмосковных ребят – попали в Забайкалье. На ту самую станцию Степь Читинской области, о которой нам говорили как о самом страшном месте на земле. Совсем иной пейзаж. Голые сопки. Адский холод (–30, а в Москве было 0). Снега почти нет. Ветер. В первые же дни начались обморожения носов, щёк, ушей. Нас разместили в четырёхэтажной казарме, где на последних этажах постоянно капало с потолка. Гнусная сырость – и это при таком морозе! Многие сразу впали в депрессию или в меланхолию. У одного паренька, вместе с которым я призывался из одного района, это быстро приняло очень резкие формы. Позже я узнал, что он дважды бежал – последний раз, когда его везли обратно из Читы в Степь, он на ходу спрыгнул с поезда, а после попал в психиатрическую больницу.

В первой стадии адаптации человек всё такое очень остро воспринимает. Да плюс ещё дедовщина, которая здесь процветает. Случались и попытки самоубийств: вскрытие вен, вешанья, отравления. Но это продолжается до какого-то предела, когда человеку становится всё происходящее с ним безразлично. Сначала он ищет какие-то пути выхода, а во второй стадии превращается в забитое животное. Тут может либо совсем скатиться на самое дно, либо показать зубы. И таких случаев тоже было немало. Когда в ответ на издевательства поднимали на дедов лопаты, ломы, пытались отравить. Кстати, начальство, как правило, поощряет такие способы защиты.

Если вскрывались случаи дедовщины – виновных тут же отправляли в дисбат. Были такие ребята, которые побывали там не раз и уже не боялись, так как знали, что там не пропадут. Что же касается стороны пострадавшей, то постоянный моральный прессинг мог привести к озверению человека. Тогда он начинает делать заточки в сапог, прятать лопату в каптёрке, патроны в кармане. Это такая форма психологической защиты. Ещё не последний шаг, но поддержание своего существования за счёт осознания того, что у тебя есть безотказный способ отомстить. И это прекрасно знают деды. И стараются всячески себя обезопасить. Вплоть до отбирания у молодых на погранзаставах патронов перед выходом на границу, – и те идут на дежурство с пустыми магазинами! Ведь солдат очень легко может убить своего напарника и при этом отмазаться. Это же относится к десантным войскам, где ничего не стоит сделать что-то смертельное с парашютом опостылевшего тебе человека. Нередко разводящие караулов и помощники начальников караулов идут на проверки постов с очень неприятными чувствами – у часового боевое оружие, он может и выстрелить. Караульный устав натурально кровью писан – каждая статья в него вводилась после какого-то инцидента, часто смертельного...»

Ей-богу, картинка не из доблестной армии огромной и великой страны, а из колонии строгого режима или концлагеря. Но это ещё цветочки. Ягодки начинаются, когда у измученного солдата наступает то, что в рассказе этом названо «озверением». Ранней весной 1991 года в одной из частей Забайкальского военного округа произошло кровавое ЧП. Командир одного из батальонов, поднятых рано утром по тревоге, сообщил своим подчинённым следующее:

– Сегодня в четыре часа утра в артиллерийском подразделении нашего полка был расстрелян караул. Убито девять человек и один тяжело ранен. Часть боеприпасов и оружие караула похищены. Оставшийся в живых караульный сообщил, что один из часовых, самовольно оставив пост, вошёл в караульное помещение и открыл огонь по находящейся там смене. После этого взял с собой оружие и боеприпасы караула и скрылся в неизвестном направлении. Перед батальоном стоит задача: выставить заставы на отведённом нам участке и в случае обнаружения сбежавшего принять все меры для его задержания. Если на предложение сдаться ответит отказом – уничтожить.

Из сухого доклада командира и простой задачи, поставленной им перед бойцами, вполне можно заключить, что речь идёт о каком-то матёром преступнике или в крайнем случае о психически ненормальном человеке. Ибо только законченный злоумышленник или сумасшедший способен решиться на такое: в наштигованном военными частями районе расстрелять целое

подразделение военнослужащих и похитить их оружие. Между тем совершивший это преступление молодой паренёк сам был родом из Иркутской области и никаких психических аномалий призывная медицинская комиссия, осматривавшая его всего несколько месяцев назад, не обнаружила. Да и всё происшедшее существенно отличалось от того, как изложил комбат.

Сергей Н. стоял ночью на посту у склада полка. Он уже отбарабанил положенные ему два часа дежурства, но никто его не сменил, как должно было произойти по уставу. Прошло ещё два часа – и снова караульная машина с положенным ему сменщиком проехала где-то вдали. От двадцатиградусного мороза у него окоченели ноги и руки, а от бессонной ночи сильно болели глаза, которые он то и дело тёр, чтобы не закрыть под наплывом сладкого дурмана, который накатывал, стоило ему лишь на несколько секунд перестать двигаться вдоль ограждения. В очередной раз караульная машина проехала по другим постам и, поменяв на них смену, возвратилась к караулке. Он остался на посту на четвёртую смену.

Позади были шесть часов на холоде, без горячего чая и без сна. По караульному уставу его могли в исключительных обстоятельствах оставить на вторую смену, но чтобы на третью, а потом и на четвёртую – это у Сергея в голове никак не укладывалось. Тем более что других-то исправно меняли. Потопав по инерции ещё минут двадцать и окончательно удостоверившись, что до него никому нет дела, в каком-то неземном состоянии – под стать окружающему его в свете яркой луны почти лунному ночному пейзажу – он робко двинулся в сторону караулки, манящей далёкими земными огнями и теплом. Главное – теплом! Проходя мимо зарослей невысокого кустарника, он вдруг услышал там шорох. Тут же механически, будто находится еще у своего объекта, снял с плеча автомат и снял оружие с предохранителя. Но звуков больше не последовало. Солдат побрёл дальше. Так, с оружием наперевес подошёл к караульному помещению и только здесь вернул автомат на плечо. С трудом найдя звонок и едва ощущая его пипку отмёрзшими пальцами, он позвонил несколько раз. Впустивший его караульный удивлённо спросил:

– Ты что пришёл? Что-то случилось?

– Да нет, – неуверенно ответил Сергей, – просто замёрз очень. Погреться... Я немного отогреюсь – и опять пойду...

Пока он наслаждался в коридоре навалившимся на него теплом, караульный, который впустил его, нырнул обратно в столовую.

– Молодой с поста пришёл, – слышался оттуда его удивлённый голос.

Из столовой тут же появились несколько человек во главе с ефрейтором Никитиным, который и был сменщиком Сергея.

– Молодой, ты какого х... здесь? – прозвучал его визгливый тенорок. – Ну-ка, давай на пост!

– Не пойду! – вдруг совершенно неожиданно для всех ответил парень, – вы давно должны были меня сменить. Я не нанимался подряд четыре смены...

– Что?! – взвился ефрейтор, – я тебе сейчас такую смену устрою, повесишься, скотина.

На шум из столовой высыпали остальные и живо начали обсуждать происшедшее: «Молодой совсем от рук отбился... Ушёл с поста... Видно, давно не воспитывали... Кто будет воспитывать первым?.. Ну, сейчас ты поучишься...»

Одуревший от гипнотизирующего тепла и ужаса всего происходящего, Сергей начал пятиться к двери. В его воспалённом мозгу всплыли картины недавних «воспитаний» в казарме, после которых долго болели скулы, почки, уши. Боясь отворачиваться от надвигающейся на него толпы, он упёрся спиной в дверь. Ах, если бы она была открыта! Но впустивший его солдат надёжно запер замок. Сергей ещё раз посильнее толкнул дверь левой лопаткой и, совершенно дурея от безысходности ситуации, сорвал с плеча автомат:

– Не подходите, убью!

Жаждавшая представления компания ответила смехом. Сергей краем зрения увидел занесённую над ним руку и неожиданно для самого себя нажал на спусковой крючок автомата. Предохранитель-то оружия он спустил незадолго до входа в караульное помещение, когда услышал в кустах настороживший его шорох, да так и не вернул его в начальное положение.

АКМ – «7,62-миллиметровый автомат Калашникова, модернизированный, является личным оружием... предназначен для уничтожения живой силы противника...» – такое страшное, совершенное оружие! При установке переключателя огня на автоматический режим он за одну секунду выпускает 10 пуль. Очень непросто в этом режиме сделать только 1–2 выстрела. А если ты ещё и замёрз, не чувствуешь своих рук. Да тебя колотит дрожь странного, болезненного возбуждения. В бетонном помещении при такой стрельбе пули начинают отскакивать от стен, находя себе новые и новые цели. За полторы секунды в мгновение оживший вдруг в руках солдата автомат выплюнул в

стоящую перед ним в коридоре толпу весь магазин. И всё было кончено. Сергей стоял, судорожно сжимая в руках оружие и не отпуская нажатый курок, как будто палец к нему приварился. А перед ним лежала гора недвижных людей. Первым – сменщик Сергея ефрейтор Никитин с расцветающим на груди тёмным пятном...

– Господи, что это? Как я мог такое сделать? Что теперь будет? Куда мне идти? – эти и другие, более бессвязные вопросы забились в его и без того закружившейся голове.

Неожиданно выплыла разумная мысль пойти к начальнику караула, комната которого была в конце коридора. Но тут его ждал очередной страшный сюрприз: когда Сергей открыл пробитую в двух местах пулями дверь этой комнаты, то первое, что увидел – это раскинувшегося в неестественной позе у своего стола лейтенанта. Не веря страшной догадке, подбежал он к лежащему офицеру. Начальник караула был мёртв, одна из Серегиных пуль пробила ему голову.

Дальнейшие действия совершившего эти убийства солдата напоминают находящегося в бреду человека, несущего какую-то ересь, но время от времени приходящего в сознание и произносящего несколько нормальных фраз, а затем снова погружающегося в страшный бред. Он мог пойти к начальству и честно во всём признаться. В конце-то концов, вся эта страшная бойня стала лишь трагическим следствием допущенного к нему нарушения воинского устава (я уже не говорю о способствовавшем ей фоне из многочисленных издевательств над молодым солдатом со стороны «стариков»), и его судили бы с учётом всех обстоятельств. Он мог просто убежать куда глаза глядят от жуткой картины содеянного, бросив оружие. Но он поступил иначе.

Выйдя из довольно продолжительного оцепенения, в котором ему никак не удавалось сосредоточиться и понять, что же такое с ним произошло, он вдруг начал действовать довольно активно. Взял из стола начальника караула связку ключей, открыл оружейный шкаф и забрал всё находящееся там оружие: 9 автоматов, цинковый ящик с примерно 15 тысячами патронов к ним и пистолет лейтенанта. Патроны он пересыпал в лежащий тут же пустой вещмешок и, аккуратно завязав его, закинул за спину. Пистолет засунул в карман шинели, а все автоматы поочередно надел на себя. По самым скромным подсчётам всё это военное хозяйство весило около сорока килограммов. В нормальном состоянии такой вес невозможно нести сколько-нибудь долго. Да и вообще, если человек думал использовать оружие в дальнейшем – достаточно было одного автомата и

побольше патронов к нему. Но он методично собрал всё оружие, какое было в караулке, и, осторожно перешагивая через трупы, покинул её.

Через несколько минут один оставшийся в живых, тяжело раненный сержант, истекая кровью, подполз к телефону и сообщил о случившемся в часть. Солдаты начали поднимать по тревоге.

Загруженный оружием и задавленный безумными мыслями, Сергей чуть ли не бегом преодолел с километр и только тогда понял, что со всем арсеналом долго не пройдёт. В общем-то, он и не знал, сколько ему идти и куда идти, но всё оружие уже нести не мог. Потому он выбросил в глубокий овраг вещмешок с патронами все автоматы, кроме одного. Себе оставил ещё пистолет. К середине так страшно начавшегося дня идущий в одном направлении Сергей перевалил через невысокий хребет и начал спускаться в долину. В этот момент он услышал вертолёт и понял, что его начали искать. Он тут же вспомнил всё происшедшее утром и в ужасе заметался в поисках какого-нибудь укрытия. В итоге затих под ветками развесистой сосны. Вертолёт улетел, и Сергей продолжил свой бесцельный путь.

Позже, когда всё было кончено, попытались оценить его шансы на настоящий побег. И, прикинув по карте, решили, что они были. Во-первых, у него имелись патроны и оружие – используя их в качестве средства охоты или мены среди местного, далеко не праведного населения, он мог не умереть с голоду и получить какую-то помощь, деньги. Во-вторых, от этих мест было около 150 километров до Транссибирской магистрали, а там – всего 80 километров до Иркутска. Правда, для этого ему надо было сначала перевалить через два хребта высотой около двух тысяч метров. В общем, некоторые шансы были. Но для их реализации нужно было прежде всего поставить перед собой конкретную цель, разработать её в деталях, а главное – быть в ясном сознании. А у обезумевшего беглеца прояснения чередовались с глухими состояниями психического ступора. В нём он забрал всё оружие из караулки, а в сознании выбросил его в закрытое место. В ступоре начал бессмысленно петлять по долине, в сознании – достал где-то тёплый полушубок. Возможно, выменял на оставшийся у него автомат у местных, среди которых немало бывших зэков и которые ценят оружие. Автомат, кстати, потом так и не нашли. Короче, Сергей постоянно находился в состоянии аффекта и совершал абсолютно бессмысленные поступки, но, как только возникала проблема биологического выживания, он принимал верное решение. Помутившийся человеческий рассудок соседствовал с животным инстинктом на равных – они по очереди руководили совершившим жуткое преступление восемнадцатилетним пареньком.

К концу дня его засекли-таки с вертолѐта и погнали, как бешеного зверя, наведя на него всех поднятых по тревоге людей, технику. Он бежал вдоль берега реки, а за ним – бронетранспортѐры, вертолѐт. В конце концов прижатый к реке, он спрятался между бетонными опорами моста, как хоронятся в первом попавшемся укрытии загнанные волки. Уйти отсюда он уже никуда не мог, так как кольцо окружения к этому времени сомкнулось. Беглец оказался в патовой ситуации. Его пытались вызвать из-за бетонных опор через мегафон – предлагали сдаться, убеждали, что это его последний шанс. Но у него опять начался ступор, и он оказался глух к призывам. Тут уже и биологический инстинкт сохранения жизни оказался бессилён, поскольку вступил в конфликт с социальным потрясением и, возможно, ощущением сверхъестественной вины, чудовищной ответственности за содеянное. А когда – непонятно зачем – по бетонным опорам ударили из крупнокалиберного бэ-тэ-эровского пулемѐта и они вместе с металлическим мостом загудели, как тяжѐлые церковные колокола, с Сергеем приключилась последняя истерика. Он выхватил пистолет и выстрелил себе точно в сердце. На пути пули оказался спичечный коробок, и выпавшие из него окровавленные спички нелепым веером окружили неловко упавшее на светлый лёд тело восемнадцатилетнего паренька. Он успел прослужить всего полгода.

Подобных отчаянных кровавых расправ несчастных жертв со своими обидчиками, думаю, можно насчитать по России десятки. Только на Дальнем Востоке в течение одного лишь 1995 года их случилось три (две – на погранзаставах на Южных Курилах, одна – в армейской части под Владивостоком). Во всех таких случаях, как правило, одна суть и один сценарий. Отличия – в орудиях убийства и количестве жертв. Нет нужды что-то дополнительно говорить о мотивах, заставивших молодых ребят решиться на такой страшный шаг, – трудно их не видеть и не понимать, хотя армейское руководство всякий раз тупо заявляет, что неуставные взаимоотношения тут ни при чём, а причины кроются в психических сдвигах у молодых солдат. Меня интересует мышление тех недалеких военнослужащих, так называемых дедов, которые позволяют себе бесконечные издевательства над молодыми солдатами, оскорбления и унижения их человеческого достоинства. Нет, не причины или цели их садизма, порой перехлёстывающие все понятия о человеческом существе. Меня интересует другое. Почему они не боятся расправы? Ведь прекрасно знают, что рано или поздно их жертва получит в руки оружие! Знают – не могут не знать – о происшедших уже ЧП и количестве жертв! Но и это их не останавливает. Почему? Быть может, дело тут в садистском упоении своим превосходством над другими, патологическом наслаждении от чужих мучений? Или просто мозг у большинства людей – как правило, недалѐких людей – устроен так, что он вытесняет неприятное. Такой человек не в состоянии

поставить себя на место другого, не хочет верить, что с ним может произойти подобное. Экая наивность!

Рассказанные выше две истории с моим маленьким сыном имеют прямое отношение к главной теме этой главы. Потому что в первом случае в зародыше детских отношений я увидел формирование того, что впоследствии могло бы сделать его мишенью. А во втором (издевательства старшекласников) – незаконным судьёй с оружием в руках. Ни то, ни другое меня не устраивало.

Понятно, детский сад или школа принципиально отличаются от армейской действительности, поскольку во всех, даже самых острых конфликтах они остаются открытыми системами. Всегда возможен уход от сгущающихся обстоятельств и разрядка их где-то на стороне, вмешательство родителей, в конце концов. Но то, что именно в подобных событиях следует искать корни многих будущих трагедий, я не сомневаюсь ни секунды. И потому я столь решительно пресёк какое бы то ни было возвышение в детской среде своего сына в садике. А узнав о безобидном и обычном на первый взгляд происшествии в школе и похвалив сына за твёрдость и мужество, в этот же день пошёл в школу и потребовал от учителей вмешаться в происходящее. Кажется, мои тревоги там поняли правильно и предприняли кое-какие меры. Во всяком случае, ничего подобного больше не происходило. В школе.

Но в то же время я с ужасом думал, к чему могут привести в нашей чудовищной армии – окажись он там – столь рано проявившиеся в моем сыне чувство собственного достоинства и готовность терпеть боль ради защиты своей чести. Только ли для него? Ибо тем человек разумный и отличается от животного, что эти его качества, обретенные как бесценное достижение в развитии свободной личности, могут в определенных условиях оказаться сильнее любой угрозы, в том числе и угрозы жизни. А уж чьей – своей или чужой – это уж как там лягут карты обстоятельств и судьбы. И тут человек вряд ли изменится. Да и не должен. Меняться необходимо обществу, изначально построенному на рабской психологии и подавлении всякой индивидуальности, особенно в таких институтах, как армия. Как хочется верить, что когда-то такое будет в нашей стране!

Глава 5. Не страшно потерять что-то – страшно потерять всё!

Летняя привокзальная площадь гудела криками многочисленных торговцев, рёвом автомобилей проходящей недалеко городской магистрали, шарканьем сотен ног о тротуар. На самом бойком её месте примостился худощавый смуглый человек неопределённого возраста и национальности, у ног которого лежала широкая пластмассовая пластинка с тремя тёмными чашками на ней.

Присев на корточки, он ловко, как жонглёр, передвигал эти предметы по её поверхности, время от времени поднимая один из них, – оттуда вываливался мягкий шарик и тут же исчезал под другой чашкой, и они снова начинали свой быстрый танец во власти умелых рук. При этом он то и дело выкрикивал, как заклинание:

*– Подходи, не зевай —
Своё счастье поднимай.
Догадайся, где мой мяч,
Пять секунд – и ты богач!*

Напёрсточник. Время от времени представители этого неувыдающего племени мошенников появляются то там, то здесь. Срывают деньги с доверчивых людей и быстро исчезают. Сколько раз наблюдал я их несложную работу, но ни разу не видел, чтобы милиция вмешивалась в этот наглый обман, граничащий с настоящим бандитизмом. До электрички у меня было полчаса, и я решил понаблюдать, как будут развиваться события в этом уличном казино. Хоть и работал парень руками очень сноровисто, угадать под какой из чашек оказывается заветный мячик, было не очень сложно. Вернее, работал он именно так, чтобы любой обративший внимание на его манипуляции убедился бы, что он угадает наверняка. Во всяком случае, из шести моих сторонних попыток все шесть увенчались успехом. Но я прекрасно знал эту безжалостную систему выколачивания денег и потому даже близко к «игровому столу» не подходил.

Был напёрсточник не один. За несколько завлекательных сеансов, в течение которых пара сотен тысяч рублей быстро переходила из одних рук в другие, я отметил по меньшей мере четверых постоянных его партнёров. Всякий раз они появлялись вроде бы очень внезапно и несколько наигранно «заходились» лёгкой наживой. А потом, легко угадывая местонахождение шарика, демонстративно радостно забирали деньги у напёрсточника и либо продолжали игру, либо уходили, полные своим «счастьем». Впрочем, это человеку, хорошо знающему всю технологию обмана и спокойно наблюдающему за процессом со стороны, всё до конца понятно. А если кто-то, не подозревающий об умело расставленных сетях, да никогда не имевший дела с подобными махинациями, вдруг заведётся возможностью быстрой и лёгкой наживы – пиши пропало. Во власти денег, сначала наполнивших его карман, а затем как-то вдруг начинающих его покидать, но непременно с ясно осознаваемой перспективой быстро их отыграть, он очень скоро теряет чувство меры, бдительность. А затем – и все свои деньги.

И вот одна неплохо одетая женщина, явно не сильно спешащая провинциалка, обратила внимание на происходящее и подошла чуть ближе, чем это делают просто любопытные прохожие. Нельзя было не заметить её естественного любопытства и явного интереса. Мгновенно вся система пришла в скрытое целенаправленное движение. В течение минуты перед ней разыграли маленький спектакль, который превратил её сначала в активного зрителя, а потом – и в участника действия. Дальше всё было делом техники. Ей дали выиграть тысяч сорок, но она тут же их и проиграла. Затем снова выиграла, но уже побольше. И снова проиграла.

Надо было видеть этого человека, охватываемого азартом игры и шелестом всё более возрастающих сумм, проходящих через начавшие дрожать от близкого большого куша его руки! Ставки росли. В конце концов после очередного очень крупного выигрыша она осталась без копейки, но ей тут же предложили поставить против всех ею проигранных денег золотой перстень с её правой руки. Его присутствие с самого начала отметил и я. Причём сделано это было уже после очередного, очень бесхитростного замеса чашек, на которые женщина смотрела, не отрываясь, и определённо точно знала, под которой из них лежит злосчастный шарик.

– Я, я знаю, где шар! – вдруг завопил стоящий рядом с ней парень, который подошёл всего несколько минут назад и до этого момента наблюдал за происходящим совершенно безучастно. – Ставлю золотую цепочку против всего кона!

С этими словами он ринулся к чашкам, расталкивая собравшуюся вокруг довольно приличную толпу и срывая с шеи свою драгоценность. Но напёрсточник мягко отстранил его, восстанавливая справедливость:

– Нет! Первое право имеет тот, кто играет. Вот если она откажется...

Размахивающий золотой цепью его напарник, обернулся к женщине:

– Ну пожалуйста... я точно знаю, где он. Дайте сыграть мне. Или играйте, или...

Тут уж женщина решилась. Тем более что парень этот, пытавшийся оттеснить её от выигрыша, потянул руку именно к той чашке, на которую неотрывно смотрела и она. К той, где, женщина точно видела, лежал шарик.

– Играю! Я играю! – истошно закричала она.

– Тогда кольцо на кон – туда, где лежат все деньги.

В это время лишённый игры парень с уже снятой цепью в кулаке начал причитать и заламывать руки. Это заставило женщину поспешно снять перстень, положить его на кон. Она протянула руку к заветной чашке. Тут же все стоящие вокруг люди, но в первую очередь подыгрывавшие напёрсточнику компаньоны разом шагнули к игровому столу, загородив от меня последующую сцену. Но её можно было уже не смотреть. Мышеловка с бесплатным сыром захлопнулась до того, как несчастная жертва подняла чашку, под которой шарика, естественно, не было. А может, и был, но выиграть женщина уже никак не могла.

Все сразу закричали, замахали руками, запрыгали вокруг игровой площадки:

– Я же говорил, что не под этим стаканом, я же говорил!.. Вот это нарвалась...
Всё честно, всё честно!

Только тут до несчастной жертвы начал доходить смысл происшедшего с ней и пробиваться запоздавшая мысль, что здесь что-то не так. Она дёрнулась было опротестовать результат игры, но денег и дорогого кольца не было и в помине, а в возникшей суеде нельзя уже было понять, у кого же они находятся. Она сначала жалко, а потом всё настойчивее начала уговаривать напёрсточника вернуть ей хотя бы кольцо, но тот отмахнулся от неё, как от назойливой мухи. Тогда, теряя самообладание, она перешла на истеричный крик:

– Сволочи, обманули! Отдайте! – попыталась схватить парня за руку, но тот сначала ловко увернулся от женщины, а потом и вовсе оттолкнул наседавшую провинциалку.

Вся в слезах, неестественно размахивая руками и что-то постоянно выкрикивая, бросилась она искать милицию. Куда там! В мгновение ока вся бригада напёрсточников исчезла, как сквозь землю провалилась. И долго ещё на привокзальной площади слышались заунывные причитания, и, не в силах покинуть роковое место, металась несчастная обманутая женщина, ещё каких-то четверть часа назад дрожащая от предвкушения близкого и лёгкого обогащения.

Не знаю, научило ли это хоть чему-то женщину – кажется, потеряла она немало, и потеря должна была заставить её сделать определённые выводы, – а узнать это было бы весьма интересно. Увы, в неостановимой и беспорядочной круговерти жизни нашей отдельные эпизоды чужих судеб мелькают пред тобой подобно жёлтому осеннему листу, уносимому в загадочное небытие холодным ветром, – лишь за короткое мгновение, когда случайно окажется он на твоей ладони или на лобовом стекле автомобиля, отметишь его увядающий цвет да замысловато ломаную линию края, – и тоже исчезают с глаз, как правило, навсегда. А жаль –

так хочется иногда проследить хотя бы за некоторыми узелками иных судеб, коснувшихся тебя тем или иным образом! И потому исследователю, взявшемуся за такой непредсказуемый предмет, как человеческая жизнь, ничего не остаётся, кроме домысливания уплывающего от него. Конечно, в этом случае рискуешь ошибиться в предвидении одной конкретной судьбы, но зато выстраивается прелюбопытнейшая общая картина.

Я заметил его сразу – этого молодого человека, кого-то или чего-то ожидающего в просторном зале нового морвокзала Владивостока, совсем недавно построенного итальянцами. Меня привлекло то, как наблюдал он за

редкой сценой, разыгравшейся у обменного валютного пункта одного из местных банков, расположившегося прямо в зале для пассажиров.

Был субботний день, и денежное заведение это работало довольно бойко, что легко объяснялось нахождением морвокзала в самом центре города и повсеместно закрытыми государственными и коммерческими банками. Сами знаете, именно в субботу у работающих всю неделю людей появляется необходимость и время что-то купить – деньги же большинство в нашей стране держит в валюте, а при покупке на территории страны нужны рубли. Так что обменная точка, несмотря на довольно низкий покупной курс, объясняемый именно выходным днём, работала весьма бойко. Один за другим к её окошечку подходили люди с долларами в руках и через несколько минут уходили, сменив их на российские рубли. Время от времени образовывалась даже очередь из желающих обменять валюту.

В этот момент их обступали столь же интенсивно работающие у этой точки так называемые «валютчики», которые предлагали тут же, без очереди и порой по более высокому, чем в обменном пункте, курсу продать стоящим в очереди у окошечка свою валюту. Насчитал я их человек пять-шесть, и было непонятно, как умудряются они при такой высокой конкуренции соблюдать порядок и чёткую организованность в своих действиях. Ни разу не видел, чтобы возникли какие-то проблемы с борьбой того или иного менялы за очередного клиента – всегда с одним клиентом работал один из них, и создавалось впечатление, что каждый знает свою очередь в этом процессе. Кое-кто из пришедших к обменному пункту людей соглашался на предложения со стороны, и в течение пары минут производилась взаимовыгодная операция. Мне нередко приходилось менять доллары на рубли и иногда пользоваться услугами левых менял. Должен сказать, что, несмотря на весьма порой подозрительный вид, работают они честно, во всяком случае, фальшивые деньги не подсовывают – ну, могут воспользоваться ошибкой самого клиента в подсчётах, не более.

Вдруг у окошечка возникло какое-то нестандартное движение, и в следующую секунду одного из только что предлагавших свои услуги очередному клиенту менял схватили под руки трое других и поволокли куда-то за угол. Возникла короткая потасовка, во время которой схваченный получил удар по физиономии, после чего ногой отбил одного из схвативших его и, резко дернувшись, освободился от рук остальных. Он бросился бежать, но эти двое успели мертвой хваткой вцепиться в его небольшую сумку, и только ценой потери этой сумки побег удался. А за ним никто и не бросился. Коротко и деловито обсудив что-то в узком кругу, менялы, участвовавшие в этой странной сцене, поправили растрёпанную одежду и вновь принялись за свою работу.

Немногочисленная публика, находившаяся в этот момент в зале ожидания, в общем-то, весьма равнодушно отнеслась к случившемуся. Некоторые будто и не заметили ничего. В лучшем случае смотрели на схватку, открыв рот и в тревоге озираясь по сторонам. Но вот парень, наблюдавший эпизод вместе со мной, среагировал совершенно особым образом. Он и до схватки не отводил взора от толпившегося у обменного окошечка народа, а тут как-то подобрался, в тёмных глазах его заиграл неведомый мне по такому поводу азарт. Крепко вцепившись руками в поручень пластмассового кресла, он чуть приподнялся в нём, и казалось, сам вот-вот бросится к дерущимся. Правда, непонятно, на чьей стороне. А когда всё закончилось, расслабленно откинулся в кресле, будто только что пробежал спринтерскую дистанцию. Даже глаза закрыл.

Сильно заинтересовала меня такая неожиданная реакция. Медленно пройдя между рядами кресел, я подошел к нему и, ничем не выдавая своего интереса, опустил по соседству.

– Не поделили что-то валютчики, – осторожно начал втягивать парня в разговор, когда он открыл глаза и нормально уселся в кресле, – будь здоров отвесили товарищу. За какие такие грехи, интересно?

Он изучающе посмотрел на меня, затем мрачно усмехнулся и сказал, как отрезал:

– За дело получил. И ещё легко отделался...

– Но за что же – ведь несколько минут до этого они как ни в чём ни бывало бок о бок делали общее дело? А тут такая резкая смена событий!

– Вы не правы. Невнимательно наблюдали за всем действием. И скорее всего не знаете скрытой кухни этого дела. Просто посторонний, пожелавший легко заработать на разнице курсов, вторгся на занятую уже территорию.

– Это что же, вроде детей лейтенанта Шмидта?

– Ну, дети лейтенанта – детский сад по сравнению с тем, что делается и какие страсти кипят на чёрном валютном фронте, – многозначительно и загадочно заявил мой собеседник, разом дав мне понять, что знает и нетленное произведение Ильфа с Петровым, и такую особую сферу бизнеса, как левый обмен валюты.

– Интересно, интересно... – я максимально нейтрально выразил своё любопытство, прекрасно понимая, что мой случайный собеседник вряд ли

обрадуется живому интересу первого встречного к сему предмету и скорее всего сразу отмахнётся от меня.

Но он неожиданно с готовностью откликнулся на мой интерес и с редкой откровенностью поведал:

– Я, знаете ли, когда-то прошёл очень близко от этого мира, неплохо зарабатывал на валюте, но в итоге потерял едва ли не больше, чем заработал. И, к счастью, вовремя остановился. Хотя, это как сказать... Не я сам остановился, а заставили бросить это гнусное дело чрезвычайные обстоятельства, виновником которых стал я сам.

Человек, с которым у меня была назначена встреча, не появлялся уже минут двадцать, не было никакой надежды, что он придёт, и я решил выслушать этого парня. Под продолжающийся хоровод валютных менял в двадцати метрах от нас начал он свой необычный рассказ.

«Если вы думаете, что это случайные ребята пришли сюда сорвать небольшой куш на субботней большой разнице между покупкой и продажей валюты, то сильно ошибаетесь. Это давно работающая здесь, хорошо организованная группа. Они имеют своего шефа, крышу и регулярные приличные заработки, с которых отстёгивается и этому самому шефу, и крыше, и даже изредка появляющейся здесь милиции. У каждого из них в кармане тысячи по полторы долларов и миллионов по пять рублей. Не так уж много, конечно, но постоянная купля-продажа «зелёных» приходящим сюда людям даёт к вечеру навар под полмиллиона на каждого. Разве плохо?»

Неплохо, конечно. Вот и я так же подумал года четыре назад, в девяносто втором, когда сами знаете, что в стране творилось – всё только-только начинало разваливаться и люди в ужасе от надвигающейся безработицы и пустоты в магазинах бросались кто куда. У меня было несколько сотен долларов на чёрный день, и как-то раз, придя к этому только-только открывшемуся обменному пункту, чтобы превратить их в рубли для жизни на пару месяцев, я продал их. Но не в кассу, а с рук. Некая женщина, сильно спешившая и не желающая стоять в очереди, уговорила меня. И нужно ей было купить именно сотню долларов, которые я пришёл обменять. Я видел, что какие-то ребята тоже продают и покупают здесь валюту, и пошёл на её предложение исключительно из спортивного интереса, назвав ей не сумму покупки банком, а сумму продажи. В то время это была довольно ощутимая разница – достигающая, кажется, трёхсот и даже пятисот пунктов, и я хорошо помню, как сердце моё вдруг сильно-сильно забилося. Наверное, в предвкушении хорошей выгоды.

– Давай, давай, – на удивление быстро согласилась торопящаяся женщина, – а деньги у тебя не того, не фальшивые?

Мне даже как-то нехорошо стало от такого вопроса, и я парировал его естественной фразой, которая её успокоила:

– Ну конечно, пошёл бы я в банк с ненастоящими!

Опять же ради какого-то некоммерческого интереса (во всяком случае, у меня тогда и в мыслях не было всерьёз зарабатывать на этом деньги) я обратился к одному из подошедших к окошку мужчин:

– Вы не доллары хотите продать?

– Да, а в чём дело?

– Давайте я у вас куплю...

В это время на окошечке обменного пункта появилась записка о 20-минутном техническом перерыве.

– И почём берешь? – спросил мой второй в жизни клиент.

– Так же, как и в банке, – невозмутимо ответил я и показал на банковский курс, но уже покупки.

Мужик посопел, повертелся и... продал мне свои сто долларов. Так в течение каких-то десяти минут я стоял с теми же 100 долларами в руке, но в кармане у меня образовалась энная сумма дополнительных рублей, сделанная на разнице курсов. Как человек, только-только совершивший преступление, огляделся я вокруг. Мне казалось, что все должны обратить внимание на такие незаконные мои действия (ведь статьи-то 88 в уголовном кодексе о запрещении операций с валютой частным лицам никто пока не отменял), а уж милиция наверняка уже приближается ко мне с наручниками. Однако всё вокруг было точно таким же, как и эти десять минут назад. Я быстро продал кому-то свою сотню и заспешил домой.

– Вот это дела, – вертелось у меня в голове, – всего-то сто долларов, десять минут работы – и в кармане мой дневной заработок в опостылевшем институте (я по образованию электронщик, специалист по персональным компьютерам и за восемь лет работы в институте дослужился до старшего инженера)! А если взять пять сотен и поработать у этого окошечка несколько часов – это сколько

же может получиться?! Тем более что народ идёт натурально валом – кто покупает, а кто продаёт...

На следующий день я опять пришёл сюда, но со всеми своими долларами. А потом ещё, и ещё. И ещё. Я не могу сказать, что постоянно находился здесь и стал профессиональным валютчиком, нет. Тем более что и на работе моей основной надо было появляться и что-то ещё делать. Но время от времени (не могу даже точно сказать, по причине ли опустения кошелька или из чисто спортивного интереса) я приходил сюда и занимался куплей-продажей валюты. Тогда ещё не было хорошо организованной системы чёрного валютного рынка, какую можно видеть сейчас. Она складывалась, можно сказать, на моих глазах. Один за другим появлялись и исчезали какие-то ребята, действующие сами по себе и ни перед кем не отчитывающиеся. Однако постепенно из наиболее постоянных начинали складываться какие-то стабильные группы, в них определялись лидеры, которые впоследствии становились уже хозяевами валютного бизнеса. Я видел это не только на примере этой, «морвокзальной» точки, но и во многих других подобных местах, куда порой забрасывало меня новое, довольно прибыльное ремесло.

Рассматриваемое мною поначалу как нечто развлекательное, эпизодическое и недостойное интеллигентного человека, оно незаметно, исподволь начало определять мои мысли, время и даже влиять на мою жизнь. Я стал неплохим психологом и с ходу определял потенциального клиента – такого, кто подходит к обменному пункту не поинтересоваться курсом валюты, а непременно продать или купить её. Кто не будет задавать лишних вопросов и торговаться из-за нескольких пунктов в стоимости валюты, – дабы не тратить лишнего времени на разговоры, а делать только деньги. Знал дни и часы, когда у того или иного обменного пункта была наиболее выгодная работа. Я приходил домой, вываливал на стол рубли и доллары и считал, считал, сколько же заработал в очередной раз. Бывало, я вдруг спохватывался и ясно осознавал, что качусь, качусь в какую-то отвратительную яму. Заработанные на купле-продаже валюты лёгкие деньги начинали угнетать меня, жечь руки. Я давал себе твёрдое слово больше этим не заниматься. А лучше, говорил я сам себе, всерьёз поискать новую работу. Но всё кругом летело в тартарары, деньги, получаемые в кассе института, обесценивались быстрее их получения, а курсы валют столь же стремительно росли. И я снова шёл в это притягательное людное место и снова хорошо зарабатывал.

Жена ничего не знала о моём необычном бизнесе. Я и раньше подрабатывал на стороне, принося домой дополнительные деньги, а сейчас просто говорил ей, что время от времени хожу в некоторые конторы, где занимаюсь по договору

наладкой и починкой электронного оборудования, за что и получаю наличные, иногда в валюте. Естественно, приличную часть заработанного я оставлял у себя, но и того, что отдавал жене, вполне хватало, чтобы нашей семье из трёх человек нормально жить в то ненормальное время.

Прекрасно понимая, что эта трясина может затянуть очень глубоко, я старался как можно дальше от своего внутреннего мира держать эту непривычную для людей моего круга работу. Поэтому вне нахождения у обменного пункта продолжал вести жизнь, максимально схожую с той, что была у меня заведена. То есть встречался с друзьями, читал интересные книги, даже посещал театры и концерты. Жизнь моя, казалось мне, в соответствии со временем разделена на две сильно удалённые друг от друга части: нормальная жизнь образованного человека, которая была у всех на виду, и тайная, связанная с зарабатыванием денег, – её я держал как бы глубоко за пазухой, и конечно, если бы кто-то из моих знакомых, вдруг узнал о ней, то мне было бы ужасно стыдно. Было мне стыдно и перед самим собой, хотя никакого криминала я не совершал – никого не обманывал и не грабил, – но всё же было что-то для меня унижительное в этой скупке-продаже иностранных денег. И когда уверенно подходил я к очередному клиенту, небрежно бросая ему «Вы случайно не продаёте доллары?», то презирал себя жутко. Жутко! Но ещё более страшно мне было от того, что кто-то из знакомых мог увидеть меня за таким делом. К счастью, люди моего круга в то время продажей или покупкой долларов не занимались.

В общем, всё это хоть и давало хорошие деньги, но было унижительно, неприятно, и я искренне надеялся, что валютные дела отпадут для меня сами собой с установлением в стране нормальных экономических отношений. Когда

на каждом углу будут меняльные конторы и разница в курсах продажи и покупки валют столь же небольшая, как во всём цивилизованном мире, – тогда будет просто смешно терять время ради копеек. Однако шли месяцы и даже годы, а времена эти в нашей удивительной стране всё не наступали. Моё прощание с унижительным занятием откладывалось, пока не произошёл случай, заставивший меня почти полностью оставить валютный бизнес. Я уже говорил, что постепенно вокруг каждого обменного пункта сложилась своя, хорошо организованная структура левых менял, многих из которых я хорошо знал, со многими из них даже здоровался, появляясь в очередной раз на рабочем месте. Мы перекидывались парой-тройкой дежурных фраз и... делали каждый своё дело, не трогая друг друга. Я полагал, что между всеми нами существует этакое естественно сложившееся братство, основанное на чёрной торговле валютой. Но очередной выход на заработки развеял эти иллюзии.

Я уже успел пропустить сотни три долларов, как ко мне подошёл один из постоянно работающих на морском вокзале менял, которого я хорошо знал, и, отведя в сторонку, спросил:

– Слушай, ты тут довольно часто появляешься, продаёшь валюту... Так вот ребята интересуются, а ты деньги платишь? Я что-то не в курсе...

– Какие деньги? Кому? За что? – искренне удивился я, в общем-то начиная догадываться, куда всё идет.

– Известно какие. За работу здесь, на вокзале. Игорьку... Разве ты не платишь?

– Да нет... – растерянно промямлил я. – Я тут от случая к случаю...

– А если не платишь, то вали отсюда. Ещё раз тебя тут заметим – останешься без денег! – уже более сурово и угрожающе закончил мой собеседник.

Мне ничего не оставалось делать, как пренебрежительно улыбнуться и с независимым видом покинуть проигранное поле битвы.

– Ну вот, – грустно, но в то же время с явным облегчением думал я по дороге домой, – случилось неизбежное. Закончился период хаоса и бардака, и в этом денежном деле наведён наконец порядок. Правда, не государством, а самой жизнью. И передо мной встаёт естественный выбор: или легализовать свой бизнес, платя регулярно этому самому Игорьку некоторую сумму, но тогда надо полностью погрузиться в это дело, чтобы заработок был стабильным и эта самая сумма оказалась не слишком обременительной для меня. Или – покончить с валютным бизнесом навсегда.

Первое было совершенно неприемлемым, а второе оказалось не таким простым, как я думал поначалу. Обнаружилось, незаметно-незаметно я привык к этому постоянному, сильно выручающему меня и мою семью лёгкому заработку. И, как выяснилось, совсем неплохому заработку. Когда подсчитал свой доход за прошедший год, то «валютных» денег оказалось более двух тысяч долларов. Они составляли две трети всего заработанного мною за это время. Надо было срочно находить какую-то альтернативу. Но, оглядевшись внимательно, я обнаружил, что нормальную денежную работу по моей специальности найти не так-то легко. Электронщиков было довольно много, а повального интереса населения к персональным компьютерам в нашем городе ещё не наступило. Да и денег у людей на такие недешёвые вещи просто не хватало. Так, только отдельные конторы обзаводились новой техникой, но и желающих работать у них было более чем достаточно. В моём НИИ... ну, тут без слёз говорить нельзя.

В общем, пришлось мне изобрести нечто третье. Я продолжил валютные операции, но теперь совершал их набегами, в различных местах, случалось даже и в государственном банке. Воровато оглядываясь – как бы не налететь на милицию или на «работающую» здесь свою валютную группировку, – я быстренько «снял» одного-двух клиентов и, только-только заведя какого-нибудь менялу, быстренько ретировался. Шёл к другому обменному пункту и там проделывал то же самое. Случалось, уже у обменного окошечка я наткнулся на целую группу менял – приходилось делать морду кирпичом, прикидываясь интересующимся курсом валют клиентом и тут же уходить. Кончилось тем, что во время одной из выгодных сделок меня засекли работающие там ребята и отняли более ста долларов, а в другой раз дело едва не завершилось мордобитием.

Я проклинал всё на свете – и неожиданно-негаданно свалившуюся на страну перестройку, и пышно расцветший в ней валютный рынок, и что когда-то я, поддавшись минутной слабости, увлёкся этим презренным делом. Оно взяло меня в цепкие клещи и никак не хотело отпускать. Я уже не спал ночами, вздрагивал в транспорте, когда ко мне кто-то случайно обращался. Но с упорством наркомана шёл и шёл к обменным валютным пунктам и делал свой бизнес. Самым выгодным было попасть на клиента, продающего или покупающего большую сумму. Как-то мне удалось продать сразу шестьсот долларов, ну а чтобы снова купить их, понадобилось чуть более сорока минут. Да тут же дело не в том, чтобы больше купить или продать, а в том, чтобы делать это ежеминутно, однако для работающего одиночки на подобное рассчитывать нечего, и я всячески вычислял оптового клиента.

Как-то раз, как это всегда бывает, не думая ни о чём таком, я зашёл в банк просто поменять для себя пятьдесят долларов, и прямо передо мной у окошечка оказался молодой паренёк, лет двадцати двух, который спросил у сидящей там девушки, будет ли у нее полторы тысячи долларов. Та ответила, что пока нет, а меня будто током пронзило: «Вот она, удача, что сама идёт в руки! Надо только не спугнуть её».

– Простите, сколько вы хотите купить? – осторожно обратился я к явно расстроившемуся молодому человеку.

Одет он был весьма прилично: длинное в пол бежевое пальто, белый шарф, укрывающий тонкую шею, на которой высилась аккуратно постриженная голова, – в общем, из новых русских, не блефует.

– А что, у вас есть? – открыто улыбаясь, он повернулся ко мне. – Я бы купил тысячи полторы или даже две. Почём?

Чтобы не отпугнуть такого клиента, я назвал сумму, чуть меньшую, чем та, по которой продавал доллары этот банк. Он немного задумался, что-то посчитал в уме, едва заметно шевеля губами, и произнёс с расстановкой: «Пожалуй, меня устроит. У вас с собой?»

– О, нет, при себе у меня только пятьсот долларов. Но остальные деньги дома, можно подвезти сюда через пару часов.

– Давайте, я у вас эти возьму сейчас. Вот только надо проехать домой, а то у меня дома деньги. Да тут совсем недалеко – поспешно уверил он, заметив, что я начал сомневаться. – Можем пройти пешком или проехать на машине.

Надо сказать, что редко, но менялы нарываються на серьёзные инциденты. Бывает, и деньги теряют, и даже бьют их. Потому-то и работают они кучкой – тут уж никто не посмеет «кинуть» или силой отнять деньги. Одному работать особенно опасно, а уж тем более куда-то ехать с клиентом – такое просто противопоказано. Но этот парень слишком уж случаен был на моем пути, чтобы заподозрить какой-то подвох с его стороны, и всё говорило о том, что он действительно хочет купить валюту. И назвал он улицу в каких-то трёх километрах от того места, где мы разговаривали.

Короче, согласился я, решив про себя, что ни за что не пойду ни в какие квартиры и если совершать сделку, то только на улице, у кого-нибудь на виду.

– Поехали, – сказал я, держась как можно более невозмутимо и солидно.

Он быстро поймал попутку, что меня дополнительно успокоило – никакой своей машины для быстрого проворачивания обмана, – и уже через пять минут мы были на названной им улице.

– Вы посидите пока в машине, а я сбегаю домой за деньгами. На пятый этаж.

Ещё одно доказательство того, что на мои деньги никто не собирается покушаться! Мне и не надо никуда идти, а присутствие постороннего человека за рулём случайной машины – дополнительная гарантия безопасности.

Мой клиент скрылся в подъезде старого дома. Я мысленно стал считать пролёты, которые преодолевает его лифт. Вот он вышел на пятом этаже, вот открыл свою дверь. Снял пальто – нет, пальто снимать не надо! Прошёл одетый в дальнюю комнату, открыл шкаф. Взял деньги. Считает их. Теперь вышел из квартиры. Лифт стоит на этаже – никто же больше не входил и не выходил из подъезда. Едет вниз...

– Мне бы следователем работать, – подумал я, улыбнувшись, когда спустя ещё две минуты открылась дверь подъезда и показалось знакомое мне бежевое пальто. Я полез в карман за долларами.

– Вы знаете, жена куда-то приготовленные деньги забрала, – задыхаясь от быстрой ходьбы произнёс парень, едва открыл дверцу машины, – набрал только на две сотни. Ничего? Продадите?

– Ну вот, напрасно нервничал, – подумал я с облегчением, – целее деньги будут.

Но одновременно появилась лёгкая досада, поскольку мысленно я уже подсчитал сумму, которую должен получить за свои пятьсот «зелёных». Но делать было нечего, и, естественно, я согласился.

– Знаете, если вы не передумаете, – огорчённо и даже с чувством лёгкой вины передо мной произнёс молодой человек, проверив на ощупь две сотенные долларовые бумажки, убрав их в карман и вручив мне оговорённую сумму в рублях, – то я бы купил у вас все доллары, о которых мы говорили. Завтра или послезавтра, когда жена появится.

– Можно, конечно, но я не уверен, что она у меня долго продержится. Давайте телефон, позвоню завтра.

– У меня нет телефона, так что оставьте вы свой, и я вам сразу же позвоню, как будут деньги.

Я продиктовал ему свой телефон, назвал имя. Услышал в ответ: «Дима. Я вам позвоню сегодня-завтра». С этими словами он поспешно сунул водителю машины деньги и попросил отвезти меня обратно.

Назавтра он не позвонил. Не позвонил и послезавтра. Я уже и думать забыл об этом Диме, завозился с какими-то домашними делами. Но вот утром на третий день вдруг раздался звонок, и Дима, сбивчиво извиняясь за долгое молчание, радостно оповестил меня, что все деньги наконец собраны и он может купить аж две с половиной тысячи долларов. Он предложил встретиться, когда мне удобно. Названная сумма у меня имелась, но это были почти все мои оборотные деньги. Кроме них оставались ещё неприкосновенные пятьсот долларов, с которых я когда-то и начал свой валютный бизнес. Но махнуть сразу такую кучу долларов – это было очень заманчиво! Я хорошо знал, что на последних торгах рубль сильно упал, и специально назвал моему собеседнику стоимость доллара, заметно превышающую ту, что видел накануне в одном из банков.

– Я согласен, такое различие для меня не принципиально, – среагировал Дима, – мне просто надо сразу купить эту сумму, а вы произвели на меня хорошее впечатление. Я вам доверяю...

Мне и хотелось совершить эту сделку, и в то же время не хотелось куда-то далеко специально ради неё ехать. Приглашать же клиента к себе домой было табу – я и телефон-то свой дал ему с опаской. В этот вечер мне надо было пойти с дочерью на очередное её занятие музыкой, и мне показалось привлекательным как-то совместить два эти плохо совмещаемые мероприятия.

– Давайте встретимся сегодня вечером, часов в восемь. – Я назвал хорошо известное мне место у крупного универмага, работающего до девяти, около которого мы с дочерью всякий раз дожидались трамвая по дороге домой с музыки.

– Если даже он не придёт, – подумал я, – то не потеряю слишком много времени.

– Договорились, – согласился он на мое предложение, – спасибо! И пожалуйста, не опаздывайте.

В назначенный час мы с дочерью подходили к оговорённому месту. Я сразу заметил знакомую фигуру в длинном пальто. Стоял конец ноября, было довольно холодно, но Дима, видимо, не носил головного убора круглый год.

– Здравствуйте, – он пожал мне руку и тут же с улыбкой взглянул на дочь, – откуда это вы? Или куда?

– С музыки вот возвращаемся... Давайте в универмаг зайдём, там и теплее, и светлее.

Дима, ещё глядя на мою дочку, двинулся было за мной, а потом вдруг спохватился:

– Да нет, поехали ко мне домой – я такие деньги в транспорте не вожу. Сейчас опять машину поймает, это не займёт у нас и полчаса, – а вы потом можете прямо домой ехать от меня.

Это был совершенно неожиданный для меня поворот. Я сильно заколебался, тем более что со мной находился ребёнок. И уже совсем было решил отказаться от предлагаемой поездки.

– Да что вы? Чего боитесь? Ведь знаете уже меня. Подождёте так же в машине, а я мигом деньги принесу... Поехали! – и он уже стоял у обочины дороги с поднятой вверх рукой.

– А, чёрт с ним, решил я, – уж коли надумал, то надо доводить дело до конца. Ну что такого может случиться? Я же и вправду не выйду из машины.

Какая-то «Волга» резко затормозила около моего клиента. Он назвал водителю улицу, тот ему – деньги.

– Десять минут ждёте и отвезите назад, – немного подумав, сказал Дима и назвал удвоенную сумму.

Водитель посмотрел на часы, почесал в затылке.

– Ну, если не больше десяти минут на месте...

– Железно, – пообещал Дима.

Мы все трое влезли на заднее сиденье. Дима оказался по мою правую руку, дочку я посадил к окну слева от себя.

– Пап, куда мы едем, поехали домой, – подала она голос.

– Не волнуйся, милая, сейчас на несколько минут заедем в одно место и сразу домой.

Дочь вздохнула, смирившись с папиными причудами, и уткнулась лицом в вечерний город за стеклом.

... Из своего подъезда Дима появился примерно через то же время, что и днём. Он торопливо влез в машину. Я попросил водителя зажечь свет.

– У вас в каких купюрах? – спросил Дима, залезая во внутренний карман пальто и вытаскивая толстую денежную пачку. У меня все пятидесятитысячные.

– По сто долларов, – я достал приготовленные и не один раз уже посчитанные свои «зелёные».

– Две с половиной тысячи, как договаривались. Правильно? Можно одну посмотреть?

– Я улыбнулся его недоверчивости и протянул верхнюю сотку.

Он долго её вертел, рассматривал, щупал пальцами...

– Все остальные такие же? – спросил, закончив своё исследование.

– Естественно, – спокойно сказал я. – А твои?

– Ровно пять миллионов сто двадцать пять тысяч. Можете хоть все проверять, – и он протянул мне свою пачку. – Пересчитывайте.

Я взял его деньги и начал считать. Когда уже было отсчитано чуть более трёхсот пятидесятитысячных купюр на моём правом колене, он взял доллары с моего левого:

– А я пока ваши посчитаю.

– Триста двадцать пять, триста двадцать шесть, – я оторвался на мгновение от счёта и, чтобы не сбиться, просто кивнул головой, – ...триста двадцать семь...

Он тоже начал считать. Куча рублей уже подходила к концу, в ней оставалось с десяток купюр, но вместо пятисот с лишним у меня получалось только четыреста с чем-то.

– В чём дело, тут на миллион меньше, – я на всякий случай глянул на пол машины, но там ничего не было.

– Чёрт возьми, – спохватился Дима, – да это же я не те деньги взял! Взял деньги жены! Сейчас я мигом поменяю! – с этими словами он быстро вернул мне мою

пачку долларов, схватил свои деньги, выскочил из машины и побежал к подъезду.

Сердце у меня почему-то сильно заколотилось. Ничего ещё не понимая, перво-наперво ошупал свои доллары – пачка была столь же полновесная. Я испытал сильное облегчение, но когда глянул на верхнюю купюру, то у меня потемнело в глазах.

Мой бог! Вместо таких знакомых и приятных для глаза бумажек с двумя нулями после единицы на меня с самого верха стопки смотрела долларовая купюра. Холодея от ужаса и начиная понимать, что произошло, я развернул остальные. Так и есть! Меня страшно, цинично и омерзительно надули. Кинули на такую сумму! В голове у меня застучало, руки задрожали, я в мгновение выскочил из машины и бросился к подъезду, где несколькими секундами раньше скрылся мошенник. Влетев в подъезд, я, естественно, никого там не обнаружил. Тут же замер, надеясь услышать хоть какой-то шорох, который дал бы мне надежду вернуть деньги. Но слышны были только натужные удары моего собственного сердца, да где-то тихо играла музыка. «Как на похоронах» – мелькнуло в сознании глупое сравнение.

Вдруг мне показалось, что откуда-то сверху донеслись шаги. Я мигом взлетел на второй этаж, затем на третий. Кругом была тишина. О, если бы я сейчас увидел этого Диму! Я бы точно его убил. Со сжатыми кулаками и горящими глазами я кинулся выше. Бесполезно.

– Как же так? Ведь он здесь где-то живёт, – заработали мои мысли. – Или это всё было умело разыграно: один приезд сюда, покупка небольшой суммы, а затем раскрутка меня на большую? Ну да! Подстроено! А машина, пойманная совершенно случайно? А может, и тут всё было спланировано и водитель с ним заодно?! Да ведь там, в машине, осталась дочь! Вдруг эти подлецы вместе работают и сейчас та машина с моим ребёнком уже далеко отсюда?!

У меня в голове начался какой-то кошмар. Только что такая страшная потеря больших, безумно больших для меня денег, от которой меня бросало то в жар, то в холод и заставляло судорожно, с придыханием втягивать воздух, вдруг заслонилась другой, куда более невосполнимой возможной потерей. Потерей единственной дочери, которую я, идиот, оставил совершенно одну с незнакомым мне человеком, потенциальным сообщником этого кидалы.

– А может, они специально всё это задумали, чтобы украсть мою дочь?!

С этой мыслью я почти совсем потерял рассудок и, напрочь забыв про утраченное целое состояние, опрометью ринулся вниз – вон из подъезда.

О, счастье, «Волга» стояла на том же месте! Я метнулся к ней, влетел внутрь и прижал к себе ребёнка. У меня тряслись руки, стучали зубы, но я был вне себя от радости. Я был счастливейшим человеком. Моя любимая, единственная дочка не пропала!

А она, ничего толком не понимая, испуганно смотрела на меня и только повторяла: «Папа, ты что?.. Ты что?..»

– Ну, долго ещё? – подал вдруг признаки жизни водитель. – Сказали же, что десять минут, а уже в два раза больше прошло. У меня времени больше нет. И так опаздываю в гараж...

– Поехали, поехали, – бросил я ему, а сам в полном изнеможении откинулся на сиденье и закрыл глаза, отдаваясь лёгкому покачиванию машины на ходу и странной пустоте в голове.

Что и говорить, страшный я получил удар, за несколько секунд лишившись всего того, что с таким трудом зарабатывалось целый год. Не помню, как добрались мы до дома, что говорил жене, пытаюсь скрыть бушевавшую в душе бурю. Кажется, это не удалось, она что-то заподозрила, но не стала ничего выяснять, видя моё необычное состояние. Зато я отлично помню, что водителю пришлось заплатить тридцать тысяч рублей – обманувшая меня скотина и эти деньги вытащила из моего кошелька.

И потянулись для меня дни и ночи, заполненные мыслями, переживаниями о случившемся, планами отмщения и... переосмыслением моей жизни за последние несколько лет. Причём если поначалу меня особенно донимала потерянная сумма, то вскоре наиболее мучительной стала моральная сторона происшедшего: со мной, который абсолютно ничего плохого никому не сделал, так омерзительно, не по-человечески обошлись! За что такое, почему? Бывало, я просыпался ночью от внезапного толчка – вся та сцена в машине вставала как живая, вновь и вновь прокручивалась у меня в голове, и по мере приближения к её развязке у меня учащался пульс, сжимались кулаки, а в финале я чуть ли не вскакивал с постели, готовый тут же бежать на поиски обидчика. Но тут же приходило и ощущение полного бессилия, безнадёжности подобных поисков, и, поскрежетав зубами, я шёл на кухню и пил успокоительное.

Однажды я даже выбрал время и целый день провёл у того злосчастливого подъезда в надежде увидеть этого самого Диму. Господи, какие только

расправы с ним я не осуществлял мысленно?! Но всё это были лишь бесплодные потуги сознания логически завершить происшедшее и установить хоть какое-то равновесие в моём внутреннем мире. Внешне же, похоже, всё обстояло совершенно безнадежно. И то дежурство у дома стало бессмысленным сразу же, когда я осмотрел подъезд и обнаружил в нем функционирующий чёрный ход, но я всё равно простоял около него чуть ли не целый день. И на душе после этого стало спокойнее.

В общем, со временем всё как-то устаканилось, я стал смотреть на происшедшее, как бы это сказать, мудрее, что ли. Спокойнее и философски. Постепенно судорожные воспоминания о потере большой суммы денег сменились трезвыми рассуждениями о недопустимости для меня занятиями подобного рода, и происшедшее я стал рассматривать в качестве справедливого наказания за эти низкие занятия. Как на своевременный, хотя и ох какой болезненный знак свыше. Я нашёл себе новую работу по своей специальности. Работаю теперь в нескольких фирмах и имею практически столько же, сколько зарабатывал, когда торговал валютой. Так что в каком-то смысле того Диму можно даже поблагодарить... Вот так».

– И что же, совсем теперь не занимаетесь валютным промыслом? – полюбопытствовал я, когда мой словоохотливый собеседник закончил свою необычную историю.

Он посмотрел на меня как на ненормального и хотел, видимо, сказать что-то в таком же духе. Но вместо этого вдруг закончил философски:

– Каждый должен заниматься своим делом, иначе ничего хорошего не будет. Случившееся со мной – хорошее тому подтверждение. Теперь на дух не переношу всей этой публики. Не только общаться с ней – видеть не могу!

– А как же тогда понимать живейшее участие в сцене, которая развернулась на наших глазах – я имею в виду разборку среди местных валютчиков и ваше эмоциональное переживание?

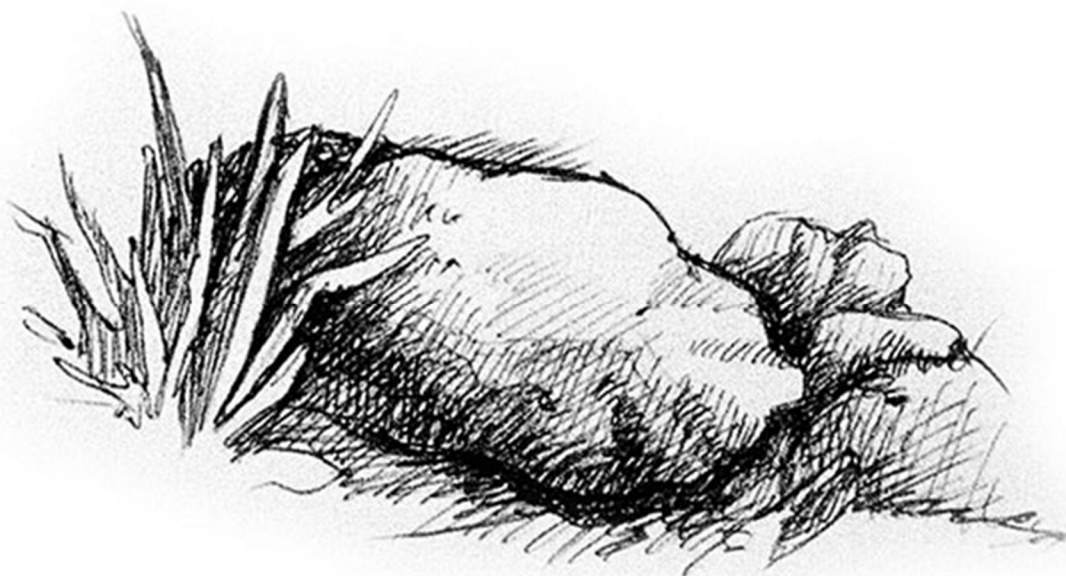
– Издержки прошлого. Случайно оказался здесь, но, когда увидел натуральную картинку из моей недавней жизни, прямо загорелось что-то внутри... Но это только на расстоянии, и, поверьте, я уже никогда не сунусь в подобную мерзость. Никогда! Ну, прощайте...

Мой случайный и необычайно откровенный собеседник ушёл. Исчез с моих глаз и из моей жизни так же внезапно, как и появился. Рассказав такую глубоко личную историю, ушел, между прочим даже не представившись. Наверное,

именно так и можно делиться чем-то очень сокровенным с совершенно посторонним человеком, которого уже больше никогда не увидишь. И не только его взгляд, а даже облик никогда не напомнит тебе о минутной слабости, заставившей заново пережить нечто глубоко личное, очень неприятное, вывернутое без какого-либо стеснения и будто даже с некоторым удовлетворением на чужое обозрение.

Он ушёл, а я долго ещё пытался представить себе ощущения человека, в несколько секунд потерявшего целое состояние и тем не менее сумевшего посмотреть на случившееся с совершенно иных позиций и найти, пожалуй, единственно правильный для себя выход. Он мне определённо понравился. Это был явный пример того, как серьёзная материальная потеря не сломила человека морально, а, наоборот, закалила его. Правда, к этой самой потере моего случайного рассказчика привело некоторое моральное падение, случившееся по собственной инициативе, так что всю его историю можно рассматривать как благополучное возвращение утраченного нравственного облика. Возвращение, оплаченное по очень высокой ставке.

Но вот понять, что он пережил при столкновении с таким обманом и мошенничеством, я никак не мог. Это случилось годом позже, когда судьбе угодно было толкнуть меня в очень неприятную криминальную ситуацию. Всё-таки правильно говорят, что лучше всего всё познается на собственной шкуре и именно такой опыт является самым ценным!

Глава 6. Лицом к лицу с мафией

Примерно с конца восьмидесятых годов прошлого века на Дальнем Востоке нашей страны начал расцветать удивительный автомобильный промысел. Тогда был легализован ввоз в Россию подержанных иномарок, а морякам и рыбакам разрешили привозить их с собой из заграничных рейсов практически беспошлинно. Это было специально сделано для людей морских профессий в качестве некоторой компенсации за их тяжёлый труд и низкую по мировым меркам зарплату. Нет нужды много объяснять, что тут началось вокруг их

поездок не за роскошью, а средством передвижения. В нашей почти поголовно нищей стране подержанные японские иномарки в одночасье стали предметом прекрасного бизнеса, приносящего при умелой организации дела прибыль, стократно превышающую скудные моряцкие зарплаты. Естественно, вокруг морских трудяг мгновенно образовался криминальный круг, взявший под чёткий контроль не только продажу и перепродажу в Советском Союзе этих невиданных ранее здесь и потому вожаемых для очень многих машин, но и покупку их в Японии. И даже попадание тех или иных моряков-рыбаков на выгодные суда, идущие в сказочную соседнюю страну, нередко зависело от всемогущей автомобильной мафии.

Как журналист, работающий на Дальнем Востоке, я сразу же заинтересовался этой интригующей и необъятной проблемой, которая на долгие годы завладела умами и помыслами целых групп людей и в какой-то мере стала определять экономическую и социальную жизнь этого региона. На моих глазах улицы Владивостока всё более и более начинали походить на улицы японских городов начала-середины 80-х годов (машины-то японцы сдавали после 6–9 лет эксплуатации), некогда нищие моряки разъезжали на невиданных здесь шикарных тачках, а роящиеся вокруг них дельцы открывали всё новые и новые рынки-стоянки привезённых автомобилей. Мой блокнот с надписью «японские автомобили» наполнялся различными потрясающими фактами из весьма закрытой для простых смертных сферы предпринимательства. Постепенно мне стало известно всё (или почти всё) из того, что происходило в этой области предпринимательства на территории России. Но для того чтобы писать об автомобильном бизнесе серьёзную проблемную статью, явно не хватало большого куска этого пёстрого материала, касающегося Японии. Ведь и там сбыт подержанных автомобилей неожиданно прорвавшимся на этот рынок русским морякам тоже превратился в неплохой бизнес, а мне очень хотелось, чтобы будущая статья была как можно более всеохватывающей.

И вот к октябрю 1989 года, после проведённой серьёзнейшей организационной работы в Дальневосточном морском пароходстве я держал в руках паспорт моряка с пропиской на огромном пассажирском лайнере «Русь», идущем в Японию с большой группой туристов. На первый взгляд то был обычный туристический рейс дружбы в соседнюю страну, коих из Приморья отправлялось бесчисленное множество, но осведомлённые люди прекрасно знали, что на самом-то деле это первый серьёзный десант за японскими машинами простых смертных, которым недавно тоже было разрешено беспощинно ввозить подержанные иностранные автомобили. Надо сказать, что среди этих самых «простых смертных» таковых было совсем немного – большей частью в турпоход за машинами, благодаря связям и вездесущему

блату, намылились местные партийные и прочие руководители самых различных рангов. Понаблюдать за таким необычным процессом – редкая удача для журналиста, тем более собирающегося писать об автомобильном бизнесе. Одновременно через моих знакомых моряков в Приморье и журналистов в Японии я получил несколько адресов японских торговцев автомобилями в порту Ниигата, куда направлялась «Русь», и я рассчитывал получить от них недостающие факты для будущей статьи. Я основательно готовился к этой поездке, однако судьбе было угодно распорядиться всем иначе. Буквально за сутки до отхода теплохода куда более серьёзное дело вырвало меня из Владивостока и на долгое время забросило в Звёздный городок, где мне пришлось заняться подготовкой к полёту в космос, и задуманное посещение Японии пришлось отложить на два года.

За время моего вынужденного отсутствия бизнес на подержанных японских автомобилях во Владивостоке не только расцвёл пышным цветом, но и насквозь пронизал жизнь десятков тысяч людей, в том числе и не имеющих никакого отношения к морю. Теперь этих машин на улицах города было столько, что отечественные легковые модели стали тут настоящей редкостью. Многие моряки, привозившие японские иномарки поначалу только для себя, тоже стали делать на них свой маленький бизнес и обзавелись недоступным некогда собственным жильём: кто – гостинками, а кто – и отдельными квартирами. Ребятишки из криминального мира, которые в первое время в лучшем случае были владельцами рынков-стоянок привезённых из Японии автомобилей, теперь открывали собственные дела, а сами ездили на новых «мерседесах». В короткий срок, используя старые связи в пароходстве, я успел несколько раз побывать в Японии с нашими моряками и не только познакомиться там с японскими автоторговцами, узнать от них всё меня интересующее, но и увидеть деятельность русской мафии в Стране восходящего солнца. Была наконец написана и опубликована давно задуманная статья.

И теперь у меня самого появилось горячее и всё более не дающее покоя желание пойти в Японию не с журналистскими заботами, а просто для того, чтобы, как тысячи других стремящихся туда людей, приобрести понравившуюся мне машину. Вернее микроавтобус, на котором (я уже это видел в красках) вся моя многочисленная семья, включающая помимо жены и двоих детей, тещу, собаку и кошку, будет летом выезжать на дачу, разом погрузив с собой всё необходимое. А ещё я мечтал набить этот автобус в Японии всеми сопутствующими предметами – запасными автомобильными шинами, холодильниками и стиралками, доставаемыми там чуть ли не даром, – которые (я неоднократно наблюдал это в своих рейсах в Японию) моряки действительно привозят оттуда целыми машинами. Наконец мечта эта осуществилась, причём

всё мне удалось сделать именно так, как я представлял себе в самых смелых прожектах. Старые друзья в российском пароходстве и новые друзья в автомобильном бизнесе в Японии сделали сон явью. И вот тёплым октябрьским днём 1992 года я спешил домой с собственным автомобилем, который действительно был микроавтобусом, набитым до самого верха всем тем, о чём я так долго мечтал. Наше судно «Кемь» – конечно, не шикарный морской пассажирский лайнер «Русь», на который я не попал два года назад, но вполне устраивающий меня небольшой лесовоз Дальневосточного морского пароходства – возвращалось в Россию после короткого двенадцатидневного рейса в Японию. Сдав в Стране восходящего солнца наш первоклассный лес, оно несло на своей палубе два с лишним десятка прекрасных по российским меркам подержанных японских автомобилей, купленных моряками по смехотворной цене в солнечном японском порту Наоэцу.

Торговец автомобилями в этом маленьком порту за одно из моих предыдущих посещений этого благодатного места стал хорошим другом и заранее, по звонку из Владивостока, приготовил для меня нужный автомобиль с тридцатью шестью запасными колёсами. Он же помог со всем остальным скарбом, включающим большой трёхкамерный холодильник, автоматическую стиральную машину для жены и мини-мопед для детей. Это сейчас в России можно купить всё, что душе угодно, имелись бы деньги, а тогда это было огромное, сказочное богатство. Ведь в наших магазинах было шаром покати, а приличную сумму на подобные покупки не представлялось возможным заработать даже человеку с дипломом «космонавта-исследователя», обладателем которого я стал после завершения подготовки в Звёздном городке. Так что испытываемые мною в тот момент чувства обладания такими богатствами, думаю, поймёт каждый.

Итак, наш пароход спешил к родным берегам, а на его палубе вместе со мной в Россию перемещался предмет сладких вожделений миллионов соотечественников, бесконечно радуя мой взор и наполняя сердце сладким предчувствием будущих удовольствий от общения с новым четырёхколёсным другом и всем тем, что находилось в нём.

– Коля, ты слышал, мы не в Находку, а сразу во Владик идём? – раздался вдруг от капитанского мостика зычный голос второго помощника, обращённый к боцману, который второй час возился около своей серебристой красавицы

«тойоты», протирая её никелированные внешние части и смахивая последние пылинки с и без того чистых ковриков салона.

– Не может быть! – застыл за своей приятной работой старый морской волк Николай Савельич Погребной. – Ты откуда взял?

– Только что капитан радиogramму из пароходства получил. Ребята уже побежали к радисту сообщать об этом домой. Так что давай закругляйся...

Грузный и обычно весьма медлительный Савельич неожиданно быстро побросал все машинные причиндалы в салон своего автомобиля, закрыл на ключ двери и с нетипичным для него проворством заспешил наверх, в радиорубку.

– Вот это новость так новость! – весело подумал я. – Сразу столько проблем снимается, ведь чуть ли не к дому меня доставят.

Дело в том, что обычно все пустые лесовозы с машинами моряков приходили в порт Находку, что примерно в двух сотнях километров от Владивостока, и большинству новоиспечённых владельцев импортных автомобилей всякий раз приходилось тратить часа три-четыре на дорогу домой. Оба моих предыдущих похода в Японию на судах Дальневосточного морского пароходства заканчивались именно там. Вот и на этот раз при выходе из японского порта капитан объявил о том, что мы направляемся в Находку, и все моряки сразу же дали телеграммы или позвонили своим родственникам и друзьям, чтобы те знали, где их ждать. Это было крайне важно, чтобы тебя встретили. Каждый приход парохода с японскими машинами на родину непременно сопровождался появлением так называемой «автомобильной мафии», которая подобно шакальей стае налетала на стадо антилоп-моряков и, если подобно подлым шакалам не убивала слабых и больных, то обязательно либо просто отбирала у не имеющих чьей-либо поддержки моряков привезённые автомобили, либо получала их, давая чисто символические деньги. Случалось, дело кончалось и избиениями непокорных, осмелившихся не подчиниться установленным в дальневосточных портах бандитским законам.

Обо всём этом я написал подробную журналистскую статью, а уж знал об этой скрытой жизни Дальнего Востока куда больше, чем удалось вынести на страницы газеты. Не раз мне приходилось наблюдать так называемые мафиозные «накаты» на моряков, «прессовки» со стороны многочисленной узколобой швали, которые нередко кончались расставанием с привезённой машиной. В Находке, принимающей в иные дни по несколько судов с японскими автомобилями, пароходство привлекло даже специальную группу

ОМОНа, которой платили небольшие деньги, и вооруженные милиционеры обеспечивали довольно-таки приличный порядок во время разгрузки судна, пропуская к нему строго по паспортам родственников и знакомых, заранее внесённых моряками в специальные списки. Серьёзные проблемы у прибывших из Японии с машинами могли начаться после ворот порта, но к этому времени они, как правило, объединялись для защиты от мафии и уходили из Находки колоннами по несколько автомобилей. Или же нанимали для перегона привезённой машины кого-то из сотрудников ОМОНа.

Однако дом домом, а предупредить своих знакомых об изменении маршрута было необходимо. И я тоже направился в рубку радиста. Там уже толпился народ. Кто-то сдавал срочно написанные телеграммы, а кто-то ждал заказанного разговора с родными. Но все оживлённо обсуждали предстоящий приход во Владик. Радист и его помощник, не покладая рук, трудились на благо морского общества. Увы, мне некуда было позвонить, и я ограничился телеграммой друзьям, с которыми была договорённость ещё до моего отплытия в Японию и которых я уже предупредил о нашем приходе в Находку. До Приморья оставалось меньше суток ходу, и я не особенно надеялся, что телеграмма моя успеет. Аналогичные мысли, похоже, сильно беспокоили многих членов нашего экипажа. Я же как-то не волновался, поскольку у меня в голове не укладывалось, что в центре многолюдного Владивостока, где полно военных, в полутора километрах от моего собственного дома могут возникнуть какие-то серьёзные осложнения.

Совсем меня успокоил мой товарищ по каюте, который, как и я, не был настоящим моряком, а под прикрытием моряцкого паспорта лишь ходил в рейс за автомобилем благодаря каким-то своим связям на берегу. Объединённые на судне одним определением «пассажиры», мы многие наши задачи на борту решали вместе, и, хорошо зная японского продавца машин, я немало помог ему в приобретении нужного автомобиля. Так вот на него изменение конечного пункта нашего путешествия с Находки на Владивосток оказало прямо-таки чудодейственное влияние. Он просто светился от радости, сразу же достал откуда-то бутылку коньяка и, неизменно предлагая выпить за счастливое возвращение и мне, не просыхал до самого прихода.

– Что ты, старик, дёргаешься, – среагировал он на одну из моих озабоченных фраз по поводу возможного отсутствия встречающих, – меня братва точно встретит, и, если надо будет, помогут и тебе.

– Знаешь, Слава, – всё это очень здорово, но у меня ведь даже прав водительских нет, – доверительно сообщил я своему сокаютнику. – Не успел

ещё сдать, хотя водить немного умею. Решил сначала машину привезти, а потом уж и права получить.

– Говорю тебе, брось нервничать. Это вообще не проблема, – успокоил Слава, наливая мне очередную рюмку и улыбаясь широченной улыбкой абсолютно благополучного человека. – Мои все с правами – довезут, куда надо.

Я и впрямь успокоился и вышел на палубу подышать свежим воздухом. Там между тем обнаружилось довольно сильное движение. Экипаж по-муравьиному сновал по открытым частям судна и куда-то утаскивал многочисленное барахло, приобретённое в Японии, которым наше судно было буквально забито от носа до кормы. Холодильники и стиральные машины, велосипеды и мопеды, колёса и ещё чёрт знает что – всё это, до сей поры привязанное от качки по всем углам и стенкам палубы, быстро отвязывалось и убиралось внутрь парохода: в личные каюты, рабочие и подсобные закрывающиеся помещения.

– Что происходит? – испуганно спросил я у знакомого моториста, пытающегося впихнуть в узкое помещение на корме с надписью «Трансформатор» длинный велосипед с двумя хозяйственными корзинками над передним и задним колёсами. – Куда вы всё это тащите? Надвигается шторм?

– Ты будто с Луны свалился, – закрывая наконец дверцу трансформаторной и переводя дух, ответил моторист. – Мы же во Владик приходим, а там охраны не предвидится. На пароход будет мафия хозяйничать, всё неприбранное сметут начисто! Три часа до прихода осталось. Извини, мне еще колёса надо в машинное перетащить.

С этими словами он бросился на нос, где была складирована собранная им на одной из японских свалок прекрасная по российским меркам автомобильная резина, а я лишний раз порадовался собственной предусмотрительности. Всё своё богатство накануне отхода из Наоэцу я тщательно уложил в микроавтобус под самую крышу – оставалась только пара колёс, которым там уже места не хватило. Пришлось забрать их в каюту – не пропадать же добру! – и я решил сначала вывезти с парохода машину, а потом, пока судно один-два дня будет стоять в порту, вернуться за ними. Забегая вперёд, скажу, что колёсам этим мне впоору было бы поставить памятник, но, впрочем, всё по порядку.

Мы подошли к Владивостоку в середине дня, но пароход наш не приняли к причалу, а поставили на внешнем рейде, километрах в четырёх от города. Тут же стало известно, что к причалу мы и не подойдём, машины надо будет перевозить до берега на плашкоуте, для чего за каждую машину следует приготовить по десять тысяч рублей. Вскоре к нашему борту причалил

пограничный катер, на котором прибыли пограничные и таможенные службы. Их работа на борту оказалась не слишком долгой, поскольку в то время за ввозимые в страну автомобили не требовалось платить никаких пошлин, а оформление регулярно пересекающих границу моряков было чисто формальным делом. Подошедший служебный катер не успел ещё отвалить от нашего правого борта, как к левому подошёл какой-то буксир и с него на пароход высадилось человек пятнадцать-двадцать коротко стриженных, преимущественно в кожаных куртках и весьма развязных молодых людей. Они сразу же рассыпались по всему судну. Особый интерес, проявляемый к стоящим на палубе машинам, и наглые манеры не оставляли ни грамма сомнения в принадлежности этой публики к печально знаменитой и часто упоминаемой моряками автомобильной мафии. Вскоре выяснилось, что многие из них имеют среди пришедших из Японии знакомых.

Я и раньше знал, что нередко моряки попадают в сети мафии, которая использует их для приобретения в соседней стране нужных автомобилей. Это называется «зарядка» – перед рейсом в Японию бандиты снабжают моряка валютой, и тот обязан привезти им автомобиль определённого класса, а взамен ему разрешается один раз из пяти-шести ходок приобрести на свои деньги машину и себе. Кроме того, через связи в пароходстве мафия обеспечивает своему человеку постоянное нахождение на коммерчески выгодной японской линии. На этот раз мне довелось увидеть «зарядку» в действии – по меньшей мере пять машин из тридцати семи на нашем борту шли по этой схеме, и некоторые из прибывших на борт бандитов явились за уже оплаченными своими машинами. Тут же я понял и значение слова «братва», проскочившего в разговоре со мной соседа по каюте. Штук пять кожаных курток вскоре уже сидели в нашей каюте, с трудом в ней разместившись и потягивая выставленное Славой японское баночное пиво. Они деловито обсуждали основные достоинства разместившихся на палубе автомобилей и их принадлежность тому или иному моряку.

Минут через двадцать к нашему судну подошёл ещё один катер, который привёз встречавших моряков друзей и родственников. Как я и опасался, никого из моих знакомых среди них не оказалось. Брезжила ещё надежда, что кто-то встретит меня уже на берегу, но она была очень призрачной. Надо было что-то предпринимать для сохранения привезённых из Японии материальных ценностей. Я попытался было заручиться поддержкой прибывших Славиных приятелей, но все мои заходы на эту тему не давали обнадеживающих результатов – и Слава, и его друзья-мафиози только улыбались и отделывались общими фразами, типа «Всё будет путём», «Считай, договорились» и тому

подобными. Начиная терять спокойствие и испытывая всё увеличивающееся волнение, я покинул каюту и пошёл на машинную палубу.

Там уже было полно народу. Моряки, затаскивающие в свои машины последние шмотки из кают, прибывшие их встречать родственники и знакомые, явившиеся на борт судна за своей добычей бандиты – все они смешались в одну снующую и пёструю толпу, в которой, казалось, совершенно невозможно было разобрать, кто есть кто. Но так только казалось. Насколько я понял, рассыпавшаяся по пароходу бандитская толпа состояла из трёх-четырёх различных группировок, каждая из которых действовала самостоятельно, почти не пересекаясь. Быстро определив, у кого из моряков нет прикрытия, они начали их обработку.

Вот одного из нашего экипажа приперли к стенке два коротко стриженных бандита, и он что-то пытается растолковать бесстрастно взирающим на него тупым рожам, не желающим слышать какие-либо объяснения и жаждущим только одного. Вот ещё один в кожаной куртке передаёт на стоящий у левого борта его буксир, видимо оставленную кем-то по недосмотру на палубе стиральную машину. А двое его сатрапов выволакивают явно отбитый силой у кого-то из моряков красивый мопед «хонда». Вслед за ними с криками выскакивает его хозяин, но вместо мопеда те вручают ему какие-то деньги – судя по реакции моряка, явно не соответствующие стоимости мопеда, но больше он ничего не получает, а мопед тоже благополучно перекачывается на буксир.

Пытаясь уйти подальше от увиденного, а главное – от всё более наплывающих на меня тревожных чувств, я поднимаюсь на капитанский мостик, где седовласый человек, капитан судна Николай Егорович Камышин с болью взирает на всю эту вакханалию, происходящую внизу. За время рейса мы не раз вели с ним долгие и интересные разговоры о жизни в море, о моряцком автомобильном бизнесе, но пока не касались его криминальной стороны. И вот теперь перед ним, как на ладони, раскинулась вся палуба со стоящими на ней японскими машинами и копошащейся на ней людской массой. Он всё видит и всё понимает.

– Что, Николай Егорыч, скажете на это? Какие чувства владеют капитаном при виде такого безобразия, творящегося на его судне?

– Это только во Владивостоке так, а в Находке ОМОН их близко не подпустил бы.

– Знаю. Но вы же хозяин на борту! Можете что-нибудь сделать с этой мразью?

– Любого из этих бандюг я уложил бы одним ударом, – он показывает мне огромный кулак, не вызывающий никаких сомнений относительно сказанного, – но вы же видите, что это свора, орудующая по таким же законам...

– А что мешает морякам точно так же объединиться и выместить их с судна?

В ответ он только бессильно разводит руками и отводит взгляд от окна.

– Сюда бы на мостик установить пулемёт, а затем навести его на эту публику и по мегафону крикнуть «Считаю до трёх и, если по окончании счёта кто-то из бандитов ещё будет на борту, – открываю огонь!» – уверен, вся эта шваль тут же попрыгает в воду и бросится к берегу вплавь.

– Оружие нам на судне иметь запрещено.

Ощущение безысходности передалось и мне, и я, чтобы оно не увеличивалось, покинул капитана. Сунулся было в свою каюту, но там сидел прилично уже набравшийся Слава с одним из своих дружков. Я направился к своей машине. При подходе к ней меня перехватил старший из Славиных дружков, с которым он меня познакомил, когда они явились в нашу каюту. Джон – так представил его Слава.

– Слышал, нужна помощь? – вполне дружелюбно начал.

– Да, я был бы очень благодарен.

– Себе везёшь или на продажу?

– Для себя, конечно, разве не видишь, сколько всего нужного внутри!

– Хороший автобус. Сколько платил за него?

Мне была приятна его оценка покупки, и я назвал цену: девятьсот долларов.

– Слушай, давай я его куплю за полторы тысячи, и у тебя не будет никаких проблем.

– Нет, что ты! Я же сказал, для себя везу...

– Это ты не понял, – улыбаясь, ответил Джон, – у тебя же никого здесь нет, и ты вообще можешь остаться и без машины, и без денег. А я хочу тебе помочь и предлагаю... Давай за тысячу восемьсот долларов.

Я хорошо знал, что даже по владивостокским меркам мой автобус стоил не менее четырёх тысяч и предлагаемая «помощь» – это чистой воды грабёж.

– Нет-нет. Автобус мне самому нужен, и я его не собираюсь продавать. Я думал, что вы можете помочь довезти мне его до дома, – я готов заплатить за это.

– Приятель, я по-дружески, только потому, что за тебя Слава попросил, даю за машину хорошие деньги. Имей в виду, ты тут уже на примете и просто так уехать не дадут. Моя последняя цена – две тысячи баксов. Подумай...

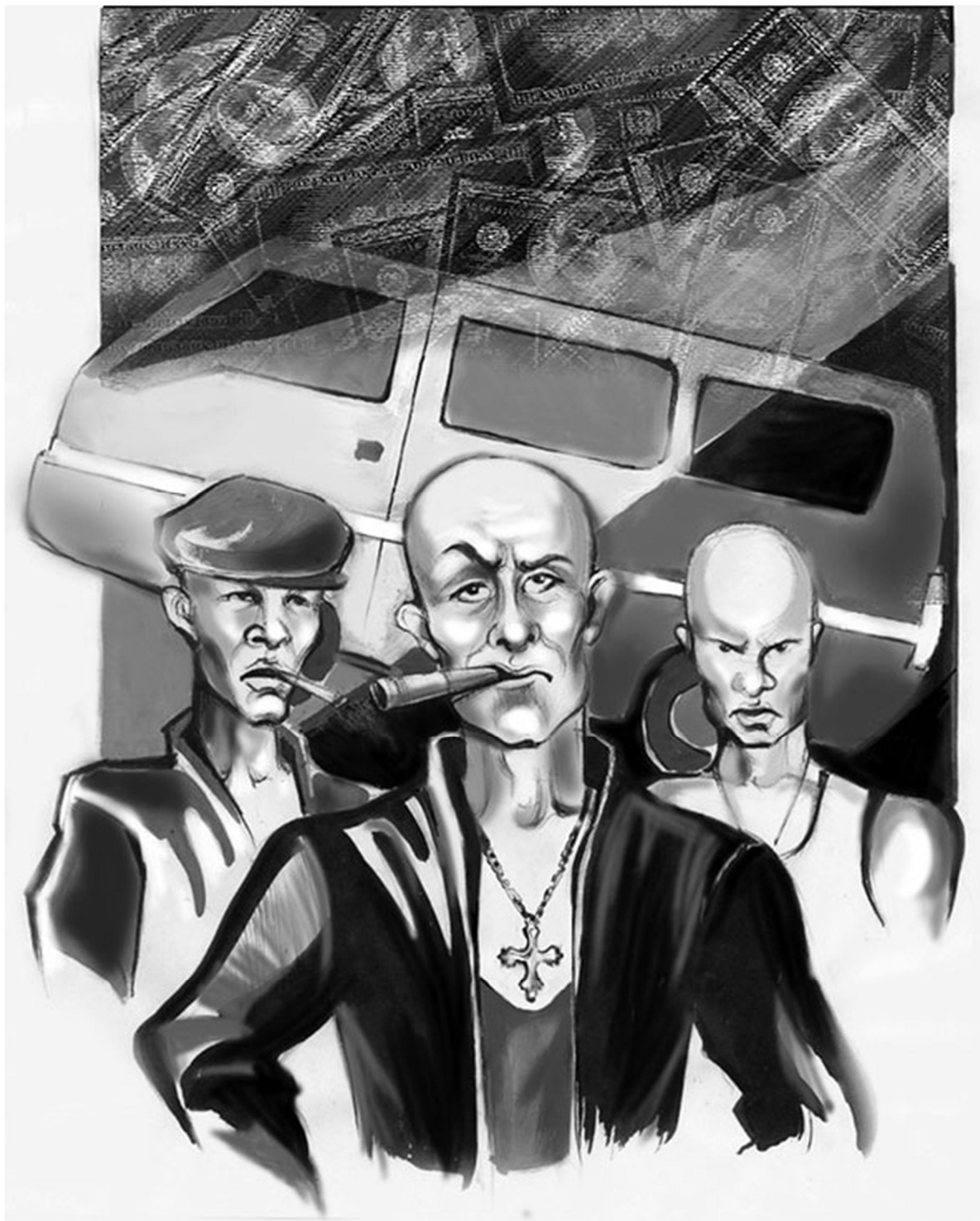
С этими словами заботливый Джон оставил меня возле моего четырёхколёсного сокровища и пошёл к нашей каюте. Видимо, для принятия очередной порции пива. Постепенно до меня начал доходить смысл всего происходящего вокруг и со мной. Из стороннего наблюдателя, который может объективно оценивать события и давать им трезвые оценки, которым я привык быть в подобной обстановке, я превратился в участника довольно-таки гнусного действия. Я уже не был независимым человеком, могущим в любой момент отвернуться от неприятных лиц, событий или даже вовсе уйти от них, забыв, словно дурной сон. Потому что имелось нечто, прочно привязывающее меня ко всему происходящему, а в конечном счёте и делающее непосредственным участником разворачивающегося действия, – моя машина и всё находящееся в ней. Моя собственность, которая стоила немалых денег и сделавшаяся, кроме всего прочего, мне уже очень родной. От одной мысли, что возможно с ней расставание – пусть даже за какие-то деньги, – по спине пробегал холодок. Об этом не хотелось даже думать.

А думать было надо. И не просто думать, а что-то предпринимать. Потому что плашкоут, на котором наши машины должны были быть доставлены к берегу, уже подходил к пароходу. На уставленной японскими машинами палубе суетились моряки и все остальные (где – мафия, а где – встретившие их знакомые, я уже не разбирал), раскрепляя автомобили для перегрузки, над нею болтались тросы готового к работе парового крана.

Джон стоял около моего автобуса. Но на этот раз был он не один, а с двумя своими друзьями. Они что-то напряжённо и на повышенных тонах обсуждали, размашисто жестикулируя, беспорядочно указывая то на застывшие на палубе машины, то на пристающий к правому борту плашкоут. Разговор при моём появлении прекратился, и подельники Джона тут же отошли в сторону, оставив нас наедине.

– Ну что, надумал? – поигрывая ключами на брелке, бросил Джон.

Предчувствуя совсем нехорошее развитие событий, я инстинктивно, как делал это во многих сложных ситуациях, в которых мне доводилось попадать за долгую журналистскую работу на Дальнем Востоке, выкинул главный козырь. Прикрылся своей весьма авторитетной в стране «Литературной газетой».

– Я не могу продавать эту машину, даже если очень захочу, – солидно и серьёзно начал я, – потому что везу её не для себя. Я никому не говорю, но на

самом деле микроавтобус куплен по заказу моей редакции и на её деньги. И оформляться она будет как машина корпункта «Литературной газеты» на Дальнем Востоке. Так что...

Этот козырь никогда меня не подводил, но тут я имел дело с людьми совершенно иного круга, и авторитет моей газеты никак не подействовал на собеседника. Он криво усмехнулся в ответ:

– Какое это имеет значение здесь, когда приехавшие сюда ребята видят хорошую машину и не видят никого рядом с её хозяином. Учти, стоит нам только сказать, что ты не наш, как разговаривать с тобой будут совсем по-другому. И никаких денег уже могут не предложить. Так что давай по-хорошему договариваться с нами.

Тут я окончательно понял, что попал в ужасную ситуацию. С надеждой увидеть кого-то из своих друзей посмотрел я на приставший к нам плашкоут, но, увы, там никого не было. Дальше пошёл какой-то бессвязный и нервный разговор: то с Джоном, то с подключающимися к дискуссии его товарищами, позволявшими вести себя куда более нагло и хамски, чем их шеф. В результате на озвученной бандитами сумме в две с половиной тысячи долларов я заколебался, решив, что лучше получить хоть какие-то деньги, чем остаться без всего.

– И вы можете заплатить их прямо сейчас?

– Какой базар! – оживлённо воскликнул Джон и даже полез в карман.

– Мне надо ещё немного подумать, – заявил я, не желая сразу выдавать своё поражение и ещё надеясь найти какую-то помощь, быть может, со стороны друзей других моряков. Я видел, что кого-то из них встречал даже человек в милицейской форме.

– Хорошо, хорошо, – обрадовался Джон такому повороту событий, – а мы пока деньги с ребятами приготовим.

Но достаточно было лишь пробежаться по машинной палубе и попытаться завести на волнующую меня тему пару разговоров, чтобы понять – никому не было до других никакого дела. Все были заняты своими проблемами: сохранением собственных автомобилей от шныряющих вокруг бандитов и подготовкой их к погрузке на паром. Сильно расстроенный и подавленный происходящим, зашёл я в свою каюту и, обнаружив там то ли в полудремотном, то ли в полупьяном состоянии своего попутчика Славу, попытался внести ясность в складывающуюся не без его участия ситуацию.

– Старик, я же всё сделал для тебя, как и обещал, – нетрезво улыбаясь, промямлил он на мои возмущения, – ребята согласились помочь.

– Хороша помощь! Они же подло давят на меня, чтобы я им продал автобус, а мне нужно было только помочь довезти его до дома.

– Ты сам виноват, что согласился продать им машину. – Неожиданно проявил он удивительную осведомлённость в ситуации. – Теперь они рассчитывают на это.

– Что значит, согласился?! – вскинулся я. – Они вынудили меня заговорить об этом.

– Ну так выкручивайся теперь сам. – И мой недавний товарищ, которому я столько и бескорыстно помогал на чужом берегу, беспомощно развёл руками.

Всё. Я остался один против совершенно чуждой и непонятной мне силы, и нужно было как-то выкарабкаться из тяжёлого положения.

– Ладно, – успокаиваясь и обретая трезвость мышления, подумал я, – коли так неприятно всё сложилось, то и впрямь надо не усугублять ситуацию, а постараться поскорее получить хотя бы оговорённые уже деньги.

Правда, мне совершенно непонятно было, как будет происходить передача денег и машины, когда и куда я уберу всё находящееся в автобусе. Но после принятия принципиального решения это казалось уже какой-то несерьёзной мелочью, разрешаемой автоматически. Впрочем, долго раздумывать времени не оставалось. Вовсю уже шла погрузка автомобилей на плашкоут, и надо было спешить к своему автобусу, чтобы не оказаться в числе тех, чьи машины не поместятся на нём. Как это и водится в море, работающие на кране моряки прежде всего перегрузили свои машины, затем взялись за автомобили своих товарищей. Машины пассажиров, которых на судне было пять человек, должны были идти последними. Правда, Славина машина вместе с уже «приобретёнными» его братвой тремя или четырьмя автомобилями моряков благополучно перекочевала на плашкоут, а сам он собирал свои вещи в нашей каюте. Предчувствуя, что мой автобус может оказаться крайним и без места на первом плашкоуте, возле него уже суетились Джон с компаньонами: покрикивали на крановщика и что-то втолковывали другим пассажирам, пытавшимся погрузить свои машины, – в общем, вели себя уже как полноценные хозяева этого автобуса.

– Джон, что насчёт денег? – как можно более спокойно, пытаюсь не выдавать сильного волнения, спросил я.

– А что тут за вопросы? – Оторвался тот от своего препирательства с очередным автовладельцем, пытавшимся проскочить раньше моего автобуса. – Как выгрузимся на берег, так сразу и рассчитаемся.

– Значит, как договорились, две с половиной тысячи долларов. Они у тебя есть с собой?

– Разумеется. Только в долларах у нас полторы тысячи. Ещё пятьсот в японских иенах, а оставшиеся пятьсот – у ребят на берегу в рублях. Ты же не думаешь, что мы тебя обманем?

Я уже не знал, что тут думать и что отвечать на подобные изменения условий. В этот момент один из его компании, внимательно рассматривающий ровно уложенные в моём автобусе колёса, повернулся ко мне и неожиданно перевёл разговор на другую тему:

– Слушай, продай пару колёс. Я вижу, у тебя нужный мне размер есть.

Я попытался отмахнуться от него и как-то решить возникшую проблему с оплатой за автобус. Но он снова вроде бы мягко, но в то же время очень настойчиво попросил о том же.

– А как я тебе их достану! Не видишь разве, всё аккуратно уложено – ничего не тронешь.

– Да я сам всё сделаю: и вытащу колёса, и уложу оставшееся – ты только ключи дай, – поспешно стал уверять он.

– Отстань, мне сейчас не до этого, – я снова отверг его притязания в последней надежде сосредоточиться на происходящем и понять, куда же всё идёт.

Но он буквально вцепился в меня, и не было никакой возможности избавиться от этого прилипчивого субъекта. С холодным ужасом я представил, что будет, если я уступлю здесь и дам-таки ему ключи. И в тот момент, когда, казалось, мне уже некуда деваться и вот-вот ключи от моей машины перекочат в руки к этому бандиту, я вдруг вспомнил о паре колёс, оставленных в каюте.

– Хорошо, уговорил, – неожиданно для него вдруг согласился я. А сколько заплатишь?

– По полторы тысячи рублей за каждое, – ответил он после некоторого замешательства и с вызовом глянул на меня.

Это было раза в три меньше существующих во Владивостоке цен, но я понял, что такое предложение рассчитано именно на моё возмущение и естественный в подобном случае отказ.

– Согласен, давай деньги!

– Давай ключи!

– Ключи ни к чему, – не давая ему опомниться, выпалил я. – У меня в каюте лежит точно такая же резина, что и в автобусе. Как раз два колеса. Можешь их забрать. Деньги давай!

Мой собеседник явно не рассчитывал на такой поворот дела и потому несколько растерялся.

– А откуда я знаю, что это твои колёса? Там полкаюты занято Славкиными.

– Не волнуйся, тебя не обманут, – продолжил я наступление, – Слава ещё в каюте, и он знает, какие там мои. Давай деньги, а то мне уже надо переходить на плашкоут.

Тому ничего не оставалось, как передать мне три тысячи рублей и броситься к каюте. В этот момент уже подцепили мой автобус, и он в несколько минут переключался на тесно заставленную машинами палубу плашкоута. Последнее, что я увидел, перебираясь на его борт, – того узколобого типа, тащившего два купленных у меня колеса в другой конец плашкоута, где стояли машины его компании.

– Ну и слава богу, – подумал я об этой сделке. – Сразу две проблемы решил: и отвязался от этого бандюги, и не надо будет на судно за колёсами возвращаться. Теперь все мои вещи только в машине.

– Ты что, подозреваешь, что мы тебя обманем? – вернулся к основной теме Джон, когда я тоже перебрался на плашкоут к своему автобусу.

– Вообще нет, – начал я, хотя полной уверенности в благополучном исходе дела у меня не было, а на душе кошки скребли от собственной беспомощности.

– Тогда давай ключи, а то скоро к берегу подойдём и надо будет твою машину выводить. Ведь прав-то у тебя нет!

«Господи милосердный, и это ему известно, – мелькнула ещё одна угнетающая мысль, – теперь я в полной зависимости от них».

В сильной нерешительности нащупал я в кармане ключи от своего автобуса. В этот момент передо мной вновь возник тот узколобый тип в коже, которому я продал колёса.

– Старичок, ты чего меня надул? Деньги я тебе отдал, а где колёса?

– Как где?! – обалдел я. – В каюте.

– Там их нет. Мы со Славой всё обыскали, но ничего не нашли. – Его серые глаза излучали такое искреннее недоумение и возмущение, что на какое-то время я поверил в этот бред.

– Не может быть! – с этими словами я опрометью кинулся к своей каюте, забыв, что уже видел этого типа, несущим проданные ему колёса.

– Ключи-то оставь! – завопил Джон. – А то уже последнюю машину перегружают, сейчас отходить будем!

– Успеется, я мигом, – бросил я в ответ и уже через пару минут был около каюты.

Но она оказалась заперта. Да, Слава забрал все свои вещи и ключ отдал боцману.

По опустевшему пароходу, чертыхаясь и проклиная всё на свете, побежал я на поиски боцмана. К счастью, он был в своём логове. Получив ключ от каюты и вскоре открыв дверь своего недавнего жилища, я сразу же увидел, что моих колёс нет на том месте, где я их оставлял. В каком-то исступлении обшарил всю каюту, заглянул даже в шкаф, куда они никак не могли войти. Поиски были напрасны.

– Не может быть. Что же это такое делается? Может, Слава по ошибке забрал и мою резину? – судорожно пытался я осмыслить и объяснить недоразумение.

Но тут вдруг вспомнил, что видел, как мои колёса тащили с нашего корабля. Не понимая ещё до конца, что меня элементарно «разводят», но чувствуя что-то очень подлое, творимое со мной, я бросился назад, к своей машине. На палубе парохода осталось три не поместившиеся на плашкоуте машины, и, похоже, отплытие задерживали из-за меня. Во всяком случае, при моём появлении Джон крикнул куда-то навверх: «Всё, можно отходить», и вслед за этим мы отчалили.

Почти вся компания Джона – четыре кожаных человека – стояла возле моей машины, в том числе тип, купивший у меня колёса.

– Ты что же делаешь, гад, – с ходу набросился я на него, – колёса из каюты забрал, а мне говоришь, что их там нет!

– Кто, я забрал? – тут же попёр он на меня. – Ребята, подтвердите, что ничего мы в каюте не нашли.

Его подельники с готовностью стали кивать головами, явно наслаждаясь спектаклем, идущим по задуманному сценарию.

– Понял! – удовлетворённо твякнул обманщик. – Так что или деньги возвращай, или доставай обещанные колёса из своего автобуса.

Теперь-то я наконец понял. Понял, что вся эта операция с колёсами была чистым фарсом. И каким-то шестым чувством осознал, что она – прелюдия к ещё более грандиозному представлению. Спектаклю, связанному с моим микроавтобусом. Что никаких денег мне за него не заплатят и что останусь я не только без автобуса, но и, видимо, без всего находящегося в нём. Когда всё это до меня дошло, то моментально окружающих меня «доброжелателей-покупателей» я стал воспринимать соответственно. Как бандитов. И тут же вдруг исчезли поочередно мучившие меня до этого чувства страха и беспомощности. Появилась какая-то отчаянная решимость. Но я не могу сказать, что она была безрассудной. Первое, что я сделал, было скорее всего интуитивным, чем точно рассчитанным, осознанным и адекватным действием. Однако, как показало ближайшее будущее, оно оказалось очень верным.

– Забери свои деньги! – я вытащил из кармана бумажник и, достав оттуда полученные от мошенника три тысячи, сунул ему в руку.

Тот, похоже, ожидал всего, чего угодно – или долгих споров по поводу отсутствия резины в каюте, или обвинений его в мошенничестве, или (что скорее всего) получения от меня ключей от машины с последующей полной свободой делать с моими вещами всё, что угодно, – но только не возвращения денег. Он-то видел, что я всё понял, – эта простенькая «разводка» и была рассчитана на доведение человека до исступления наглым отрицанием очевидных вещей с последующим переходом к агрессивным действиям, когда он потеряет чувство здравого смысла и окажется во власти одних только эмоций. Всё это он прекрасно видел, но в его узком лобике не могло уместиться, что человек откажется доказывать очевидное, а пожертвует полученными деньгами. Как будто я в шахматной партии просто зевнул и даром отдал фигуру.

Действия мои были столь естественны и неожиданны, что противник в замешательстве принял предложенную в жертву фигуру – взял деньги, ничего не сказав мне в ответ. Вслед за этим я протиснулся между тесно стоящими на палубе плашкоута машинами к передней дверце моего автобуса и, открыв её, мягко отодвинул ею стоящего вплотную Джона, а затем влез на водительское сиденье.

– погоди, ты что же... – недоумённо начал он, явно уже видя себя на этом месте и берясь за ручку моей дверцы.

Но я пресёк его действия разумной в этой ситуации фразой:

– Да ведь уже к берегу подходим, машину надо выводить!..

К этому времени его дружки вместе с тем, который бесплатно получил от меня подарок – пару японских колёс, – куда-то исчезли, и Джон остался один против моего нагруженного под завязку автобуса. Как бы ища их поддержки, метнулся он куда-то за него. В этот момент я совершенно отчётливо понял, что если сейчас позволю ему сесть в машину, на что он явно рассчитывал, то пропаду. Поэтому я решительно закрыл окно и защёлкнул замок на водительской дверце – остальные двери были заблокированы уже давно.

Тут около машины снова появился Джон, к счастью, опять один. Как будто его нет и в помине, я вставил ключ в замок зажигания и деловито поправил зеркало заднего обзора, хотя автобус был заполнен до такой степени, что ничего, кроме набитых в салон вещей, через него увидеть было невозможно. Но это было чисто нервное – сердце моё отчаянно колотилось, а руки увлажнились от пота и сильно дрожали. Наступила важная минута всего действия. Я прекрасно видел, что он хочет попасть в машину, но, к великому счастью, вещей в ней было столько, что оставалось свободным только одно место – место водителя, которое уже занял я, пока ещё владелец автомобиля. Да и на нём тесно было настолько, что я постоянно чувствовал левым плечом подпирающие меня вещи с соседнего сиденья. Так что единственное, что он мог сделать, это каким-то образом занять водительское место, выманив меня из машины. Он попытался открыть дверцу, но она была надёжно заперта. Тут я сделал вид, что заметил его, и вопросительно качнул вверх головой, дескать, в чём дело?

– Ты сам-то выведешь автобус? – прокричал Джон сквозь монотонный гул дизеля паромы и начавшие грохотать двигатели стоящих на нём автомашин. – Выведешь или помочь?

Я невозмутимо оторвал руки от руля и повернул их обеими ладонями к нему, мол, с эти справлюсь и сам.

– Ты, это... как съедешь с парома, сразу в сторону отъезжай, – снова прокричал Джон, видимо смирившись с тем, что на плашкоуте меня из машины не выкурить и придётся все отложить до берега. – Мы тебя там будем ждать!

Я утвердительно кивнул в ответ и запустил двигатель. Джон махнул мне рукой, криво улыбнулся и побежал к своим. Эта атака была успешно отбита, но оставалось самое главное и трудное, что ждало меня на берегу. Как в крепости, сидел я в своей машине, закупоренный со всех сторон, и мучительно искал выход из создавшегося положения.

Мы уже причалили.

Бандиты не сомневались в успешном завершении операции с моей машиной. Думаю, их в этом укрепило спокойное моё расставание с несчастными колёсами из каюты и отсутствие у меня водительских прав. Поэтому они так легко и оставили меня в покое. Но это было только до берега. Что начнётся там, я себе представлял лишь в общих чертах. Я прекрасно знал, что у них всё схвачено и в таможенной службе, так что оформить на любое имя отнятую у моряка машину – дело техники и некоторых денег. И ничего и никому потом не докажешь.

Вновь вступив с ними в переговоры на берегу, я был бы обречён.

«Да, у меня нет шансов, если я пойду у них на поводу и действительно остановлюсь, выехав с парома, – судорожно думал я, пока первые машины уже покидали его. – Но я же сижу в своей машине, у которой уже включён двигатель и которую я хоть как-то, но могу вести! До моего дома совсем недалеко, и почему бы мне не попытаться уехать самому? Это же единственный мой шанс. Да, прав у меня нет, но если остановит милиция – это же будет спасением от погони мафии!»

То, что в случае моего бегства погоня будет, я нисколько не сомневался. Разве могут бандиты просто так отпустить добычу, которая уже была в их руках?!

«...Хуже будет, если вдруг машина заглохнет, что вполне возможно во Владивостоке, с его спусками и подъёмами, но лучше об этом не думать... И потом, мне же больше ничего не остаётся делать... Так что будь что будет, и – вперёд!»

Итак, я решился. И как только стоящая передо мной машина двинулась вперед, я тоже тронулся с места. Я уже практиковался в вождении своего автобуса на пирсе в Японии: опробовал там все скорости, кроме пятой, в том числе и заднюю – но, естественно, не чувствовал ещё его габаритов. Однако, съезжая со стланей плашкоута, я почему-то вовсе не беспокоился, что могу кого-то или что-то задеть. Гораздо больше меня волновала проблема выезда на центральную улицу города – Ленинскую, которая ждала меня буквально через двести метров от морского вокзала и до которой нужно было ехать в приличную горку.

– Только бы не было машин на Ленинской, только бы не пришлось останавливаться там, – мелькало у меня в голове, пока я выезжал на площадь перед пирсом и, переключаясь на вторую, а затем и на третью передачи, набирал скорость, – в горку я вряд ли тронусь и наверняка заглохну!

Мне некогда было думать о бандитах, покинувших паром чуть раньше и где-то тут поджидавших меня, – я целиком был занят машиной и дорогой перед собой. Но решимость у меня была такая отчаянная, что от неё буквально звенело в голове (наверное, именно с такими ощущениями идут бойцы в последнюю, смертельную атаку на врага), и, встань кто-либо из них на моём пути, я, наверное, сбил бы его, не останавливаясь. К счастью, мафии нигде впереди не было видно, а смотреть куда-то вбок, тем более что назад я просто не мог, – только вперёд.

Совсем рядом с морским вокзалом, параллельно береговой линии проходила одноколейная железная дорога, и через неё существовало два переезда: старый, совершенно разбитый, которым никто давно не пользовался, и действующий новый. Совершенно ошалев от всей этой шокирующей ситуации и посетившей меня отчаянной решимости, от ожидания возможной погони и преодоления ждущего меня сложного перекрёстка, я начисто забыл об этом. Сразу бросился к старому переезду и заметил выросшие передо мной голые рельсы без каких бы то ни было переездных мостков, набрав уже вполне приличную скорость. Тормозить я не мог из-за навязчивой мысли о возможном преследовании. Потому, увидев эти рельсы и сильно напугавшись возможной аварийной задержкой, не только не сбавил скорости, а, наоборот, нажал на газ. И заложил такой вираж, что автобус сильно накренился, а на меня полетела лежавшая поверх прочих вещей на соседнем сиденье стиральная машина. Раздался какой-то визг или скрежет (то ли амортизаторов, то ли доставшего до асфальта из-за сильного крена корпуса машины), но я, не сбавляя скорости, правой рукой сумасшедше маневрируя рулём, а левой – отбиваясь от навалившейся стиралки, уже через пару секунд выскочил на нормальный переезд и, не помня как, взлетел по крутому подъёму к выезду на центральную улицу.

Видимо, звезда удачи была в этот затухающий осенний день со мной – машин, препятствующих повороту на Ленинскую улицу, не было, и, не останавливаясь на опасном подъёме, я понёсся дальше по сумеречному Владивостоку.

Презабавная это была картина со стороны: микроавтобус без номеров, доверху забитый колёсами и прочим барахлом, а на стиснутом со всех сторон водительском месте с периодически падающей на голову стиральной машиной сидит человек с безумным взглядом и гонит его через центр города. Несколько раз я позволил себе оторваться от дороги впереди и посмотреть в боковое зеркало назад – ничего, напоминающего погоню, там не было. Но я всё равно скорости не сбавлял. К счастью, не попалась мне на пути и ГАИ.

Благополучно приближаясь к дому, я вдруг вспомнил, что на обратном пути из Японии отдал моему соседу по каюте, который потом меня преспокойно заложил своим дружкам, визитную карточку. На ней были мой домашний телефон и даже адрес, так что, обзлѐнные этакой дерзостью и исчезновением своей жертвы, бандиты запросто могли нагряться и домой. Час от часу не легче! Потому вместо дома повернул на автостоянку, которую содержал знакомый армянин, тоже занимающийся автомобильным бизнесом. Несколько месяцев назад я познакомился с ним, поскольку по рекомендации товарища брал анонимное интервью о его бизнесе для своей статьи. Теперь это знакомство очень пригодилось.

– Чего надо? – вылезая из своей тёплой будки и лениво позѐвывая, спросил меня охранник на въезде.

– Да вот, привѐз машину из Японии и договаривался с Артуром, что поставлю её временно у него.

– А... если Артур в курсе, то заезжай. Вон – место свободное, туда и ставь.

– Понимаешь, меня никто не встретил в порту, накатили какие-то ребята, – осторожно начал я свою большую тему, – едва ушёл. Здесь машину не опасно оставить? Они ведь могли выследить меня.

– Ты что? Это же наша территория. Пусть только посмеют сунуться, – он улыбнулся улыбкой человека, на все сто уверенного в своих силах.

После насыщенного ужасными переживаниями дня и моего стремительного броска через центр города его невозмутимость и полное спокойствие вокруг подействовали на меня подобно жарко натопленной комнате, в которую попадаешь со страшного холода, где ты уже перестал чувствовать конечности. Я вышел из машины и вдруг ощутил такую слабость, что ноги у меня

подкосились и я чуть не упал около собственного микроавтобуса. Вести его я уже не мог даже несколько метров до указанного стояночного места, как не мог представить, что лихо промчался за рулём через центр Владивостока. Потому, испытывая вдобавок ко всему ещё и внезапно накатившую тошноту, я попросил охранника сесть за руль и поставить машину на место. А сам, пошатываясь и не веря ещё в благополучное спасение, пошёл к друзьям, которые и должны были меня встречать. Задать им несколько «дружеских» вопросов и решить, что делать дальше.

Позже, придя в себя от всего пережитого, – когда мои знакомые выслушали от меня не только подробности этой эпопеи, но и всё, что я о них думаю, а потом мы выпили не одну рюмку за моё счастливое избавление и скорейшее снятие стресса, – я вместе с ними тщательно проанализировал всё происшедшее со мной. Мы пришли к выводу, что в сложившейся для меня экстремальной ситуации было, по сути, два узловых момента, каждый из которых мог существенно изменить весь дальнейший ход событий. Первый – когда я дал слабину и при навязчивом прессинге мафии показал, что чего-то боюсь, и поэтому не слишком возражал против продажи им своей привезённой машины. Это мгновенно ужесточило отношение ко мне и фактически упрочило уверенность бандитов в благополучном для них исходе дела. Прояви я в этой ситуации большую несгибаемость и твёрдую решительность ни при каких обстоятельствах не продавать свой автобус – ну походили бы они вокруг, ну поугадили бы меня всеми известными им способами, но на открытый разбой в присутствии большого числа людей на судне и на берегу вряд ли решились бы – в конце концов меня оставили бы в покое. Второй – эпизод с продажей одному из бандитов автомобильных колёс. Вернее, момент, когда, поняв, что меня откровенно надувают и втягивают в чреватые последствиями и очень выгодные этим людям выяснения денежных отношений, я сделал интуитивно очень сильный ход. Просто отдал требуемые деньги, то есть фактически подарил своё имущество. Но тем самым я психологически пошёл по нестандартному для них пути – фактически разорвал наработанный и не раз уже, видимо удачно опробованный ими сценарий, выбил у них из рук проверенное, удачно срабатывающее оружие.

Всё это лишний раз говорит о том, что в критических ситуациях, чреватых возможными потерями, разумнее в нужный момент пожертвовать чем-то сравнительно небольшим, чтобы спасти в итоге более существенное. Как инстинктивно делает это уже знакомая нам ящерица, отбрасывая, отдавая хищнику в момент опасности для жизни свой хвост и спасая таким образом свою жизнь.

Глава 7. Детсад мятущейся души

В длинной и разнообразной, как сама жизнь, череде экстремальных ситуаций, в которых оказывается человек, совершенно особое место занимают те, что связаны с вопросами взаимоотношения людей. Особенно в семье, и в первую очередь между мужчиной и женщиной. Оно и понятно – всё тут вертится вокруг главного смысла существования всего живого вообще и человека в частности. Вокруг продолжения рода. Однако эта проблема, ясно и очень просто решаемая в животном мире, в человеческой среде вдруг приобретает такие трагикомические, фантазмагорические и запутанные формы, вызывает порой

столь серьёзные потрясения как отдельного человека, так и всего общества, что невольно начинаешь сомневаться в нашем происхождении от животных.

– Я виноват перед тобой, Таня. Серьёзно виноват. Прекрасно понимаю, что тебе тяжело будет всё узнать, но, поверь, и мне невыносимо тяжело. И я не мог просто исчезнуть из твоего мира – это было бы подло и не по-человечески после всего того, что было между нами. Как ни тяжело это для нас обоих, я должен это тебе сказать: я женюсь!..

Когда возлюбленный Татьяны Андреевны сообщил ей такую новость – это не было для неё громом среди ясного неба. Что могла она, пятидесятилетняя женщина, требовать от мужчины, которому не исполнилось ещё и тридцати, к которому, кроме настоящей женской любви, она испытывала и материнскую теплоту, нежность?! Познакомились они шесть лет назад. Виделись нечасто, поскольку жили в разных городах, но много переписывались и определённо были нужны друг другу. Она, потерявшая в сорок лет мужа и живущая со взрослой дочерью, остро нуждалась в любимом. Эпизодически за десять лет встречалась с несколькими мужчинами, но ни в ком из них по-настоящему любимого так и не нашла. И он, которого за год до их встречи бросила жена, конечно же имевший за этот короткий срок не одну любовницу, судя по всему, нуждался в ней ещё больше, чем она. Впрочем, что тут сравнивать? Они оба любили, и им было хорошо вместе.

Татьяна Андреевна, доцент одного из вузов столицы, была неглупой женщиной и прекрасно понимала, что такие отношения вечно продолжаться не могут. Что такая разница в возрасте вряд ли может способствовать долгим любовным отношениям, а уж тем более – семейным отношениям. Понимала, что у него будет своя семья, другие, не связанные с ней заботы. Понимала, что на правах более опытного в житейском смысле и ответственного человека должна сама поставить точку, но... ничего не могла с собой поделать. Илья был для неё всем, и она всячески отодвигала решительное объяснение. Не могла лишиться двух людей радости любви, но готовилась к самому тяжёлому. И вот этот момент настал, и настал не по её инициативе.

– Что же тут ещё говорить? – ответила она на ожидаемое, но такое страшное признание любимого. – Я давно готова к этому, и ты ни в чём не виноват, мой милый. Таков закон нашей жизни. Ты не можешь быть со мной вечно, хотя знаю, ещё любишь меня...

Она понимала, что и для него этот разрыв очень тяжёл, и потому сделала всё, чтобы финал их любви не был ему слишком мучителен. Ни в чём его не укоряла, а, наоборот, мудро разъясняла ситуацию. А сама... Конечно, ей было

больно. И даже очень больно. И, наверное, чтобы легче перенести эту невыносимую боль, можно было бы разрыдаться, устроить сцену или закатить истерику, как сделали бы многие женщины в подобной ситуации. Но Татьяна Андреевна ещё и сильно любила, и любовь её была очень жертвенной. Сильнее, чем собственная обида или боль, её беспокоило спокойствие любимого человека, а что будет дальше – это будет потом, и зачем об этом думать сейчас? В общем, она, как говорится, держала себя в руках.

Он уехал в свой город, а она осталась одна, без него – без любимого человека. Осталась наедине с чудесными воспоминаниями, со своей живой пока любовью и острым чувством невосполнимой потери. Татьяна Андреевна была ещё и сильной женщиной – так наверняка сказал бы о ней каждый её сослуживец или просто знакомый. Потому её лекции в институте были по-прежнему «на уровне». Коллеги не видели на её глазах даже следов слёз, которые она проливали тайком. Она улыбалась друзьям. И только дочь знала, как сильно переживает мать, и... осуждала её за мягкотелость, за «вредный для здоровья любовный роман».

Прошло время, которое вроде бы способно излечить от чего угодно, и Татьяна Андреевна поняла, что переоценила свои силы. Сначала это отразилось на работе – она начала ошибаться перед студентами и всячески сторониться коллег. Потом её стали утомлять знакомые. Лишь дочь оставалась ещё ниточкой, связывающей, вернее, хоть как-то привязывающей её к действительности. Но у дочери уже была своя жизнь, свои проблемы. Она не могла понять всего горя родного человека и редко бывала дома.

– Я не могу, не могу без него жить, – отчётливо поняла Татьяна Андреевна в один из холодных декабрьских вечеров, через несколько месяцев после разрыва. – Все эти дела, заботы, обязанности – пустая, совершенно ненужная мне суета. Все они не стоят и короткой встречи с Ильёй. А у меня теперь не будет ни одной! И дочери я, видимо, не очень-то нужна. Зачем тогда жить?

Было уже очень поздно. Дочь, которая обещала прийти ещё четыре часа назад, всё не возвращалась. Чувство тревоги и какой-то липкой, обволакивающей безысходности нарастало. Постепенно всё вокруг превратилось в некий безразличный дым, от которого хотелось куда-нибудь уйти, освободиться любой ценой. В этом необъяснимом тумане-дыму, плохо соображая, что же она делает, Татьяна Андреевна наполнила горячей водой ванну. Затем разделась, взяла в руки остро отточенный скальпель, который всегда находился у неё на письменном столе и в последнее время почему-то особенно часто попадался на глаза. Не ощущая обжигающей тело воды, легла в белую чашу и полосонула

себя несколько раз по венам обеих рук. Вскоре этот отвратительный облепляющий её туман начал наконец отступать, а она – погружаться в сладкое, успокаивающее небытие...

Её спасла дочь, которая пришла домой через несколько минут после происшедшего. Два дня врачи в институте Склифосовского боролись за жизнь Татьяны Андреевны. Всё это время она находилась на грани. А когда наконец пришла в себя, то первое, что сказала: «Зачем меня спасли? Я всё равно не буду жить. Я не хочу жить!»

«Психологический кризис личности» – так называют специалисты особое, патологическое состояние духовного мира человека, попавшего в подобную ситуацию. Этот термин появился у психиатров, а затем и у психологов сравнительно недавно – примерно с шестидесятых годов двадцатого века. Каждый из нас сталкивается на протяжении своей жизни с различными проблемами: маленькими и глобальными, внезапными и прогнозируемыми, чаще всего неприятными и потому нежелательными. Попав в подобную ситуацию, человек старается поскорее её разрешить, освободиться от давящей ноши, чтобы идти дальше к своим целям, попадая в новые жизненные ловушки и снова вырываясь из них. И так далее, и так далее – это и есть наша жизнь, прекрасная и отвратительная, отталкивающая и влекущая одновременно. Однако не всякая сложная ситуация и не всяким человеком может быть преодолена. Случается, что имеющихся на вооружении личности способов разрешения проблемы, приспособления к ней не хватает. Человек и так, и этак пытается взять жизненный бастион, но тот не поддаётся. И вот уже опускаются руки, появляется чувство безысходности, тоски, тревоги.

Вот ведь как хорошо животным! Они, конечно же, тоже сталкиваются с ситуациями различной сложности (что поделать – таков общий закон существования!) и тоже по-своему вынуждены их решать, но у них большей частью всё происходит на уровне инстинктов – простых поведенческих законов. Чаще всего по принципу «воздействие-ответ», когда определённый внешний раздражитель вызывает и соответствующую форму ответного действия. Хотя, конечно, зоопсихологи не склонны так упрощать поведение братьев наших меньших.

Полная неразбериха и вообще чёрт знает что начинается именно в социальной среде, то есть в человеческом обществе. Что и говорить, дорого платит Homo Sapiens за уникальную для живого мира особенность иметь разум, абстрактное мышление, духовную жизнь. Расплачиваться приходится и физическими, и душевными муками. Важнейшее условие появления психологического кризиса

– невозможность разрешения возникшей личной проблемы, которая объясняется как особенностями психики данного человека, так и сложностью обстоятельств. Известные ему и с успехом применяемые раньше способы преодоления сложной жизненной ситуации, увы, не помогают. Тяжёлая ситуация действует буквально на всё: на мысли и дела, на аппетит и сон, на сердце и желудок. А ведь нужно не только бороться с возникшей проблемой. Нужно ходить на работу, наводить порядок дома, воспитывать детей, ухаживать за больными – нужно жить! На всё это тоже необходимы силы. И не только физические. А они почти все уходят на тяжёлые переживания сложившейся неразрешимой ситуации, её обдумывание и мучительные поиски выхода. Специалисты утверждают, что, как правило, в течение одной – шести недель человек всё же справляется – либо самостоятельно, либо благодаря своему окружению, либо при помощи психиатров или психотерапевтов. Такой исход, помимо снятия болезненного напряжения, имеет ещё и великое профилактическое значение, поскольку повышает устойчивость личности, как бы закаляет психологически.

Плохо, если этого не происходит. Травмирующая ситуация продолжает своё дело, силы уже на исходе. Человек устаёт мучиться, но и просто отвернуться от ситуации не в состоянии. Приближается развязка. Кто-то, дойдя «до ручки», хватается попавшиеся на глаза необходимые вещи и натурально бежит от ситуации куда подальше – на край света, – лишь бы избавиться от этой непроходящей муки, забыться в другой обстановке. Но, как правило, это не помогает. От себя не убежишь. Казалось бы брошенная далеко-далеко, проблема настигает человека даже на краю света, порой в ином обличье, и всё начинается сначала. Другие не способны на столь решительные действия, но находят иной способ. Они перекладывают свои страдания на окружающих, изводя их постоянными жалобами, упрёками, недовольствами, а то и беспочвенными обвинениями. В общем, активно мешают другим, да и себе мало чем помогают. Возможна и пассивная форма существования в кризисе, когда человек замыкается в себе, продолжает всё более и более погружаться в собственные проблемы и печали, постепенно утрачивая интерес к действительности, деградируя как личность. И самый тяжёлый исход – решение покончить с жизнью как с источником невыносимых страданий, когда в ход идут лекарства, верёвка, бритва или рельсы поезда.

Именно это и случилось с Татьяной Андреевной. С диагнозом «психологический кризис личности» её перевели в необычное медицинское учреждение, расположенное в одной из московских больниц, – так называемый «кризисный стационар».

Этой волнующей и малоизвестной у нас темой самоубийств я заинтересовался в середине восьмидесятых годов двадцатого века. В то время сия проблема, как и многие другие, могущие кинуть хоть какую-то тень на самый «человечный» коммунистический строй, в нашей стране будто бы отсутствовала для простых смертных и, оставаясь практически секретной, была доступна лишь узкому кругу специалистов. Это несмотря на то, что по числу суицидов на душу населения Советский Союз по меньшей мере не уступал большинству стран мира. Наши граждане с удивительным постоянством вешались, травились, резались, стрелялись по разным причинам, но всё равно случаи эти оставались табу для прессы, и только на закрытых совещаниях в учреждениях УВД, психиатрических клиниках и кафедрах истина просачивалась на божий свет.

Меня к этой теме влекла не секретность, а желание найти ответ на вопрос, имеющий отношение и к биологии, и к психологии, и к социологии, и даже к философии. Что же такое добровольный уход из жизни: сила или слабость? В поисках ответа я встретился и переговорил со многими специалистами, имеющими к этой проблеме отношение.

В том числе совершил некоторый экскурс в мир животных. И с удивлением узнал, что, кроме сообщений о массовых выбросах на берег и гибели таким образом некоторых морских млекопитающих да рассказов таёжников о «самоубийствах» бурундуков из-за якобы разорённых медведями приготовленных ими на зиму кладовых с орехами, никаких иных сведений о «суицидах» братьев наших меньших не существует. Но в первом случае дело, судя по всему, не в добровольном расставании морских млекопитающих с жизнью, а в каких-то нарушениях у них системы эхолокации или ориентации по магнитному полю Земли. А во втором – бурундуки, которых охотники находили зажатыми в развилках веток деревьев, были, скорее всего, жертвами каких-то хищников. Подобным образом делают заготовки про запас и некоторые птицы: например, сорокопуд-жулан запасает для себя насекомых или мелких земноводных и рептилий, накалывая их на острые сучки деревьев. Так что животные оказались не подвержены этому противоестественному для жизни заболеванию.

Поговорил с психиатрами и сотрудниками УВД, немного познакомился со страшной статистикой из этой тщательно скрываемой области жизни нашей страны, ужаснулся ей. И в конце концов добрался до единственного в Советском Союзе медицинского учреждения, в официальном названии которого хотя и не было слова «самоубийство», но предназначено оно было именно для работы с людьми, совершившими суицидальные попытки или потенциально готовыми к ним.

– Куда идёте? – всякий раз спрашивала санитарка, когда кто-то входил в этот больничный корпус одной из рядовых московских клиник.

– В кризисное, – этот короткий ответ заставлял её почтительно и понимающе отступать, пропуская идущего даже в то время, когда в другие отделения вход посетителям был запрещён.

Всё здесь было необычно, непонятно и даже странно. Стационар открытый – это означает для пациентов возможность с ведома врача отлучаться отсюда днём по своим делам. В отделении не носят больничной одежды, а врачи и психологи, работающие здесь, – без привычных белых халатов. Интерьер стационара отличается мягкой комфортной мебелью, на полу – пушистый палас, а уютный холл кроме цветного телевизора украшал ещё такой непривычный для больницы аксессуар культуры, как пианино. Мужчины и женщины в одном отделении. Одним словом, вроде бы больничное заведение, но совсем не больничная в нём обстановка.

Когда я впервые попал туда, то был немало удивлён, заметив в холле странный хоровод из взрослых людей. Звучала музыка, и пациенты отделения, образовав два (один в другом) круга и взявшись за руки, двигались в противоположных направлениях. Как только музыка прерывалась, они тоже останавливались, и оказавшиеся напротив люди из внутреннего и внешнего кругов застывали и неотрывно смотрели в глаза друг другу. Эта игра в переглядки продолжалась минуты полторы, после чего опять возникала музыка, и необычный хоровод продолжал движение. При следующей паузе, помимо игры в переглядки, они ещё и возлагали одну руку на плечо партнера, а другой нежно обнимали его за талию.

– Что это? – с некоторым даже испугом подумал я тогда. – Детский сад для взрослых или какой-то ритуальный танец, взятый на вооружение местным массовиком-затейником?

Позже, от психолога, «водившего» этот хоровод, я узнал, что стал свидетелем начального этапа так называемого «ролевого тренинга». На последующих стадиях он и вовсе превращался в маленький театр. Правда, в отличие от настоящего театра здесь пациентам давалась только тема спектакля, который они должны разыграть, исходя из собственного понимания ролей главных героев. Эта тема и роли совершенно не связаны с приведшими их в кризисное отделение ситуациями. Они должны почувствовать себя в чужих шкурах при решении серьёзных житейских проблем – вот в чём основной смысл.

Ну, например, задается тема «Родители и дети», порождающая, как известно, немало конфликтных и даже экстремальных ситуаций в семьях. Такая микросценка: дочь приходит домой и сообщает матери, что уезжает на юг отдыхать с неизвестным маме мужчиной. Назначаются «мать» и «дочь» из присутствующих на занятии, и им предлагается довести ситуацию до логического конца. Её развитие идёт в соответствии с характерами «актёров». Нет абсолютно никакой режиссуры! Каждый в данной ему роли играет самого себя. Хотя в микросцене и участвуют 2–4 человека, но активно присутствуют все. Иногда участники меняются ролями по несколько раз, и ситуация может развиваться в совершенно непредсказуемых направлениях. Так происходит совершенствование и восстановление (иногда даже обучение) способности к контактам, отработка социальных навыков и принципов нормальных взаимоотношений. Тем много: «Ссоры по пустякам», «Любовные отношения», «Этический конфликт» и тому подобное – так же много, как много их в нашей повседневной жизни.

Психологическому кризису подвержены почти все возрасты, все профессии. Тут можно было встретить людей от 17 до 70 лет, рабочих и учёных, домохозяйек и композиторов. Практически все они, попав сюда, проходят тщательное психологическое обследование с помощью всевозможных тестов и методик, и врач-психотерапевт в дальнейшей своей работе с пациентом обязательно пользуется выводами и рекомендациями психологов. Иногда для выяснения каких-то конкретных черт психики пациента тестирование проводится специально по заданию врача.

Перед наукой о психике тут ставят задачу определить характер и особенности каждой попавшей в кризисное состояние личности. А разнообразный набор тестов до начала лечения открывает специалистам бессознательные моменты в мышлении и действиях того или иного человека, выявляет, что он неосознанно скрывает от других, а порой и от самого себя. И затем уже психотерапевты с учётом этих обследований берутся за пациентов с помощью своих методик: рациональной и групповой психотерапии, гипноза, аутогенной тренировки, занятий в группах социально-психологического тренинга. О каждой из них и многих других, применяемых к людям, шагнувшим к опасной черте, написаны целые книги. Главное, что достигается таким массивным воздействием на пациента кризисного стационара, – вывод его из опасного психологического состояния и освобождение от мыслей о самоубийстве, если они присутствуют. В общем, оказавшийся в кризисном отделении человек с первого же дня попадает в такую психотерапевтическую паутину, плетущуюся вокруг него ежедневно и ежечасно. Путь к возвращению в нормальную жизнь состоит не только из работы с психологами, бесед с врачами и занятий в специальных группах. Само

пребывание в обществе людей, каждый из которых испытал схожее с твоим, а возможно, и более сильное потрясение, заставляет, как правило, иначе взглянуть на собственные проблемы. И впрямь, уникален ли и так ли катастрофичен для покинутой жены уход мужа после пяти лет семейной жизни рядом с потерей немолодой уже женщиной единственного близкого ей человека – сына?

Погрузившись в интригующую и наполовину закрытую тему кризисных психологических состояний человека, я много раз бывал в этом отделении. Наблюдал за работой врачей и психологов. Разговаривал с пациентами. Постепенно начинал понимать то, что поначалу было выше моего разумения. Но, всякий раз уходя отсюда, я испытывал какое-то гнетущее ощущение – чувство сильной душевной усталости и опустошённости. Из всех вопросов, которые ставило передо мной явление, условно называемое мною «кризисный стационар», этот был самым сложным. Я чувствовал, что здесь кроется ключ ко всем остальным загадкам, но всякий раз, когда казалось, вот он – ответ, разгадка ускользала от меня. Кто они, эти люди, оказавшиеся у самой последней черты или за шаг до неё? Что объединяет их, таких разных по положению, характеру, профессии и возрасту? Есть ли оно – это объединяющее?

Когда я только узнал о существовании единственного в нашей стране подобного учреждения и послушал рассказы о нём, то был совершенно уверен, что лежат здесь исключительно люди, вынутые из петли, спасённые от отравления лекарствами или газом, – в общем, возвращённые к жизни после неудавшегося суицида. Шёл сюда с особым волнением и даже с опаской: ведь они шагнули фактически за черту, недоступную многим остальным смертным, и должны быть какими-то необычными. И сильно удивился, обнаружив здесь практически таких же людей, которые окружают меня на работе, дома, на улице. Они весело разговаривали у окон, поджидая родных и знакомых, курили сигареты, дружно пили в палате чай с вареньем и пирожными, читали книги и писали письма. Откуда такое несоответствие? Или, может, глубокий психологический кризис не проявляется внешне? В чём же тогда он проявляется?

Причины, ввергшие подавляющее большинство пациентов в это состояние и приведшие их в кризисное отделение, сводятся к одному понятию. Утрате. Это может быть потеря близкого человека – смерть родственника, уход любимого. Причиной психологического кризиса может также стать серьёзная переоценка какого-то элемента личностной сферы, разочарование, неоправдавшееся ожидание. Или даже ожидаемая или потенциальная утрата того же порядка. Для возникновения психологического кризиса важна не потеря или боязнь потери сама по себе, а её значение для конкретного человека. Как говорят психологи,

«её личностный смысл». Страшное и немыслимое для одного может оказаться вполне ординарным и естественным для другого. Это, кстати, активно используют врачи, когда помогают пациенту правильно оценить травмирующее событие, изменить отношение к нему.

Любопытная статистика: более двух третей пациентов отделения составляли женщины, испытывающие тяжёлые потрясения в личной жизни – потерявшие мужей, возлюбленных или теряющие их. Даже у тех, которые смертельно страдали от одиночества и по этой причине попадали сюда, на поверку главной травмирующей ситуацией тоже оказывался разрыв с женщиной. А невыносимое одиночество – только следствие подобных ситуаций. Круг кризисных ситуаций, возникающих на этой благодатной почве, чрезвычайно широк и ярок. Это легко объяснить: сколько людей, характеров, столько и столкновений, особенностей переживания их. Однако по сути почти всё сводится к одному – «мужчина и женщина»! Иные ситуации потрясают своей остротой, а есть и такие, что вызывают со стороны лишь улыбку, хотя участвующим в них людям чаще всего не до смеха.

Элле Константиновне грех было жаловаться на свои семейные проблемы. В доме царил достаток, а добрые отношения супругов друг к другу кое у кого вызывали зависть. Муж готовился к защите докторской диссертации и много работал. Так много, что работа, видимо, отнимала у него и душевные, и физические силы. Естественно, он стал меньше внимания уделять жене. Как в обычной жизни, так и в постели. Казалось бы, чего тут страшного – временное явление и надо только это понять? Но женщине такая перемена в муже показалась очень подозрительной, и в скором времени она окончательно уверилась в мысли, что муж любит другую и уже не верен ей. Вместо того чтобы во всём разобраться с мужем, объяснить свои сомнения и разрешить их вместе, она, наоборот, зажалась в своих подозрениях, всё более и более распаляя воображение и нагнетая страсти. В конце концов сладкое и острое одновременно чувство справедливой мести полностью охватило её, застав глаза и разум. Во власти этого чувства, сама себя не помня, она сблизилась с мужчиной, который был ей, в общем-то, безразличен. Между супругами возник тяжёлый затяжной конфликт, не дававший жизни ни готовящему диссертацию мужу, ни согрешившей жене. Семья оказалась на грани распада. Они вынуждены были обратиться к помощи специалистов в кабинет социально-психологической помощи. Там всю ситуацию, шаг за шагом, раскрутили перед обоими, и когда до Эллы Константиновны окончательно дошло, что муж верен ей, а его невнимание объясняется исключительно тяжёлой работой, то её месть была совершенно необоснованной, – у неё развился глубокий психологический кризис. Так она попала в кризисный стационар.

Калейдоскоп ситуаций, приведших сюда людей за помощью, необыкновенен, как и вся наша жизнь. Знакомьтесь с историями оказавшихся здесь женщин,

изучая и сравнивая их детали, не переставал я удивляться человеческой изобретательности в области испытывания мук, страданий на почве взаимоотношения полов. Ну а что же мужчины? Какой для них возможен выход из тяжёлых психологических кризисов, вытекающих из отношений с женщиной, в которые они попадают порой не по своей вине?

Конечно, у представителей сильного пола арсенал выхода из стрессовых ситуаций, которых одаряет человека жизнь, побольше. Рыбалка и вино, спорт и визит к подруге, разнообразные лекарства и концентрация на служебных делах, но они не всегда срабатывают. Как показал опыт работы кризисного отделения, бывают ситуации, когда этих известных средств исцеления мужчинам не хватает. И сильный пол тоже оказывается подвержен психологическим кризисам. Сравнительно немногочисленный мужской контингент кризисного отделения оказался довольно-таки типичен и подтверждал очевидное противоречие: лидеры в профессиональной сфере, умницы и личности на службе, мужчины эти скисают, попав в первую же серьёзную бурю семейных отношений, возникшую нередко по их же вине. Они теряют решительность, твёрдость, трезвость мышления и доходят порой «до самой точки», то есть нуждаются в серьёзной помощи в стенах специализированного стационара. Ох и повидали же сотрудники кризисного стационара за недолгое время своего существования! Порой на них накатывали настоящие семейные волны пациентов.

Так, лежала в стационаре женщина по поводу тяжёлого семейного конфликта. Дело было в том, что муж этой женщины, сильный, уверенный в себе и весьма интересный человек, главной целью своей жизни поставил достижение полной независимости от окружающего мира с помощью совершенного овладения какой-то малоизвестной восточной гимнастикой. Ну задался человек такой необычной целью – что особенного? Лишь бы, как говорится, законов не нарушал, а гимнастика, в конце концов, много лучше водки. И наш герой, кажется, весьма преуспел в своём духовном продвижении. Так раскрепостился и освободился от всякой внешней зависимости, что совершенно спокойно жил с другой женщиной, а жена была для него духовным партнёром. Всё бы хорошо, но эта несчастная женщина очень любила его и от такого перехода своего мужа в область полной независимости оказалась близка к самоубийству. В кризисном отделении сделали всё, чтобы правильно скорректировать её жизненные установки, и в итоге освободили от тяжёлого бремени убивающих чувств. Выйдя из стационара, она уже более спокойно воспринимала происходящее с её мужем и через некоторое время наладила семейную жизнь... с другим мужчиной. Думаете, это и есть конец истории? Как бы не так!

Специалисты, выводящие людей из тяжёлых душевных кризисов, сами чуть не впали в кризис, когда через полтора года к ним попал первый муж этой женщины – тот самый поклонник восточной гимнастики и независимости от внешнего мира, – который заявил, что жить теперь без своей бывшей супруги не может, и умолял помочь ему преодолеть тяжелейший душевный кризис. Вот вам и восточная гимнастика и полная независимость! Сильно он удивил врачей, навидавшихся всякого, но и подтвердил своей историей непреложную истину бытия, высказанную давным-давно философом Гегелем о том, что в самом понятии свободы содержится понятие необходимости как снятое.

Конечно, легко судить со стороны, дескать, эта проблема очень тяжела, та – недостойна внимания, а кто-то вообще заслуживает осуждения за то, что привлекает к своим переживаниям чужое внимание, отвлекает врачей от более серьёзных дел. На практике всё выглядит несколько иначе, не так схематично. Каждый человек, будь то потерявший единственную дочь или переживающий разрыв с супругой, считает свою ситуацию самой тяжёлой на свете и способен на те или иные поступки в зависимости от переживаемых эмоций и особенностей характера. Оценить саму ситуацию и возможные действия этого человека, связанные с ней, может только опытный специалист – именно такие и работают в кризисном стационаре.

Чтобы лучше понять принципы их психотерапевтических действий, а заодно и увидеть, с чем специалистам порой приходится иметь дело, я рискнул собрать модный в журналистике, но в то же время несколько необычный круглый стол, за который усадил всех возможных действующих лиц. Необычность его заключается в заочности, или, как сейчас модно говорить, в виртуальности процесса, поскольку с каждым из участников пришлось разговаривать отдельно, но, сведённые вместе, их слова создают ощущение реальной дискуссии.

Автор. Как можно определить основные задачи врачей кризисного отделения при их работе с больными?

Психотерапевт. Прежде всего, мы не считаем попавших к нам людей больными. Даже после попытки самоубийства. Это нормальные люди, по разным причинам оказавшиеся в невыносимых жизненных ситуациях, из которых они сами не могут найти выхода. Главная наша цель – снизить до минимума риск добровольного ухода из жизни на этой почве и помочь обрести реальные точки опоры в дальнейшем существовании.

Автор. Интересно, а что ищут здесь сами пациенты?

Пациент (женщина, от которой ушёл муж). Помогите мне! Сделайте так, чтобы он вернулся. Я понимаю, что он подлец и негодяй, бросивший меня и ребёнка ради какой-то шлюхи, но я не могу без него жить...

Врач-психиатр. Мы не можем вернуть ушедшего человека – это глубочайшее заблуждение. Мы можем только научить, как себя вести в этой ситуации, чтобы не было столь невыносимо тяжело.

Психолог. К тому же зачем называть ушедшего мужа негодяем? Да, он ушёл от вас. Но он же не оставил сына – платит на него алименты, принимает участие в его воспитании. А любовь есть любовь... Попробуйте понять его. Посмотрите, с чем лежат у нас иные люди! Благодарите Бога, что ваш муж живой и здоровый и помогает сыну.

Пациент (та же женщина). Да я лучше каждый день буду носить цветы на его могилу и проливать там слёзы, чем раз в неделю представлять его в чужих объятиях! Если вы мне его не вернёте, не вызовете эту б..., не сообщите ему на работу – я покончу с собой!

Автор. Какое категоричное заявление... А быть может, тут всё наоборот и вовсе не ушедший от неё муж – плохой человек?

Врач-психиатр. Для врача нет плохих или хороших пациентов. У нас отсутствует оценочный подход. Надо помочь попавшему в беду человеку! Это мы и делаем с помощью всех имеющихся у нас разнообразных средств.

Автор. Любопытно, как? Неужели можно убедить человека в том, что он заранее не приемлет? Как это можно сделать, когда сама невозможность принятия позиции другого человека возведена у него в абсолют?

Врач-психиатр. Такой вариант – один из самых трудных. Но у нас есть свои секреты, профессиональные тайны, с помощью которых обычно удаётся справиться и с подобными ситуациями. Тут важно иметь в виду ещё вот что: чем эгоистичнее человек, чем больше у него асоциальных черт, тем больше шансов реагировать на тяжёлую ситуацию психологическим кризисом – озлоблением, невозможностью работать, апатией или агрессией и тому подобным.

Автор. Пребывание в весьма комфортных условиях кризисного отделения, где ещё и проводят различные занятия, успокаивающие, морально закаливающие и, позволю себе так выразиться, «наставляющие» мятущуюся душу человека на путь самоутверждения, само по себе, несомненно, даёт и отдых, и какое-то

отстранение от травмирующей его ситуации. Плюс ещё и активная созидательная работа специалистов по выводу человека из кризисного состояния. Но в конце-то концов человек выходит отсюда. Не исключено, что он снова попадёт в те же обстоятельства, что привели его сюда. Где гарантии, что его опять не поджидает психологический кризис?

Врач-психиатр. Бывают в жизни безумно сложные ситуации, связанные именно с обстоятельствами (они случаются с человеком один-два раза в жизни) – тут мы сравнительно легко справляемся. Однако чаще всё зависит не только от обстоятельств, но и от самого человека. Его характера, свойств личности, особенностей воспитания. Тогда оказание помощи даже в стационаре сильно затруднено.

Психолог. И тут нужна уже не только психотерапия, но и психокоррекция – некоторое изменение характера. Стирание одних черт и воспитание других. Даже в условиях оснащённого психотерапевтического кризисного отделения такую коррекцию провести очень сложно. Мы показываем пациенту лишь общее направление, в котором он должен работать над собой, и делаем с ним первые шаги на этом пути. А по возможности помогаем ему и после выписки. Для таких людей очень желателен постоянный контакт со специалистами, занимающимися психокоррекцией или психоанализом, – тогда возможность попадания в новое кризисное состояние будет сведена до минимума. К сожалению, такое в нашей стране мало кто может себе позволить...

Пытаясь осмыслить увиденное и услышанное в кризисном стационаре, вспомнил я вдруг занятную сказку, прочитанную в далёком детстве. Речь в ней шла о двух любопытных лягушках, забравшихся в погреб и свалившихся в крынку со сметаной. Вот барахтаются эти квакуши в жидком жирном месиве и никак не могут выбраться. Дёргались, дёргались и наконец начали выбиваться из сил. Тогда одна и говорит: «Чем так без пользы ногами дрыгать, не лучше ли сразу утонуть? Всё равно ведь погибнем, а так – мучений меньше». А вторая ей отвечает: «Поступай как знаешь, подружка, а я до последней минуты буду барахтаться – глядишь, чего-нибудь да получится...» Первая сказала – и сделала: лапки сложила, бульк на дно и утонула. Другая же лягушка упорно, из последних сил продолжала плавать в сметане, дергаясь всеми лапками. И взбила-таки из сметаны масло! Отдохнула на твёрдой опоре, набралась сил да выпрыгнула вон из западни. Ах, какая поучительная сказка, хотя в те годы ничего особенного я из неё не вынес! Но вот пригодилась она вдруг при разгадке кризисного стационара.

Побывал я как-то здесь на одном из занятий группы социально-психологического тренинга. Семь пациентов под руководством врача оживлённо и детально обсуждали проблему одного из присутствующих – проблему, приведшую его сюда. Обсуждали, не стесняясь ни друг друга, ни, естественно, ведущего занятия психолога, ни меня – неизвестного им человека. Порой обсуждение это было резким, противоречивым и громким – таков смысл методики. И вот, после окончания занятия, когда я уже уходил из отделения, ко мне подошёл молодой человек, чью проблему обсуждали несколько минут назад. Спросил, откуда я, поинтересовался и моей личной жизнью. Разговорились. И как-то незаметно разговор перешёл на его ситуацию. Он сокрушался, жаловался на свою жену, совершенно не понимавшую его. Говорил, как ему тяжело. Советовался, что ему делать дальше. Кажется, он нашёл во мне понятливого собеседника. Я тактично кивал головой и отвечал что-то сочувствующее.

– Вы ещё придете сюда? – спросил он, когда мы прощались.

– Конечно, – ответил я, сохраняя взятый с самого начала разговора понимающий тон. – Приду, и не раз. Это моя работа.

– Обязательно приходите, мы ещё с вами поговорим, – радостно отреагировал мой случайный собеседник и в приподнятом настроении пошёл в свою палату.

И опять знакомое чувство душевного гнёта охватило меня. Но теперь я понял его природу! Помог этот человек. Искренне делясь со мной своими очень личными и, видимо, очень значимыми для него переживаниями, он натолкнул на разгадку неразрешимой и мучившей меня доселе загадки кризисного стационара. Постоянная готовность выплеснуть на другого, в той или иной степени близкого к нему человека, груз своих личных проблем и переживаний – вот что угнетало меня здесь более всего! Когда это происходило при мне, но с работающими здесь специалистами, я испытывал лишь опосредованную неосознанную тяжесть. Но как только дело коснулось меня – тут уже всё стало куда конкретнее и понятнее! Быть может, то был естественный эффект пребывания в стационаре, результат работы с пациентами врачей и психологов? Не знаю. Но мне почему-то кажется, что совсем наоборот – подавляющее большинство оказавшихся здесь людей именно потому здесь и собрались, что предрасположены к этому.

Почему же так происходит? Один в тяжелейшей ситуации сжимает зубы и борется с обстоятельствами, переделывает окружение, себя, черпая силы лишь из собственных резервов, и в конечном итоге выходит победителем. А другой в тривиальнейшей и даже смешной проблеме запутывается, как в трёх соснах.

Подобно той лягушке быстро теряет силы и веру в них, готовый моментально схватиться за любую протянутую руку, активно ждёт эту руку помощи. Ведь нельзя же столь сложное явление объяснить так просто: этот слабый, а этот сильный? Тогда в чём тут дело?

А может, всё дело в том, что разучиваемся мы постепенно страдать? Страдать – в смысле переживать. Вслушаемся и вдумаемся в непростое и замечательное это слово: пе-ре-жи-вать! Оно ведь может означать примитивное, как можно более быстрое прохождение неприятного момента с последующим забыванием этой ситуации. А может означать и сложную моральную работу человека над собой, исходящую из сильнейшего побуждающего посыла, которое содержит это слово, само призывающее к действию. Пережить – значит, пройти через горнило страданий, очиститься, обрести в муках силу, веру и жить дальше.

Но многие понимают это слово только в смысле – испытывать тяжкие мучения, невыносимые для личности и... не оценённые, не поняты окружающими. Отсюда и всевозможные стрессы, психологические кризисы, приводящие в медицинские учреждения и, как крайняя степень воздействия развившегося кризиса, – суицидальные попытки. Я вовсе не утверждаю, что не существует ситуаций, в которых не обойтись без посторонней помощи и поддержки. Не только близких и знакомых, но и умелых специалистов. Такие ситуации, увы, бывают. Действительно, потерю единственного сына или дочери вряд ли можно с чем-то сравнить по остроте переживания и безысходности. То же – утрата супруга в возрасте, когда дети уже разлетелись по своим гнёздам, а родители остались одни и вроде бы они уже не у дел. Особого внимания заслуживают несовершеннолетние подростки, в силу определённых причин оказавшиеся в таком противоречии с окружающим миром, что у них возникает стойкое убеждение в несправедливости вообще всей жизни и, как следствие, – нежелание в этом мире находиться.

Не случайно привёл я в начале этой главы не совсем типичный пример с Татьяной Андреевной, от которой ушёл возлюбленный, намного моложе её. Ей помогли в кризисном отделении, сумели убедить в необходимости жить. Доказали, что в ней ещё нуждаются студенты, которых она учит, и дочь, которую она воспитала. Показали, что она нужна и своим друзьям. Хотя добиться этого удалось не сразу – пациентка долго оставалась безразличной к жизни и твердила одно: «Мне незачем жить...» Это исключение из правил заслуживает внимания и говорит, что даже набившие всем оскомину любовные

передряги не так безопасны и легки, как кажутся на первый взгляд, и могут привести к самым тяжёлым последствиям.

Опыт первого в нашей стране кризисного отделения, появившегося в 1980 году, показал, что его потенциала вполне достаточно, чтобы справиться с самыми серьёзными человеческими проблемами. Однако то ли я по природе своей такой сомневающийся во всём человек, то ли и впрямь было здесь что-то, вызывающее у меня серьёзные сомнения, но я не ощущал никакого восторга по поводу знакомства с этой новой, такой вроде бы нужной и важной для людей службой заботы о его душе. Наоборот, я продолжал испытывать гнетущее чувство от нахождения в стенах кризисного отделения, разгадку которого, похоже, наконец нашёл, однако от самого тягостного ощущения не освободился.

Да, я знал и видел, что примерно пятая часть находящихся в стационаре людей не имели отношения не только к самоубийству, но даже – к декларируемому здесь «психологическому кризису личности». Это, как бы помягче сказать, нужные, блатные пациенты, у которых, конечно же, имелись какие-то проблемы, по которым они сюда формально были определены, но по большому счёту им тут делать было совершенно нечего. Кто-то, находясь здесь, дописывал диссертацию, кто-то проводил взятый в институте академический отпуск, а кто-то просто переживал тяжёлую ситуацию на работе. Но дело было, конечно, не в этих двадцати процентах «левых» пациентов – они в советских больницах подобного типа имелись всегда. Загвоздка заключалась в том, что из оставшегося числа более половины тоже находились здесь, что называется, «не по делу». И хотя врачи явно не говорили мне об этом, но это было понятно из разговоров с ними: в центре собран такой мощный психотерапевтический и психологический потенциал, но лишь десять-пятнадцать процентов пациентов стационара реально нуждаются в нём. Речь шла об упоминаемых уже случаях трагической утраты единственных детей, пожилых супругов и о попавших в кризис подростках.

Складывалось ощущение ведения стрельбы из пушек по воробьям. Чтобы лучше понять специфику работы этого особого медицинского учреждения, я решил обратиться за помощью к постороннему человеку, но тоже большому профессионалу в области психотерапии. Доктору медицины, врачу одного из психоневрологических диспансеров Москвы, моему старому знакомому Владимиру Файвишевскому. И услышал от него следующее: «Учреждение службы помощи человеку, оказавшемуся в критическом, кризисном душевном состоянии – великое дело. Великое и по своему значению для страдающих, и как своего рода призыв к повышению гуманного сознания общества. Вроде того

чеховского человека с молоточком, напоминающего людям о том, что в мире есть страдания. Дело это новое, необычное и выдвигает новые же, непривычные для нашего сознания проблемы. Эта в буквальном смысле слова жизненно необходимая служба, и она, несомненно, должна расширяться. Но до какой степени? Остается ли действительным для неё общий принцип «хорошего – чем больше, тем лучше»?

Хотя речь и идёт о проблемах нравственного порядка, нельзя забывать, что специализированные стационары обходятся государству недёшево. Но есть соображения иного рода. У людей, узнавших о существовании такой службы, может сложиться впечатление, что появилась некая панацея от всяческих человеческих переживаний. Это совершенно неправильное представление! Переживания в жизни неизбежны. Более того – они просто необходимы для духовного созревания и полноценного существования личности. К сожалению, широко бытует ошибочное мнение, и врачи порой содействуют его распространению, будто человеку всегда нужны только положительные эмоции, а отрицательные безусловно вредны и их следует всячески избегать. На этом основании некоторые люди подчас отказываются от важных для них целей, достижение которых сопряжено с чрезмерными усилиями, волнениями, риском неудач и разочарований, – потенциальными источниками этих самых отрицательных эмоций. Но такая досрочная капитуляция без борьбы, подобный самоотказ от желаемого (не из-за его недостижимости, а из-за боязни переживаний) порождают одно из самых горьких переживаний – разочарование в себе, и в результате они могут привести к неврозам. А это уже действительно психическое заболевание.

Переживания неизбежны и по самой природе человека. Дело в том, что в нашем мозгу имеются специальные физиологические механизмы, предназначенные при неблагоприятных жизненных обстоятельствах (опасности, лишениях, утратах) формировать соответствующие эмоции – тревогу, страх, печаль, тоску. Но коль скоро существует физиологическая система, то она требует работы. И если жизнь складывается слишком безмятежно, то эти физиологические системы – некоторые учёные, кстати, называют их «центрами страданий» – начинают работать «вхолостую». У людей при этом возникают те же тревога, печаль, тоска и прочие чувства, но по своей силе несоизмеримые с существующими обстоятельствами. Так начинается то, что мы называем переживаниями по пустякам. Таким образом, переживания очень неодинаковы по своим причинам и силе. Иногда человек способен совершенно спокойно справиться с ними сам. Иногда для этого нужна помощь друга или кого-то из близких. Но существует граница переносимого (она разная для различных людей), за пределами которой человеку необходима специальная

квалифицированная помощь, называемая психотерапией. Её может дать соответствующий врач или даже психолог. Однако цель этой помощи – вовсе не обеспечить страдающему такое безмятежное душевное состояние, поместив его «под колпак», где он был бы ограждён от трудностей реальной жизни. Цель психотерапии – помочь человеку, научив его управлять своими психическими процессами, чтобы он в будущем самостоятельно мог справиться с жизненными трудностями и оставаться сильным и «прочным» при любых жизненных обстоятельствах.

И вот такую помощь, в которой нуждаются десятки тысяч людей, вовсе не обязательно оказывать в больничных условиях. И даже лучше для самого такого человека получать её, что называется, «без отрыва от жизни». Что же касается психологических кризисов, то это не просто переживания из-за каких-то неудач и даже не неврозы. Это особые, исключительные состояния, когда отказывают механизмы нормальной психологической защиты и преодоления. Когда наступает как будто паралич воли, и человек в эти моменты не в состоянии сам себе помочь. Задача кризисных отделений – снять возникший паралич духа, предотвратить его непоправимые последствия и содействовать тому, чтобы страдающий всё же сумел сам преодолеть личную трагедию. Такие переживания, заключающиеся в перестройке своей системы ценностей и целей, в нахождении нового смысла жизни взамен утраченного, по сути уже настоящее творчество, которое может духовно обогатить человека (хотя бы большей способностью к состраданию другим), сделать его сильнее и подготовить к активной полноценной жизни в новых обстоятельствах. Между тем есть люди, которые склонны, образно говоря, не опираться на плечо помогающего им, чтобы быстрее встать на ноги, а целиком повисать на нём, отказываясь идти своими ногами. В собственной психотерапевтической практике мне не раз доводилось сталкиваться с такими пациентами, которые при малейших трудностях стараются устроиться в отделения и клиники неврозов. И что же дальше? А дальше там они дезадаптируются к жизни и после выхода оттуда вновь, и даже ещё легче, впадают в невротические состояния. Порой они незаметно для себя проделывают такое развитие личности, которое можно назвать «госпитализмом». Несомненно, кризисные стационары (отделения) должны быть предназначены только для людей, оказавшихся действительно в кризисном состоянии, а не местом, куда можно спрятаться на время от жизни, отдохнуть от возникшей трудной ситуации. Ведь даже при неврозах, настоящих заболеваниях, нужен не отдых, а, напротив, серьёзная работа над собой, наполненная смыслом деятельность. Есть и ещё одно настораживающее соображение, когда думаешь о перспективах расширения сети кризисных стационаров и психотерапевтических отделений больниц. Если будут слишком расширены показания для госпитализации в такие учреждения, где оказывается

душевная поддержка при любых (а не истинно кризисных) переживаниях, то не возникнет ли как бы само собой среди какой-то части населения такое отношение к отправляющимся туда людям: дескать, тебе плохо – вот ты и иди туда, где тебе обязаны посочувствовать и помочь, а нам это не по специальности, это не наше дело!»? Страшно, если такое случится. Все мы должны быть психотерапевтами друг для друга, а для этого должна быть хотя бы элементарная психологическая грамотность. И вот эту службу по психологическому «ликбезу» следовало бы расширять неограниченно».

Ну вот, теперь всё, кажется, встало на свои места. Да, врачи не делят людей на плохих и хороших – они им только помогают. И это очень правильно. Врачующий не может, не должен поступать иначе, и если к нему пришёл за помощью человек, то его главная задача – оказать пациенту эту помощь. К тому же к заботе о человеке, о его здоровье призывают высшие принципы гуманизма, присущие человеческому сообществу. Но правильно ли мы пользуемся этим? Справедливо ли на одних весах под знаком «SOS» оценивать столь различные ситуации, как утрату единственного ребёнка и, скажем, уход супруга или измену возлюбленной?

Конечно, и то и другое может переживаться разными людьми остро, крайне тяжело и называться одинаково: психологический кризис. Но если вспомнить, что более половины браков распадаются, то что же из этого может получиться?! К счастью, не получается. Более того, огромное большинство людей прекрасно (сознательно или интуитивно) понимают, что со сложными, даже сильно щемящими душу жизненными проблемами надо бороться самостоятельно, – только тогда борьба эта становится созидательной силой, помогает утвердить себя или обрести заново. И когда слышишь о психологическом кризисе женщины, потерявшей *даже* любовника, то, извините, чаще всего это означает, что по большому счёту человек просто нуждается в отдыхе, каком-то сочувствии, переключении на что-то другое, но только не в спасении. От чего его спасти? Разве только от себя самого. По-видимому, попадая в подобные ситуации, человек в первую очередь расплачивается за собственные ошибки, подлости, какие-то огрехи в воспитании, если угодно. И не глубокое сострадание ему нужно, не обхаживание его мятущейся души в специализированном стационаре, а в первую очередь – собственное переживание своей «тяжелейшей» ситуации, очищающие личные страдания. Тогда и работа со многими пациентами в строго специализированных медицинских учреждениях не будет напоминать стрельбу из пушек по воробьям. Специалисты получат больше возможностей помогать именно тем, кто оказался в истинном душевном кризисе. Люди станут крепче, жизнеспособнее, а общество – возможно, добрее.

Послесловие

Где-то в середине 1995 года к моей давнишней приятельнице-юристу, организовавшей за несколько лет до этого в Москве частное юридическое

агентство и успешно помогающей людям в их нелёгкой борьбе с государством и друг с другом, пришла на приём пожилая женщина. Она безропотно отсидела в очереди полтора часа, а когда подошёл её черёд и юристы поинтересовались, чем ей могут помочь, она спокойно так попросила:

– Дайте мне, пожалуйста, справку о моей... смерти.

В юрконторе поначалу решили, что человек болен, и попытались отделаться шуткой: дескать, это не их профиль, а такие документы выписывают в морге. Но оказалось, что женщина совершенно здорова и пришла сюда, прекрасно понимая, что юридический документ о смерти действительно дают юристы. Да, она знала, что для этого сначала нужен медицинский документ, удостоверяющий факт смерти, но упорно продолжала настаивать на своём. Ей нужна справка о её смерти, и если ей здесь с этим не помогут, то больше ей идти некуда.

Дело было в следующем. Как раз к лету этого года ажиотаж с печально известной финансовой пирамидой МММ достиг своего апофеоза. Многомиллионная рекламная кампания на телевидении с бездарными обещаниями всевозможных благ (от простых женских сапог до домика в Париже) в результате вложения денег именно по этому адресу сделала-таки своё дело, и десятки, сотни тысяч доверчивых, одураченных россиян чуть ли не с песнями (но с огромными очередями – это уж точно) понесли свои кровные денежки жуликам из АО «МММ». Кто-то просто брал часть имеющихся в наличии собственных средств, кто-то занимал у друзей или даже продавал что-то, но все они, подобно кролику перед предвкушающим сытный обед удавом, покорно шли навстречу скорому краху.

Эта же женщина (назовём её Анной Николаевной) из Екатеринбурга вместе с семьёй своей дочери, кажется, переплюнула всех. Не в силах пропустить эти деньги и возможности, проплывающие мимо них, о которых то и дело трубило телевидение (да, случалось, и кто-то из знакомых рассказывал, будто знакомые их знакомых буквально за неделю-полторы наварили чуть ли не вдесятеро по сравнению с вложенным), она собрала семейный совет, где решено было обхитрить решительно всех. И вот каким блестящим образом.

Пока поезд лёгкого обогащения за счет МММ ещё не ушёл, они продают свою трёхкомнатную квартиру и едут всей семьёй в Москву. Там в первый же день сдают все имеющиеся в семье и вырученные от продажи жилья деньги в это самое МММ и ждут две-три недели, пока внесённая ими сумма не утроится, упятерится, удесятерится! А затем, получив огромные деньги, покупают хорошую квартиру в столице своей Родины. Ну а далее у предприимчивой

семьи начинается наконец по-настоящему счастливая жизнь на новом, очень желанном, но до сей поры недоступном месте. Такая мелкая проблема, как местонахождение семьи из пяти человек с двумя несовершеннолетними детьми и бабушкой-пенсионеркой в течение этих самых трёх недель (в ожидании множащихся денег) решена была Анной Николаевной в том же непринуждённом и авантюрном стиле. Эти ночи и дни они проведут в экскурсиях по Москве, ночевать будут на вокзалах – благо, их в столице предостаточно, а ради скорого счастья можно немного и потерпеть.

Решено – сделано. И скоро счастливая семья, сдав мешок своих денег на приумножение в АО «МММ», отправилась гулять по Москве. Вряд ли кто-то может поставить себя на место этих несчастных людей, когда через две недели во время подсчитывания ими скорой баснословной прибыли и подыскивания квартиры по вкусу произошло то, что и должно было произойти. Умело построенная финансовая пирамида рухнула в одночасье, и многие тысячи людей не могли поверить, что такое случилось именно с ними. Поначалу они осаждали офисы компании, надеясь получить честно, как они считали, заработанные большие проценты, потом – хоть какие-то проценты. Затем вымаливали назад хотя бы вложенные деньги... Куда там!

С Анной Николаевной, идейным организатором и мотором всего этого фантастического финансового предприятия, приключился сильнейший сердечный приступ. Можно точно сказать, что на тот свет она не отправилась только потому, что до конца так и не верила в безвозвратную потерю вырученных от продажи квартиры денег. Или не хотела верить. Слишком страшно это было – поверить в такое. Слишком бездонная пропасть открывалась перед ней, перед её семьёй с этой утратой. Потому, неустанно подпитывая себя мыслью о скором возвращении денег – ладно, не процентов, коли уж этакое приключилось с МММ, но хотя бы своих кровных, – едва придя в себя через несколько дней после страшной вести, она поспешила к главному офису компании на Варшавском шоссе. И очень быстро поняла, что деньги никому не возвращают. Тысячи и тысячи таких же, как она, разорённых, убитых страшными событиями и больных душой и сердцем, бродили возле совсем ещё реального недавно рая, а теперь превратившегося в истинный ад, но все их причитания, просьбы, мольбы и требования были гласом вопиющих в пустыне.

Наверное, где-то тут, возле ставшего теперь для неё символом ада серого здания АО «МММ» и поджидал её последний сердечный удар, когда начал-таки до неё доходить истинный смысл происшедшего с её семьёй. Без прикрас встала вдруг перед ней жуткая картина страшного будущего четверых людей. Себя она уже в этом ряду не видела – да разве вспомнишь о себе, когда всё это готово

обрушиться на двух ни в чём не повинных любимых маленьких внуков. Без денег, без крыши над головой – и главным виновником случившегося кошмара была именно она, отчего хотелось зарыться глубоко в землю или визжать от ужаса, как визжит ведома на бойню и нутром это понимающая домашняя скотина.

Но именно тогда (вот ведь страшное совпадение жизни!), за шаг от последней черты, узнала она, что проклятое АО выдаёт вложенные деньги родственникам умерших вкладчиков. А что для этого надо? Да ничего особенного – только лишь нотариально заверенную справку о смерти вкладчика! Господи, такой-то пустяк по сравнению с тем страшным горем, которое их постигло! И тогда ближайшие родственники спокойно приходят и почти без очереди получают свои деньги – и не только вложенные в АО «МММ», но даже ещё и какие-то проценты.

Вот так в воспалённом мозгу Анны Николаевны и забилась последняя отчаянная мысль всё разом исправить, получив у юристов нужную бумагу. «Дадут – не дадут» – такой дилеммы перед ней не стояло. Как же не дадут?! Тоже ведь люди там сидят и не могут не понять такого горя. Всё объясню, в ножки упаду. Как не поймут?!

Для разговора с необычным посетителем дежурный юрист позвала руководителя консультации, и они вдвоём выслушали эту жуткую историю.

– Пожалуйста, поймите нас правильно, – втолковывали ей и так и этак. – Верно, мы оформляем нотариальные свидетельства о смерти. Но только по факту этой смерти! Лишь тогда, когда человек действительно умер. А вы хотите получить... живая. Мы не имеем права пойти на это ни при каких других обстоятельствах, кроме истинной смерти человека, на которого и делается такой документ. Мы очень хорошо понимаем вас, очень вам сочувствуем, но выполнить вашу просьбу не можем. Не имеем права! Это же подсудное, уголовно наказуемое преступление для нас!

Пришедшая женщина в ноги не падала и даже не плакала уже. Она просто спокойно и монотонно настаивала на получении документа о своей смерти и не воспринимала никакие доводы. Ушла она от юристов, естественно, без желанной справки.

Не знаю, к сожалению, как сложилась судьба Анны Николаевны, как продолжилась жизнь её семьи, но и известного мне вполне достаточно, чтобы воскликнуть: «О, глупость человеческая, имеешь ли ты предел?!» Глупость, которая хоть и достойна всяческого сочувствия и понимания (ну разве виноваты

несчастные советские люди в том, что за долгие коммунистические годы их приучили к наивной вере всякому телевизионному слову, а за недолгие годы так называемой «демократии», демократии по-русски, не приучили к жёсткому сопротивлению мошенничеству и жульничеству и к тому, что в неравной этой борьбе государство их защищать не будет?!), но всё же сродни она безумию, ибо способна привести к настоящей, большой трагедии. Ведь доведённый до такого состояния, человек очень легко может решиться на крайность. Тем более если от страшного этого шага зависит благополучие близких тебе людей, в том числе и малых детей.

Заключение

Я оглядываюсь на своих героев, на происшедшее с ними, на их поступки, и они вызывают во мне то горькую усмешку, то иронию, иногда даже с жалостью, а то – недоумение или даже обиду за весь род человеческий. Все они такие разные, но всех их объединяет одно. Их поведение в необычных обстоятельствах и поиски выхода из них связаны, как правило, с невысоким уровнем духовных ценностей, из-за которых они зачастую в эти ситуации и попадают. По вине ли внешних сил, из-за собственной ли глупости, неосмотрительности, эгоистичности, меркантильности... Действия людей в сложных обстоятельствах

сильно отличаются от таковых в мире животных. Та же ящерица инстинктивно (и инстинкт этот работает у неё как безусловный рефлекс) идёт на материальную жертву – расстаётся со своим хвостом в случае опасности для её жизни. И спасает таким образом очень большую ценность – свою жизнь. Продолжение жизни теснейшим образом связано с ещё большей ценностью – выполнением самой, пожалуй, важной в животном мире задачи и предназначения живого существа – продолжением рода! Эти два основных инстинкта живого существа, а по сути сводящиеся к одному, – продолжению рода – в огромной мере определяют поведение животных.

Люди в непривычных ситуациях, конечно, могут вести себя и подобно животным, но, как наглядно показывают истории этой книги, могут даже и хуже братьев наших меньших, действуя так, будто основных этих природных инстинктов у них нет вовсе. Хотя, повторю ещё раз, я не ставлю перед собой задачу оценивать поведение того или иного человека в подобных обстоятельствах в категориях «хорошо» или «плохо». Потому и принял предсказуемые (инстинктивные) действия в таких ситуациях животных за некоторую «нулевую» точку отсчёта для понимания разброса поведения в них людей. Все описанные выше примеры располагаются на нашей условной шкале в зоне «ниже нуля», и даже без определённых натяжек их можно отнести к примитивной, если так позволительно выразиться, низкой орбите существования человеческого разума и духа. Стремление быстро обогатиться, отвратительная партийная власть, судорожная борьба за место под солнцем и свою жизнь, издевательства над себе подобными, убийства и так далее. Или, наоборот, неоправданный риск собственной жизнью и даже добровольный уход из неё.

Однако бывает, что необычные обстоятельства раскрывают такие черты характера попавших в них людей, которые вызывают у окружающих совсем иные чувства: преклонение, восхищение, благодарность, желание поступать так же и гордость за весь человеческий род. Моральные и волевые качества, проявляющиеся у них в экстремальных ситуациях, поднимают этих людей в наших глазах на недостижимую высоту. Им тоже приходится делать свой выбор. Свой шаг с проторённого жизненного пути, но это уже движение не в сторону. Куда? Об этом – в следующей книге.

